

INTERREGIONAL ORGANIZATION
“RUSSIAN PLATONIC PHILOSOPHICAL SOCIETY”

RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY

31TH INTERNATIONAL CONFERENCE
«THE UNIVERSE OF PLATONIC THOUGHT»:
«Plato’s Dialectics: Method, Norm,
Self-Knowledge»

Saint Petersburg
22–23 June 2023

St Petersburg
2023

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Российское философское общество

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

При поддержке Издательской группы «Весь»

XXXI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«Диалектика Платона: метод, норма,
самопознание»

Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург

2023

Оргкомитет конференции:

Председатель организационного комитета: Светлов Роман Викторович,
доктор филос. наук, профессор БФУ им. И. Канта

Организационный комитет: Melina Musala, PhD, Assistant Professor, University of Patras; Thomas Robinson, Emeritus Professor, University of Toronto; Эмилиано Меттини, кандидат педагогических наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова; Степанова Анна Сергеевна, доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена; Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник РГГУ; Тантлевский Игорь Романович, доктор филос. наук, профессор СПбГУ; Аванесов Сергей Сергеевич, доктор филос. наук, профессор Новгородского гос. университета им. Ярослава Мудрого.

Программный комитет конференции:

Председатель программного комитета: Шмонин Дмитрий Викторович,
доктор филос. наук, профессор, СПбГУ.

Программный комитет: Афонасин Евгений Васильевич, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета; Алымова Елена Валентиновна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ; Мочалова Ирина Николаевна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ; Курдыбайло Дмитрий Сергеевич, кандидат филос. наук, научный сотрудник НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник БФУ им. Иммануила Канта, старший научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена.

XXXI научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Диалектика Платона: метод, норма, самопознание». Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 г. — СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2023. — 292 с.

ISBN 978-5-6048384-1-9

Настоящий сборник включает тексты тезисов докладов участников XXXI Международной конференции «Универсум Платоновской мысли: Диалектика Платона: метод, норма, самопознание». Организованная Платоновским философским обществом, конференция прошла на площадке Русской христианской гуманитарной академии при поддержке Российского философского общества, БФУ им. И. Канта и издательской группы «Весь».

© Коллектив авторов, 2023

© МОО «Платоновское философское общество»,
2023

© АНО ВО «РХГА», 2023

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОТОПОПОВА Ирина Александровна, кандидат культурологии, доцент; Платоновский исследовательский научный центр (Москва, Россия), руководитель; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ДИАЛОГЕ «ТЕЭТЕТ»*

В докладе будут рассмотрены проблемы субъекта ощущения, мнения и знания на материале диалога «Теэтет». Концепция знания как ощущения, сопряженная с доктриной непрерывного движения, представленная Платоном как софистическая, демонстрирует, в частности, важнейшую философскую проблему — субъекта как «единого самого по себе». Мы покажем, как вступают в конфликт две упомянутые концепции именно из-за нерешенности проблемы субъекта, и как Платон, по сути конструируя это внутреннее противоречие, казалось бы, близких доктрин, подводит нас к необходимости введения инстанции, которую можно назвать «трансцендентальным субъектом».

Ключевые слова: Платон, Теэтет, субъект, знание, ощущение

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

IRINA PROTOPOVA, CSc in Culturology, Associate
Professor; Platonic Research Center (Moscow, Russia),
Head; Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Senior Research Fellow

THE PROBLEM OF THE SUBJECT IN THE *THEAETETUS**

The report will address the problems of the subject of sensation, opinion and knowledge based on the material of the *Theaetetus*. The concept of knowledge as sensation, coupled with the doctrine of continuous movement, presented by Plato as sophistic, demonstrates, in particular, the most important philosophical problem — the subject as “one in itself.” We will show how the two mentioned concepts come into conflict precisely because of the unsolved problem of the subject, and how Plato, in fact constructing this internal contradiction of seemingly similar doctrines, leads us to the need to introduce an agency that can be called a “transcendental subject.”

Keywords: Plato, *Theaetetus*, subject, knowledge, sensation

МЕТТИНИ ЭМИЛИАНО, кандидат педагогических наук;
Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н. И. Пирогова
(Москва, Россия), заведующий кафедрой

ПЛАТОН И БОРЬБА С СЕНСУАЛИЗМОМ И ЭМПИРИЗМОМ: ОТ ВИДИМОГО К СОЗЕРЦАТЕЛЬНОМУ

Настоящая статья представляет собой осмысление Платоном процесса перехода к концепции об Идеях как онтологического основания, способствующего правильному знанию, которое не зависит от феноменологического проявления вещей. Данный переход не безболезнен, он представляет собой тернистый путь, идущий к приобретению того, что не могут освятить учения софистов, признающих стихийность познания, обоснованного и обусловленного

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

ощущениями и предполагаемой пользой привнесенного познания человеку, ставшему по мнению Протагора, мерой всех вещей. В диалогах Платона, выбранных для настоящей статьи, автор делает попытку исследования великого наследия Платона как в контексте становления, формирования и развития теории об Идеях, так и борьбу Платона против сенсуализма и эмпиризма, в чьей основе лежали два главных качества: мужество ($\theta\upsilon\mu\sigma$) и рассудительность ($\phi\rho\acute{o}\nu\eta\varsigma$), ставшая центральным понятием в последующих, более зрелых произведениях Платона, которые тоже частично будем анализировать. Мужество и рассудительность представляют собой ось, вокруг которой должна образовываться мудрость человека для того, чтобы побороть неверное мнение, имеющее своим ядром становление, — принцип, который Платон решительно отрицал ради победы настоящего бытия. В этих целях философ шел против исторически подтвердившихся учений, воплощающихся в том или в ином виде в своих диалогах. Поэтому в статье автор ставит перед собой цель с одной стороны, обобщить мудрость, мужество и рассудительность, объединив их под общим понятием «калокагатия», достигаемая лишь через постоянное упражнение тела и души, и дальнейшее подчинение первого ко второй, а, с другой стороны, указывать на то, как правильное мнение со знанием представляет собой точку прикосновения между феноменальным и идейным миром, где начинается настоящая диалектика, о чем умалчивают диатрибы софистов.

Ключевые слова: калокагатия, мужество, софистика, онтологизация, знание

В используемых нами диалогах, таких, как «Протагор», «Горгий», оба «Гиппия», «Менексен», «Лакхет», «Лисид», «Хармид», «Филеб», «Теэет», «Менон», относящихся к различным периодам жизни и творчества Платона, можно заметить три главных направления исследования. Первым мы можем считать отвержение идей софистов как в эпистемологическом, так и в воспитательном плане, вторым — определение критериев истины, которая не может зависеть от ощущений, или страстей, в диалогах Платона представляющих собой до некоторой степени взаимозаменяемые понятия, а третьим вос-

питание у человека рассудительности (φρόνησις), через которую философ бросит вызов исторически подтвердившимся учениям его времени, воплощающимся в том или в ином виде в своих диалогах. На наш взгляд, в них Платон окончательно утверждает несостоятельность положения о том, что можно обучать мудрости и добродетели, которые не могут представлять собой отражение безосновательных мимолетных влечений, и приносить человеку никакой реальной пользы, которая тоже должна быть причастной к истине. В целях нашего исследования данный момент очень важен, потому что по Платону истина должна базироваться на незыблемом фундаменте справедливости, и добродетели, которая не может быть двусмысленной, или, еще хуже, смешенной с ложью, постольку поскольку добродетель не является только чистым знанием (ἐπιστήμη), а внутренним сознанием и достоинством (ἔξις), как утверждает Аристотель в Никомаховой этике (I 13, 1103a9–10; V I, 1129a11–13). Утверждение об этом мы можем найти в диалоге «Протагор», в котором Сократ выступает против того, чтобы беседа его с софистом превратилась в публичную речь (в оригинале указанную прилагательным — эпидейктическое — ἐπιδεικτικός), под которой разумеется показная, бьющая на внешний эффект речь, через которую Протагор считает, что можно улучшить людей, поскольку, будучи софистом, он мудр и воспитатель людей (σοφιστής εἶναι καὶ παιδεύειν ἀνθρώπους, Протагор, 317b). По мнению софистов, все люди, причастные к добродетели, что позволяет их воспитывать, показывая им достоверность любого мнения, которое люди могут разделять на основании окружающей их действительности. В этом мы видим главную составляющую борьбы Платона против сенсуализма и эмпиризма. Как правильно подсказывает Н. Е. Скворцов, Протагор является воплощением Гераклитова учения и рассудочного эмпиризма, утверждающих правдивость мнения непосредственного восприятия феноменологического мира, погруженного в страстях и ощущениях. Поэтому люди выбирают то, что может принести пользу на данный момент, но не приобщать их к настоящему бытию. Подтверждение этому мы можем увидеть в том месте «Протагора», где Со-

крат утверждает, что быть хорошим (ἀγαθός), то есть нравственно и духовно совершенным, представляет собой долгий путь; что стать «хорошим», «храбрым» и т. д. (ἔσθλός) (Протагор 339а–341d), в чем можно еще заметить критику Платоном политики его времени, работающей тоже по принципам риторики софистов, которую, след за Платоном, можно считать ремеслом (τέχνη), а не способом воспитания народа. Следовательно, по Платону мудрость — процесс приобретения настоящего бытия через себя путем отрицания всего, что «течет» и «меняется», отрицания эфемерного мнения, что обозначает отречься от чревоугодия и обманчивого влияния чувств (Федр 238b; Федон бба, 75а), и превращение «исторического» в «идеальное», через онтологизацию действительности под вечные идеи. А этот процесс не давался безболезненно Платону. Мы можем даже сказать, что Платон сомневается в правоте своих позиций, иногда кажется, что Сократ склонен принимать позицию противника, но в конечном итоге то, что, используя ретроспективно терминологию Э. Гуссерля могли бы называть «эйдетической редукцией», берет верх над бушующим морем становления. Здесь начинается путь от «πίστις» — вера (Горгий 454d) к «διάνοια» — прямому созерцанию вечных Истин (идей). Это вовлечет за собой важные последствия, которые будут служить нам заключением нашего исследования.

Знание (ἐπιστήμη) — это сила по-настоящему мудрых людей, против грубой силы (κράτος) убеждения софистов, которые во имя природного равенства людей толкают их к получению наслаждений, не отвечающим стремлениям человека к разуму (весь диалог «Филеб») так, что знание является процессом очищения души, причастной к настоящему бытию, что предусматривает рассудительность, — φρόνησις — основную способность души (Менексен 243а; Хармид 187а; Лахет 157а и далее; Федр 237е; Федон 69е), под которой мы понимаем «умеренность», позволяющую найти правильные наслаждения для души, и, наконец, знание — это мужество (θυμός) как положительное состояние души, ищущее умственного постижимого, чтобы постепенно довести онтологизированное правильное мнение других учений до статуса настоя-

щего знания. В этом мы видим и парадигму как калокагатии, так и эпистемологии Платона, поскольку после правильного мнения со знанием (см. Менон 210a) начинаются настоящая диалектика и жизнь мудрого человека.

EMILIANO METTINI, CSc in Pedagogy; Pirogov
Russian National Research Medical University
(Moscow, Russia), Head of Department

**PLATO AND THE STRUGGLE
WITH SENSATIONALISM AND EMPIRICISM:
FROM THE VISIBLE TO THE CONTEMPLATIVE**

The present paper is an attempt to explore how Plato makes a gradual transition to his conception of Ideas as an ontological foundation of real knowledge, independent from phenomena. This transition is a thorny path going towards the acquisition of what sophistic cannot teach, as far as sophistry is grounded on sensation and material usefulness that teaching can have for man. Analyzing, Plato's dialogues the author studies the struggle of philosopher against sensationalism and empiricism, which was based on two main values: courage ($\theta\acute{\upsilon}\mu\omicron\varsigma$) and prudence ($\phi\rho\acute{\omicron}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$), the latter of which then became a central concept in other, more mature works of Plato. Courage and prudence represent the axis around which the wisdom of man must form in order to overcome the wrong opinion, which has at its core becoming, a principle which Plato resolutely denied for the sake of real being's victory. To this end, the philosopher went against historically confirmed doctrines, embodied in one or other protagonist of his dialogues. Therefore, in the article the author aims, on the one hand, to summarize wisdom, courage and prudence under the general concept of 'kalokagathia,' attainable only through constant exercise of body and soul, and further subordination of the former to the latter, and, on the other hand, to point out how right opinion with knowledge is the touch point between the phenomenal and the ideational world, where the real dialectic begins and the sophists' diatribes are silent.

Keywords: kalokagathia, courage, sophistry, ontologization, knowledge

ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий кафедрой философии

**ИДЕЯ, ОБРАЗ, СИМВОЛ:
ПЛАТОНОВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
ВИДИМОГО-НЕВИДИМОГО
И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДУШИ***

Доклад посвящен рассмотрению платоновской диалектики в контексте взаимосоотнесенности видимого-невидимого в феноменальном образе и самосовершенствования души. Платоновская идея рассматривается как онтологическая основа чувственно воспринимаемого образа, которая может быть созерцаема в нем благодаря соответствующей степени совершенствования души воспринимающего. Такой подход позволяет рассматривать образ, в котором просветом проявляется идея как символ в изначальном древнегреческом значении, как соединение, выход навстречу друг другу — невидимого и видимого, горнего и дольного, трансцендентного и имманентного. Это открывает возможность для онтологической актуализации сферы эстетического, т. е. чувственно воспринимаемой образности. Степень полноты узрения идеи в феномене определяет и сам образ созерцающего, который изначально несет в себе эту связь, но сам может ее в той или иной мере развертывать. Так понятая диалектика Платона направляет в сторону понимания православным христианством (в частности, исихазмом) связи образа и Первообраза в опыте Преображения и Обожения, когда образ человека может определяться не столько им самим, сколько тем, что открывается ему, тем, что созерцается им.

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском горном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-00687, «Образы античных мыслителей в России в контексте европейского Просвещения: рецепция образов, их представление и воспитательное значение в Горном музее и других российских музеях», <https://rscf.ru/project/23-28-00687/>

Ключевые слова: диалектика, созерцание, видимое-невидимое, идея, образ, символ, совершенствование души, созерцание, Платон и православное христианство, преображение

Известны многие интерпретации основного понятия платоновской философии «идея», но среди них до сих пор тенденция к так или иначе понимаемому разделению, вплоть до дуалистического противопоставления «идеального» и «материального» (чувственно воспринимаемого), довольно устойчива. Это связано, видимо, как с «удобством» такой школьной схемы, так и с отсутствием у самого Платона системного выражения теории идеи (в разных диалогах можно встретить разные ее аспекты). Мы будем стремиться к обоснованию сближения, при сохранении их инаковости, «идеи» и «материального», *онтологическая иерархическая взаимосвязь* которых как раз и воплощается в чувственно-воспринимаемом «эстетическом» (αἰσθησις) образе.

Известно, что идея, как и эйдос, этимологически изначально означали некую чувственно-воспринимаемую зримую форму, нечто видимое (вид), по сути дела феноменальный образ, являющий собой несокрытую истину (ἀλήθεια). Платон, усиливая онтологическую и ноологическую составляющую, представил идею как *умо-зримую* сущность, сохранив, хотя и на ином уровне, ее образную структуру. Непосредственное восприятие идеи в ее полноте и чистоте — это некий онтологический предел, точка отсчета, по отношению к которой возможны разные иерархические дифференцированные уровни восприятия идеи в «смешанном» (с чувственно-воспринимаемой составляющей) состоянии.

Можно созерцать идею как идею (и это тот предел, для которого, как говорится в «Федоне», душе нужно освободиться от тела) и можно созерцать идею в феноменальном образе, который становится в той или иной степени ее просветом (последнее как раз есть призвание философов, телесных людей-любомудров). В этом смысле образ пещеры и теней в 7-й книге «Государства» может быть интерпретирован не как сокрытие идеи, а как возможность ее про-явления, степень которого зависит от совершенства души воспринимающего ее.

Идея как онтологическая полнота определяет собой чувственно-воспринимаемый образ, но, будучи независимой от него, может *через него* или *в нем* (но не сквозь него!) открываться и быть воспринятой.

Здесь перед нами предстает диалектика видимого и невидимого, полем которой, с одной стороны, выступает сам феноменально-эстетический образ, а с другой — душа воспринимающего, душа человека. Будучи исконно причастной миру идей, т. е. онтологически подлинной основе, душа обладает условием разворачивать эту причастность, подымаясь по лестнице совершенства от низшего (чувственного) к высшему (разумному, идеям) и обретая способность просматривать высшее в низшем, видеть в низшем образ высшего и даже до определенной меры подымать, преображать низшее до высшего. Эта диалектика позволяет сближать и соединять «идеальное»/трансцендентное/ноуменальное/горнее и «материальное»/имманентное/феноменальное/дольнее, раскрывая сам образ как *символ* (σύμβολον), т. е. совместное устремление навстречу энергий двух сфер, иерархически-синергетическое единство.

Уровень восприятия полноты идеи в образе напрямую зависит от уровня совершенства души, определяемой степенью раскрытия своей «идеальной» составляющей; от этого уровня зависит и сам образ воспринимающего. Тот, кто способен зреть невидимую идею в видимом образе, тот и сам выглядит по особенному просветленно-умудренно-благообразно. Диалектика здесь выступает как путь к созерцанию, онтологический опыт которого имеет прямые эстетические последствия. Платон считал, что от самого человека зависит насколько можно этот уровень созерцания идеи в образе повесить, устанавливая тем самым онтологическую связь между воспринимающим и воспринимаемым: то, что видит человек, определяется тем, что он есть, а то, что он есть, зависит от того, насколько он раскрывает потенциал своего собственного бытия, — что, в конечном счете, и определяет его собственный эстетический образ.

Человек сам становится видимым символом и образом мира невидимого, мира идей, связывая с ним через себя мир чувственный, материальный, и даже онтологически припод-

нимающая его. Интересно, что православие добавляет к этому возможность воспринимаемому определять воспринимающего в мистическом опыте восприятия. На этом стоит тайна Откровения, Преображения и Обожения в исихазме, в которой сам человек, являясь образом Бога, может стать чувственно воспринимаемой иконой, в которой являет себя божественная трансцендентность. Дialeктически сближая идею с феноменальным образом, воспринимающего и воспринимаемое, невидимое и видимое, нельзя не вспомнить о близости Платона и христианства (что в этом контексте представлял, например, о. Павел Флоренский). Но это уже другая тема.

DANIIL DOROFEEV, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), Head of the Department of Philosophy, Professor

**IDEA, IMAGE, SYMBOL: PLATO'S DIALECTIC
OF THE VISIBLE-INVISIBLE AND THE SELF-
PERFECTION OF THE SOUL***

The speech is devoted to the consideration of Platonic dialectics in the context of the relationship of the visible-invisible in the phenomenal image and self-perfection of the soul. The Platonic idea is considered as the ontological basis of a sensually perceived image, which can be contemplated in it due to the corresponding degree of perfection of the soul of the perceiver. This approach allows us to consider the image in which the idea appears as a clearing, as a symbol, in the original ancient Greek meaning, as a connection, an exit to meet each other — invisible and visible, mountainous and valley, transcendent and immanent. This opens up the possibility for ontological actualization of the aesthetic sphere, i. e. sensuous imagery. The degree of completeness of the perception of an idea in a phenomenon is also determined

* The research was carried out at Saint-Petersburg Mining University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-00687 “Images of ancient thinkers in Russia in the context of the European Enlightenment: the reception of images, their presentation and educational value in the Mining Museum and other Russian museums,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-00687/>

by the very image of the contemplator, who initially bears this connection in himself, but he himself can unfold it to one degree or another. The dialectic of Plato, understood in this way, directs towards the understanding by Orthodox Christianity (in particular, hesychasm) of the connection between the image and the Proto-image in the experience of Transfiguration and Theosis, when the image of a person can be determined not so much by himself, but by what is revealed to him, by what he contemplates.

Keywords: dialectics, contemplation, visible-invisible, idea, image, symbol, soul, contemplation, Plato, Orthodox Christianity, transfiguration

СВЕТАЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), директор Высшей школы философии, истории и социальных наук

ПРЯМОЕ И ПОПЯТНОЕ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ «ДВИЖЕНИЯ ДУШИ» В «ТИМЕЕ» И «ПОЛИТИКЕ»

В диалоге «Политик» Платон рассказывает нам о прямом и попятном движении Космоса в разные мировые «эры». Из тематически предшествующего текста («Тимей») мы знаем, что космические движения по сути представляют собой проявления постоянной деятельности мировой души (подобиями которой являются и наши душевные «движения»). В докладе мы постараемся продемонстрировать, какой физический процесс, на первый взгляд кажущийся парадоксальным и необъяснимым, мог стать предпосылкой и «историософских» представлений Платона и его «картографии» движений различных элементов космической души. Благодаря привлечению фрагментов из X книги «Государства» мы можем увидеть, как этот физический процесс накладывал отпечаток на формирование Платоном его историософии, а также антропологии.

Ключевые слова: Платон, космология Платона, Тимей, Политик, космический дуализм

**СЕКЦИЯ 1: «ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНА В ОЦЕНКЕ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ» (ЧАСТЬ 1)**

GIANLUIGI SEGALERBA, PhD, independent scholar

INDIVIDUALS, IDEAS AND DIALECTIC

In my inquiry, I shall investigate the features of ideas, the role of dialectic, and the effects which acquaintance with ideas brings about in the individual. I shall mainly resort to passages taken from Plato's *Phaedo* and *Republic*. I shall first expose the differences between the entities of the average life dimension and the ideas. Entities of the sensible dimension are relative entities: they exist in a dimension of relativity. On the contrary, ideas are not relative: they never appear as different from what they are (for example, the idea of equality never appears unequal). These differences have precise effects on the individual: the individual who is aware of the existence of ideas is, at least as regards his being connected to the ideas, absolute. The acquaintance with ideas brings about the development of the rational part of the soul. An education process is presupposed in order that the individual can know ideas. The rational part of the soul needs to be appropriately developed in order that it can reach a condition in which it can successfully lead the whole soul.

Keywords: ideas, Plato, dialectic, *Phaedo*, *Republic*, being, individual, becoming, knowledge, change, rational part, reality, liberation, soul

In my study, I shall investigate the features of ideas, the role of dialectic, and the effects which acquaintance with ideas brings

about in the individual. I shall mainly resort to passages taken from Plato's *Phaedo* and *Republic*.

I shall first expose some differences between the entities of the average life dimension and the ideas. Entities of the sensible dimension are relative entities: they exist in a dimension of relativity. On the contrary, ideas are not relative: they never appear as different from what they are (for example, the idea of equality never appears unequal).

Ideas are absolute: they are not affected by the dimension of relativity. Sensible concretisations of a property are relative since they are always relative to the context in which they are: for instance, sensible equals can appear as equal to something and not equal to something else. The idea of equal is absolute since it cannot appear as different from that which it is. The sensible concretisations of an idea, in general, and of the equal, in particular, are not the property as such, whereas any idea is the property as such — i. e., it is the property itself — and it is nothing else than the property — the idea of equal, for instance, is equal and nothing else. Sensible concretisations are affected by the relativity of the sensible dimension; ideas, on the contrary, are free from this relativity.

These differences have precise effects on the individual: the individual who is aware of the existence of ideas is, at least as regards his being connected to the ideas, absolute. Through the awareness of the existence of ideas and through the knowledge of ideas, the individual acquires an outlook on reality which is not dependent on the relativity of the sensible dimension. Therefore, the individual who becomes aware of the existence of ideas will have a relation with the world which is different from the relation that an individual who is not aware of the existence of ideas has: the individual who knows ideas is not dependent on the dimension of sensibility (at least not entirely dependent). He is not imprisoned in the dimension of the sense data. Thus, the individual's condition completely changes after the individual has become aware of the existence of ideas.

The acquaintance with ideas brings about the development of the rational part of the soul. An education process is presupposed in order that the individual can know ideas. The rational part of the soul needs to be appropriately developed to reach a condition

in which it can successfully lead the whole soul. This development is achieved through the programme of education exposed in books VI and VII of the *Republic*. The individual should be shifted away from the dimension of Becoming and ought to be brought towards the dimension of Being: the preparatory mathematical disciplines, first, and the dialectic, then, should shift the individual from the dimension of Becoming to the dimension of Being.

The education programme should lead the individual to the acquisition of a condition of stability for his rational part and to the acquisition of the correct perspective as regards the whole reality. Only after reaching the correct perspective on the whole reality is the individual able to give any component of reality the value which it deserves.

Through the programme of studies, the individual meets a dimension of reality which he cannot know before. The dimension of Being is initially unknown to him. In *Republic* VII, 533 we can observe the role of dialectic as the discipline which finally liberates the individual from his condition of ignorance. Knowledge represents the individual's liberation from the original condition. The soul needs to be liberated: the condition of being free from the initial bog, as Plato describes the original condition of the individual, is not given and is not present initially.

ШЕВЦОВ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ,

доктор философских наук; Русская
христианская гуманитарная академия
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

ДИАЛЕКТИКА ИДЕАЛЬНОГО ТЕЛА

Визуальные интуиции Платона: образ человека, видящего себя в «Государстве» и «Федре». Эйдосы, иконы, идолы и фантазмы. Платоновский мир — это система отражений, в которой происходит потеря объемности образа. Уплощение работает как упрощение и одновременно как некая абстракция образа. Стена в пещере, скиография софистов, такой же абстракцией по сути является и письмо. Сновидческому образу пещеры в Государстве

противостоит ясновидческий образ из рассказа Эра. Так мы приходим к сути диалектики, которая предстает не просто неким общим, превышающим все частное, но и неким многомерным и конкретным целым, которое в «Софисте» характеризуется как живое и разумное. В этом можно видеть разрешение апории «Парменида», в котором одно оказывается ничем и всем, а сам Парменид не только противостоит остальным участникам беседы, но и собирает их в себе как в некоем многомерном эйдосе философа.

Ключевые слова: диалектика, многомерное целое, тело, визуальность

KONSTANTIN SHEVTSOV, DSc in Philosophy;
Russian Christian Academy for
the Humanities (Saint Petersburg,
Russia), Associate Professor

DIALECTICS OF THE IDEAL BODY

Plato's Visual Intuitions: the image of a man who sees himself in *Republic* and *Phaedrus*. Eidos, icons, idols and phantasms. The Platonic world is a system of reflections in which there is a loss of the volume of the image. Flattening works as a simplification and at the same time as a kind of abstraction of the image. The wall in the cave, the skiography of the sophists, writing as a form of abstraction. The dream image of the cave in the *Republic* is opposed by the clairvoyant image from the story of Er. So we come to the essence of dialectics, which appears not just as a kind of general, exceeding all particulars, but also as a multidimensional and concrete whole, which in the *Sophist* is characterized as living and reasonable. In this one can see the resolution of the aporia of *Parmenides*, in which one turns out to be nothing and everything, and Parmenides himself not only opposes the rest of the participants in the conversation, but also gathers them in himself as in some multidimensional eidos of the philosopher.

Keywords: dialectic, multidimensional whole, body, visuality, image

КАРАВАЕВА СВЕЛАНА ВИКТОРОВНА, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

РЕЦЕПЦИИ ГЕСИОДА В КОРПУСЕ СОЧИНЕНИЙ ПЛАТОНА

В диалогах Платона встречаются как минимум три различных взгляда на Гесиода: с одной стороны, он автор «величайшей лжи», которого следует изгнать из Государства (Resp. 377e), замаскированный софист (Prot. 316d), с другой — мудрец, научивший нас различать добродетель (Prot. 340d, Leg. 718e), знаток справедливости, с которым Сократ надеется встретиться в Царстве мертвых (Apol. 41a), также он составитель генеалогии богов и героев, знаток родословных и протоэтимолог (Tim. 40d, 155d, Crat. 397e, 406d), заметим, это далеко не полный перечень представлений о Гесиоде, причем отсылки к нему встречаются как явные, так и скрытые. В связи с чем возникают закономерные вопросы: какое место в диалогах отводит Платон Гесиоду, в каких именно диалогах и с какой целью он привлекает Гесиода, почему он представлен таким различным, порой противоречивым, образом, в каких отношениях находится Гесиод с другими поэтами, в частности с Гомером? Этим и другим вопросам и будет посвящен доклад.

Ключевые слова: Платон, Гесиод, античная философия, античная литература

SVETLANA KARAVAEVA, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer

RECEPTIONS TO HESIOD IN THE CORPUS OF PLATO'S WORKS

There are at least three different interpretations of Hesiod in Plato's dialogues: on the one hand, he is the author of the "greatest lie," who, along with other poets, should be expelled from the

State (Resp. 377e), and a disguised sophist (Prot. 316d), on the other — a sage who taught us to distinguish virtue (Prot. 340d, Leg. 718e), a connoisseur of justice, with whom Socrates hopes to meet in the Kingdom of the Dead (Apol. 41a), as well as a compiler of the genealogy of gods and heroes, an expert on genealogies and a protoetymologist (Tim. 40d, 155d; Crat. 397e, 406d). Notably, this is hardly a complete list of notions of Hesiod, and there are both explicit and hidden references to him. Hence, natural questions arise: what place does Plato assign to Hesiod in his dialogues, which dialogues these are and for what purpose he refers to Hesiod, why the latter presented in such different, sometimes contradictory ways, and what is the relationship of Hesiod with other poets, specifically, Homer. The report will be devoted to these and other questions.

Keywords: Plato, Hesiod, ancient philosophy, ancient literature

СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,
кандидат философских наук, доцент;
Санкт-Петербургский Государственный
химико-фармацевтический университет
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИКИ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ПАРМЕНИД»

Платон придавал большое значение особому виду логики и рассуждения — диалектике. Особое место в формировании ряда вопросов, связанных с методами ведения академических дискуссий и возникновения диалектики занимает диалог *Парменид*. Диалектический метод, созданный Платоном, может быть описан как вид неформальной логики, раскрывающий структуру реальности. В диалоге Платона *Парменид* одновременно решаются оба вопроса: онтологический — как может единое стать многим, т. е. идея воплотиться в чувственный мир, и гносеологический — как может единое быть предметом познания, поскольку познание предполагает отнесение единого и себе тождественного к другому — субъекту знания. При этом, соотношенность логосов определяет собой причастность к ним вещей и проистекающую из этой причастности взаимную связь, соотношенность самих вещей. Концептуали-

зация основных гипотез диалога *Парменид* в форме «метода диалектики» приводит к возникновению обширной полемики среди последователей неоплатонизма.

Ключевые слова: диалектика, логика, категории, единое, многое, неоплатонизм

Платон придавал большое значение особому виду логики и рассуждения — диалектике. Особое место в формировании ряда вопросов, связанных с методами ведения академических дискуссий и возникновения диалектики занимает диалог *Парменид*. Именно в данном диалоге Платон, находившийся под влиянием пифагорейцев, стремится создать «метод» диалектики, направленный на постижение мира вечных идей. Диалектический метод, созданный Платоном, может быть описан как вид неформальной логики, раскрывающий структуру реальности.

В диалоге *Парменид* Платон разрешает антиномию, возникшую в результате полемики между элеатами и софистами. Антиномия заключалась в следующем: истинно (и соответственно познаваемо) только то, что тождественно самому себе (тезис элеатов); познаваемо и соответственно истинно только то, что не тождественно себе, поэтому всякая истина относительна (антитезис софистов). Схема построения диалектического метода в диалоге *Парменид* начинается с того, что Платон рассматривает выводы для положения «единое есть», т. е. для единого по отношению к нему самому. Дальнейшее рассуждение Платона следует определенной логике — необходимому диалектическому развитию логических положений, характерных для единого по отношению к «многому», «иному».

Платон показывает, что условием познания (и не только познания, но, что важно, и самого бытия) единого является его соотнесенность с другим; а другое единого есть многое. И наоборот: условием познаваемости (и существования) многого является его соотнесенность с единым, без этого многое превращается в беспредельное и становится не только непознаваемым, но и не-сущим. В диалоге Платона *Парменид* одновременно решаются оба вопроса: онтологический — как может

единое стать многим, т. е. идея воплотиться в чувственный мир, и гносеологический — как может единое быть предметом познания, поскольку познание предполагает отнесение единого и себе тождественного к другому — субъекту знания. При этом, соотношенность логосов определяет собой причастность к ним вещей и проистекающую из этой причастности взаимную связь, соотношенность самих вещей.

Концептуализация основных гипотез диалога *Парменид* в форме «метода диалектики» в процессе дискуссий Платона с мегарской и элейской школами философии, приводит к возникновению обширной полемики среди последователей платоновской философии. Одна из важнейших традиций философской интерпретации платоновского *Парменида* восходит к трудам Плотина (204/205 — 270 гг.), которая показывает различие между диалектикой и логикой, подчеркивая превосходство первой. Теоретический анализ развития диалектического метода в платонизме и неоплатонизме позволяет зафиксировать следующие тенденции: *во-первых*, гипотезы Платона, сформулированные в диалоге *Парменид*, сводятся к фундаментальным утверждениям космического или онтологического принципа, которым соответствует определенное измерение космоса; *во-вторых*, понимание Единого в неоплатонизме приводит гносеологическому парадоксу: познание бытия может осуществляться только при условии их постоянства, т. е. самоидентичности, а так же возможности перехода в «иное», т. е. низшее по отношению к тому, чему они служат причиной и возврата к высшему, следствием чего это бытие является. Единое становится трансцендентным множественному, хотя это не отменяет ни бытия, ни его развертывания во множественность; *в-третьих*, у неоплатоников, вслед за платоновским *Парменидом*, тождество бытие — Ум становится не первичным, а вторичным, и, следовательно, единство бытия — Ума — диалектическим, открытым, динамичным и подвижным, что оказывает существенное влияние на логические и общеплатоновские размышления не только неоплатоников, но и последователей Плотина в позднесредневековой философии.

ELENA SOBOLNIKOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE PROBLEM OF DIALECTICS IN PLATO'S *PARMENIDES*

Plato attached great importance to a special kind of logic and reasoning — dialectics. A special place in the elaboration of a number of issues related to the methods of conducting academic discussions and the emergence of dialectics is occupied by the Plato's *Parmenides*. The dialectical method created by Plato, can be described as a kind of informal logic, that reveals the structure of reality. In the dialogue both questions are solved simultaneously: ontological — how can the idea of being embodied in the sensory world, and the epistemological — how can the one be the object of knowledge, since knowledge presupposes the attribution of the one and identical to itself to another — the subject of knowledge. At the same time, the correlation of logos determines the involvement of things in them and the mutual connection resulting from this involvement, the correlation of things themselves. The conceptualization of the main hypotheses of the *Parmenides* dialogue in the form of the “dialectic method” leads to an extensive controversy among followers of Neoplatonism.

Keywords: dialectics, logic, categories, Plato, Neoplatonism

ЯКИМЕНКО АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат теологии;
МРО Приход храма прп. Алексия Человека Божия
в Горелово, г. Санкт-Петербург (Санкт-Петербург,
Россия), священник; Институт философии человека РГПУ
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), магистр

ДИАЛЕКТИКА СОКРАТА КАК ОСНОВАНИЕ МЕТАФИЗИКИ ПЛАТОНА

В основе философских концепций Платона, которые он выражает посредством диалектики в своих диалогах, главным действующим лицом которых является Сократ, лежит его теория идей. Сократ как литературный персонаж диалогов Платона отражает с одной стороны общественное настроение Афин V века до н. э., являя собой

моральный ориентир для древнегреческого обывателя, с другой — постоянные образовательные институции, в которых определенные пифагорейские и софистические установки играли основную роль. Таким образом, диалектический метод Сократа становится основой как для философских наставительных речей стоических и кинических проповедников эллинистической эпохи, так и для метафизических концепций последующих философских теорий, зачинателем которых стал Платон. Настоящий доклад посвящён рассмотрению взаимосвязи диалектики Сократа и метафизики Платона, выраженной в его теории идей.

Ключевые слова: Сократ, Платон, диалектика, софистика, метафизика, теория идей

Из диалогов Платона мы знаем двух Сократов: Сократа, еще невинного в метафизике, и Платоновского Сократа, т. е. Сократа, выдвигающего точки зрения, которые вряд ли можно назвать буквально сократическими.

Существенной чертой платоновского портрета Сократа является моральная необходимость заботы о своей душе, в которой центральную роль играет диалектика. Сократ, являясь главным персонажем «литературных занятий» Платона, отражает как общую атмосферу в Афинах конца V — начала IV века, так и становление постоянных образовательных институций. Для философии Платона важны не конкретные догматические построения, а сама сущность философии, находящаяся в живом движении диалектики. Для Аристотеля диалектика подобна софистике и имеет лишь внешний вид философии.

Диалектический метод Сократа можно вывести из-под отрицательной характеристики диалектики, как не подлинной философии, потому что его главной направленностью является забота о душе, которой он придает интеллектуальное значение.

Сократовская образовательная практика, по Платону, предполагала вполне определенный тип скрытой метафизики, развитие которой он считал своей задачей. В основе метафизических платоновских теорий лежит его учение об

идеях, которое, имело связь с Сократом. Во время своего первоначального обучения у Кратила, последователя Гераклита, Платон перенял мысль о всеобщей изменчивости бытия.

Платон в попытках Сократа дать общее определение нравственных категорий, которые он назвал идеями, увидел «истинное бытие». Определение общих понятий, которые Сократ прилагал к сфере нравственного бытия, Платон перенес в окружающую действительность, разделив ее на предметно чувственный и умозрительный мир. Диалектический метод Сократа становится основой как для философских наставительных речей стоических и кинических проповедников эллинистической эпохи, так и для метафизики Платона, выраженной в его теории идей.

ARTEM IAKIMENKO, CSc in Theology; Parish of the Church of St Alexy the Man of God in Gorelovo (Saint-Petersburg, Russia), priest; Institute of the philosophy of a human, Herzen University (Saint Petersburg, Russia), MA

SOCRATES' DIALECTIC AS THE FOUNDATION OF PLATO'S METAPHYSICS

Plato's philosophical concepts, which he expresses through dialectics in his dialogues, the main character of which is Socrates, are based on his theory of Ideas. Socrates, as a literary character in Plato's dialogues, on the one hand reflects the public mood of Athens in the 5th century BC, being a moral guide for the ancient Greek layman, on the other hand, permanent educational institutions in which certain Pythagorean and sophistic attitudes played a major role. Thus, the dialectical method of Socrates becomes the basis both for the philosophical instructive speeches of the Stoic and Cynic preachers of the Hellenistic era, and for the metaphysical concepts of subsequent philosophical theories, initiated by Plato. This report examines to the relationship between the dialectic of Socrates and Plato's metaphysics, expressed in his theory of Ideas.

Keywords: Socrates, Plato, dialectics, sophistry, metaphysics, theory of Ideas

СЕКЦИЯ 2: «ДИАЛЕКТИКА, ЛОГИКА И ЯЗЫК У ПЛАТОНА»

НИКОНЕНКО СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ДИАЛЕКТИКА ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ В «КРАТИЛЕ»

Предметом доклада выступает диалектика происхождения имен, выведенная в «Кратиле». Нас интересует, прежде всего, допущение точки зрения, что значение имен может быть установлено «людьми». Хотя Платон подвергает эту точку зрения критике, мы полагаем, что он уже сформировал позицию конвенционализма по отношению к языку и плюрализма значений слов. Диалектика в «Кратиле» понимается как противоположность между строго и произвольно установленным значением имен. Проводится сопоставление идей «Кратила» с современными аналитическими теориями языка в духе лингвистического релятивизма. Показывается, что холистическая теория языка допускает произвольное установление имен, при условии соблюдения правил и общности словоупотребления. Однако этот феномен ведет структуру языка к хаосу. Высказывается предположение, что платоновский диалектический ход в сторону божественного происхождения языка является успешным теоретическим аргументом.

Ключевые слова: «Кратил», Платон, язык, значение, диалектика, имя

SERGEY NIKONENKO, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

DIALECTIC OF THE MEANING OF NAME IN THE *CRATYLUS*

The subject of the report is the dialectic of the origin of names, derived in the *Cratylus*. We are interested, first of all, in the assumption of the point of view that the meaning of names can be established by “people.” Although Plato criticizes this point of view, we believe that he has already formed a position of conventionalism in relation to language and pluralism of the meanings of words. Dialectics in the *Cratylus* is understood as the opposite between the strictly and arbitrarily established meaning of names. The author compares the ideas of the *Cratylus* with modern analytical theories of language in the vein of linguistic relativism. It is shown that the holistic theory of language allows the arbitrary establishment of names, provided that the rules and common usage of words are observed. However, this phenomenon leads the structure of the language to chaos. It is suggested that Plato’s dialectical move towards the divine origin of language is a successful theoretical argument.

Keywords: *Cratylus*, language, meaning, dialectics, name

Буланенко Максим Евгеньевич, кандидат философских наук; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия), доцент кафедры философии

ДИАЛЕКТИКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ: ПОПЫТКА КОНСТРУКТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Диалектика Платона и вообще диалектика — не самая благодарная тема для философов. Отчасти это связано с тем, что полноценного изложения платоновской диалектики как теории и как метода до нас не дошло, а отчасти с тем, что само собой разумеющейся логической теорией в наши дни стала классическая логика в её математизированной форме, и диалектика кажется пережитком прошлого. Между тем логику и диалектику

объединяет то, что они стремятся охватить действительность в её наиболее существенных аспектах через исследование значений языковых выражений и смысловых связей между этими выражениями. Но современная классическая логика сосредоточивается на относительно небольшом множестве выражений, тогда как диалектика всегда была нацелена на создание насколько возможно обширной системы понятий. И действительно, логические связи не ограничиваются только связями между чисто логическими выражениями, они распространяются на значения всех языковых выражений. Эти смысловые связи имеют преимущественно априорный характер, и для проверки их значимости достаточно понимать значения слов: эмпирические факты будут здесь не просто излишни, скорее они сами должны будут соответствовать выявленным логическим связям. Систематическим изучением логических связей между языковыми выражениями в первую очередь и занимается диалектика. К выстраиванию диалектики как универсальной понятийной системы (одновременно логической и метафизической) будет обращаться любая философия, заинтересованная в познании действительности как связанного целого. Замысел так понимаемой диалектики не кажется неосуществимым: при её построении в наши дни имеет смысл использовать сравнительные преимущества предшествующих диалектических систем. При этом любая диалектика платоновского типа неизбежно будет устремляться к выходу за пределы познаваемой действительности, пытаясь превзойти саму себя и приблизиться к трансцендентному.

Ключевые слова: Платон, Гегель, метафизика, диалектика, логика

Диалектика Платона и вообще диалектика — не самая благодарная тема для современных философов и историков философии. Отчасти это связано с тем, что полноценного изложения платоновской диалектики как теории и как метода до нас не дошло, а отчасти с тем, что само собой разумеющейся логической теорией в наши дни стала классическая логика в её математизированной форме, и диалектика кажется пе-

режитком прошлого, в лучшем случае — предшественницей «настоящей» логики. Все попытки возродить диалектику после Платона тоже, как кажется, потерпели неудачу и в настоящее время служат для логиков и философов скорее предметом насмешек. Между тем логику и диалектику объединяет то, что они стремятся охватить действительность в её наиболее существенных аспектах через исследование значений языковых выражений и смысловых связей между этими выражениями. Современная классическая логика отличается от диалектики только тем, что определяет точное значение и устанавливает смысловые связи для относительно небольшого множества выделенных выражений, тогда как диалектика всегда была нацелена на создание насколько возможно обширной системы понятий. Относительная лёгкость выполнения задачи, которую ставит перед собой классическая логика, не должна скрывать того обстоятельства, что принятые в ней значения логических выражений оказываются адекватны далеко не во всех контекстах, а лежащая в её основе онтология аристотелевского типа при более пристальном взгляде обнаруживает спорные или во всяком случае слишком сильные допущения (например, что всякое имя относится ровно к одному индивиду, причём сохраняющему идентичность во всех контекстах).

Пытаясь справиться с этими затруднениями, неклассические логики не избегают собственных трудностей, подчас даже ещё более серьёзных. Таким образом, хотя современная логика в своей области действительно более эффективна, чем диалектика (вернее, имеющиеся у нас образцы применения диалектики) в своей, она имеет ощутимые ограничения даже в этом относительно небольшом сегменте использования языка. Между тем логические связи не ограничиваются только связями между чисто логическими выражениями. Любой компетентный носитель языка немедленно признает правильность декартовского вывода «Мыслю, следовательно, существую», не сомневаясь назовёт карася рыбой и с уверенностью скажет, что дружба бывает только взаимной, а любовь — не обязательно. Эти смысловые связи имеют преимущественно априорный характер, и для проверки их значимости доста-

точно знать значения слов: эмпирические факты будут здесь не просто излишни, скорее они сами должны будут соответствовать выявленным логическим связям.

Замысел диалектики как логики, которая одновременно была бы метафизикой или даже универсальной понятийной наукой, *prima facie* не кажется совсем уж неосуществимым. Но он явно будет сталкиваться с труднопреодолимыми препятствиями. Первая трудность, неизбежно возникающая при попытке создать обширное понятийное описание мира, обусловлена недостаточной точностью значений слов естественного языка, проистекающими из этого разногласиями по поводу их значения в разных контекстах и нечёткостью множества правил их употребления (именно относительной лёгкостью определения множества правил для логических операторов обусловлена эффективность современной логики). Но в отсутствие чётко определённых правил употребления и сочетания понятий говорить о диалектике как об универсальной понятийной системе (и одновременно методе её построения) нельзя. Ни платоновский эскиз «сплетения эйдосов» в «Софисте», ни попытка выведения понятий друг из друга в «Науке логики» Гегеля, ни марксистские законы диалектики не достаточны для единообразного и воспроизводимого выстраивания такой системы. Вторая трудность связана с глубиной диалектического анализа: не очень понятно, стоит ли стремиться к отысканию связи всего со всем, когда от каждого понятия будут проведены смысловые связи ко всем остальным, или же допустимо сосредоточиться преимущественно на локальных и окрестностных связях, прослеживая глобальные связи только для широкоохватных понятий. Наконец, третья трудность состоит в том, что априорность диалектического исследования будет подчас плавно переходить в эмпиричность (ведь значения и определения понятий могут изменяться под влиянием опыта), так что значимость метафизических результатов будет поставлена в зависимость от эмпирических наук.

Более того, возможно, что диалектика по своему существу является открытым метафизическим проектом, имеющим отчасти гипотетический характер: косвенное подтверждение

этому можно видеть в многообразии метафизических систем в рамках уже самой платоновской Академии. В этом случае возникающие в истории диалектические системы необязательно считать взаимоисключающими, поглощающими или превосходящими друг друга: можно сравнивать их между собой, оценивая их сильные и слабые стороны с точки зрения дальнейшего развития диалектического начинания. Здесь уже молчаливо подразумевается недвусмысленный ответ на вопрос о том, нужна ли диалектика современной философии: к диалектическому предпринятию в том или ином виде будет обращаться и возвращаться любая философия, всерьёз заинтересованная в познании действительности как связанного целого. И для любой подобного рода философии будет верно и то, что некогда было открыто Платоном для его собственной диалектики: познавая действительность как целое, она неизбежно будет устремляться к выходу за её пределы, пытаясь превзойти саму себя и приобщиться к трансцендентному.

MAXIM BULANENKO, CSc in Philosophy; Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia), Associate Professor, Department of Philosophy

DIALECTICS THROUGH THE EYES OF MODERN LOGIC: AN ATTEMPT AT CONSTRUCTIVE INTERPRETATION

Plato's dialectic, and dialectic in general, is not the most rewarding subject for philosophical research. This is partly because a comprehensive exposition of Platonic dialectic is not available to us. On the other hand, for contemporary philosophy, classical logic in its symbolic form has become the standard logical theory, so that dialectic appears to be rather a relic of the past. Meanwhile, what logic and dialectic have in common is that they seek to capture reality in its most essential traits through the study of the meanings of language expressions and semantic relationships between them. However, modern logic focuses on a relatively small set of expressions, while dialectic has always aimed at constructing comprehensive conceptual systems. In fact, log-

ical relations are not limited to purely logical expressions, they pertain to the meanings of all language expressions. These semantic relations are primarily *a priori*, so that the meanings of the words are usually sufficient to determine, whether a particular relation obtains or not. For the most part, dialectic is concerned with the systematic study of logical relations between language expressions. Any philosophy interested in the grasp of reality as a coherent whole will engage in developing dialectic as a universal conceptual system (at once logical and metaphysical). The dialectic project understood in this way seems rather viable. Finally, it must be added that any dialectic of the Platonic kind will inevitably be driven to go beyond the known reality trying to surpass itself and to reach to the transcendent.

Keywords: Plato, Hegel, metaphysics, dialectic, logic

КАТРЕЧКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), доцент; Фонд «Центр гуманитарных исследований» (Москва, Россия), главный редактор «Трансцендентального журнала»

**ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОД [ФИЛОСОФСКОГО]
ПОЗНАНИЯ: ДВА ПЛАТОНОВСКИХ КЕЙСА ИЗ
ДИАЛОГОВ «ФЕДОН» И «ПАРМЕНИД»**

Доклад будет посвящен теме платоновской диалектики как методу философского познания, методу аргументации в философии. Однако в текстах Платона она представлена не как единый метод философского познания, а как набор отдельных мыслительных процедур по работе с противоположностями. Понятно, что в этом смысле диалектика отлична от логики, которая избегает противоположностей в мире вещей: мир вещей должен быть непротиворечив. Для решения этой дилеммы Платон вводит «мир идей» как условие возможности осмысления «мира вещей»: любая вещь мыслится им как причастная к некоторой идее (или набору идей–свойств), которая выступает его трансцендентальным условием (Кант).

Как пишет Платон, «не допуская... тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он [человек] не найдет, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения» [Парменид, 135b). В докладе будет проанализировано два случая платоновского диалектического рассуждения: опровержение «основного элейского тезиса» (127e–129c) из диалога «Парменид» и первый аргумент в пользу бессмертия души («взаимопереход противоположностей», 70c–72e) из диалога «Федон». Диалектику как метод философской аргументации можно сопоставить с трансцендентальной аргументацией Канта, а также с некоторыми системами неклассической логики (логики истинности фон Вригта, паранепротиворечивые логики).

Ключевые слова: Платон, метафизика, диалектика, мир идей, трансцендентальная аргументация, Кант

Платон предлагает диалектику как метод философского познания (греч. *διαλεκτική* как «искусство вести рассуждение», метод аргументации в философии), но в его текстах она выступает, скорее, не как единый метод, а как набор неких (отличающихся) мыслительных процедур работы с противоположностями, объединенных по методу семейного сходства (у Платона есть и другое понимание диалектики (диалектической способности) как искусства, восходящее от предпосылок к беспредпосылочному началу (Государство, VI, 511: VII, 533).^{*} Позже, у Аристотеля, начинает развиваться логика, и поэтому некие платоновские диалектические процедуры (в частности, «метод логосов») выступают уже как логические операции. В докладе предлагается разобрать два случая работы так понимаемого диалектического метода: первый аргумент в пользу бессмертия души «взаимопереход противоположно-

^{*} Подробнее см. наш доклад: Катречко С. Л. Абдукция как диалектика (Платон), риторика (Аристотель) и трансцендентальная аргументация (Кант) // XXVIII международная научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и риторика». Тезисы докладов. СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2020. С. 150–152.

стей» (70с–72е) из диалога «Федон» и опровержение «основного элейского тезиса» (127е–129с) из диалога «Парменид».

1. Опровержение «основного элейского тезиса» из диалога «Парменид» (127е–129с) — это всестороннее рассмотрение вещей «с одной стороны..., с другой стороны...». В данном случае «диалектика» указывает на то, что «мир вещей» несамодостаточен: вещи существуют не сами по себе, а их существование обусловлено «причастностью» к соответствующим идеям. Вещь, например, является белой только потому, что она причастна к идее белизны. Вместе с тем она является деревянной, поскольку она причастна к идее «деревянности» и при этом «белое» не подобно «деревянному». Соотнесение вещей (эмпирического) с идеальным (априорным по Канту) — основная апория априоризма платонизма (Н. Гартман). Но именно это позволяет Платону (Сократу) разрешить «основной элейский тезис» (апорию): вещи подобны, поскольку они причастны к идее «вещи» и неподобны, поскольку они причастны к разным идеям-свойствам (одни вещи красные, другие — зеленые).

2. «Взаимопереход противоположностей» (70с–72е) — указание на своеобразную (восходящая к Анаксимандру и Гераклиту) онтологию, — не онтологию не вещей, а онтологию состояний. Подчеркнем это особо, поскольку стандартным образом первый аргумент предполагает онтологию вещей («мир состоит из вещей»). Но, например, в своем «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн прямо говорит о том, что «мир не состоит из вещей, а состоит из фактов» (аф.1.1), а если мы обратимся к миру квантовой механики, то там, конечно, нет вещей, но есть «квантовые состояния». Диалектика же здесь выступает как метод осмысления подобного динамического мира «взаимоперехода противоположностей» в отличие от более статического мира вещей. Хотя это можно трактовать и по-другому: помимо «мира вещей» (белая вещь) есть еще и «мир идей» (белизна), в котором и происходит «взаимопереход противоположностей», т. е. здесь противоположность указывает на другую онтологическую сущность.

В обоих рассмотренных случаях диалектика как метод работы с противоположностями предполагает наличие еще одного слоя [идеальной] реальности — «мира идей» как условие возможности осмысления «мира вещей»: любая вещь мыслится им как причастная к некоторой идее (или набору идей-свойств), которая выступает его трансцендентальным условием (Кант). Как пишет по этому поводу Платон, «не допуская... тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он [человек] не найдет, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения» (Парменид, 135bc). Тем самым платоновская диалектика выступает как основной метод философского анализа области умопостигаемого (в том время как *логика* Аристотеля предназначена для анализа «мира вещей»).

Платоновскую диалектику как метод философской аргументации можно сопоставить с трансцендентальной аргументацией Канта,* а также с некоторыми системами неклассической логики (логики истинности фон Вригта, паранепротиворечивые логики).

SERGEY KATRECHKO, CSc in Philosophy, Associate
Professor; State Academic University for the Humanities
(Moscow, Russia), Associate Professor; Foundation
for Humanities (Moscow, Russia), Head of Chair
“Studies in Transcendental Philosophy”

**DIALECTICS AS A METHOD OF [PHILOSOPHICAL]
COGNITION: TWO PLATONIC CASES FROM
THE *PHAEDO* AND *PARMENIDES***

The talk will be devoted to the topic of Platonic dialectics as a method of philosophical knowledge, a method of argumentation in philosophy. However, in Plato's texts it is pre-

* Подробнее см. наш доклад: Катречко С. Л. Трансцендентальная метафизика Платона (Платон и Кант) // XXX научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и европейская философия». Тезисы докладов. СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2022. С. 174–176.

sented not as a single method of philosophical knowledge, but as a set of separate mental procedures for working with opposites. It is clear that in this sense dialectics is different from logic, which avoids opposites in the world of things: the world of things must be consistent. To solve this dilemma, Plato introduces the “world of ideas (forms)” as a condition for the possibility of comprehending the “world of things:” any thing is conceived by him as partaken in some idea (or a set of ideas-properties), which is its transcendental condition (Kant). As Plato writes, “if anyone denies the existence of ideas of things, since he denies that the idea of each thing is always the same, and in this way he will utterly destroy the power of carrying on discussion” (*Parmenides*, 135bc). The report will analyze two cases of Platonic dialectical reasoning: the refutation of the “main Eleatic thesis” (127e–129c) from the *Parmenides* and the first argument in favor of the immortality of the soul (“mutual transition of opposites,” 70c–72e) from the *Phaedo*. Dialectics as a method of philosophical argumentation can be compared with Kant’s transcendental argumentation, as well as with some systems of non-classical logic (von Wright’s truth-logics, paraconsistent logics).

Keywords: Plato, metaphysics, dialectics, world of ideas, transcendental arguments, Kant

МУСАТОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат философских наук, независимый исследователь

**ПОЧЕМУ СНЕГ ЧЕРЕН?
ВЛИЯНИЕ ЭЛЕАТОВ И ЭВОЛЮЦИЯ
НАТУРФИЛОСОФИИ МИЛЕТСКОЙ ШКОЛЫ
В ВОЗЗРЕНИЯХ СОФИСТОВ**

Вопрос, вынесенный в заголовок — способ задать рамки разговору при неохватности темы. В центре внимания — радикальная перемена в сознании. Попытка рефлексии перехода от «одного» к «другому» в предельном его выражении в конечном счете связана с проблематизацией чувственной достоверности. В докладе речь идет о двояком генезисе идей софистов как в философии элеатов, так

и у представителей милетской школы. Двойной смысл отрицания: и как определяющий внутреннюю логику неустойчивости мнений, и в диалектике философского спора. Природа страсти и начало идеологии. Эвристический потенциал формулы «одинаково истинное, но неодинаково пригодное». Материя, понимаемая в духе натурфилософии, как коррелят освобожденности от онтологической иллюзии. Позиция «черный снег» — берется как пример радикальной перемены сознания, интерес представляет здесь проблематизм рефлексии перемены в качестве таковой; через это я пытаюсь показать софистическую концепцию «неложности» всякого мнения в ее развитии.

Ключевые слова: софисты, Парменид, отрицание, мнение, ложь, страсть, милетская школа, хаос, материализм, чувственное восприятие, воля, Анаксагор

«Черное вместо белого» (иначе говоря, как помыслить изменение в сознании?) в контексте рассмотрения учения софистов можно трактовать в 4-х различных смыслах:

1) в значении простых рефлексивных определений мысли в их ценностной асимметрии: т. е. на уровне рассмотрения перемены мнения. Здесь противоположные определения сохраняют свои названия, при этом кардинально меняется их оценка. Это путь страстей из 2 части поэмы Парменида, которая повествует о природе онтологической иллюзии

(снег черен в том смысле, что, называя его белым, мы можем иметь в виду нечто принципиально иное; движение как перемена мнений проблематично);

2) как неразличимость «одного» и «другого» в радикальном сенсуализме, в потоке чувственного бытия; неразличимость — и в смысле неотделимости знака от значения, и в плане «неложности» всякого чувства (см. «Теэтет» 157–160), когда вообще не имеет значения, как и что называется; как и в первом варианте, переход от «одного» к «другому» не схватывается в рефлексии;

(проблематично мыслить движение как изменчивость чувства — нельзя мыслить перемену там, где все есть

только переход, все течет = все стоит, «все подобно» и «все неподобно»)

3) когда «одно» и «другое» берутся в концептуально разном смысле, например, в разграничении «первичных» и «вторичных» качеств или умопостигаемого и чувственно воспринимаемого, как вариант догматизма в интерпретации скептиков (фрагмент о черном снеге у Секста Эмпирика, Пирр. I, 33); отстаивание произвольного тезиса здесь — лишь упражнение для ума;

(в догматическом разграничении двух уровней бытия: один, где все пребывает, другой — где все в становлении и иллюзорно; движения нет, потому что только один план здесь суций, где все неподвижно)

4) наконец, как определенности вне сознания в натурфилософском материализме: *(снег черен, поскольку чернота в нем наличествует наряду с белизной)*, материя есть возможность существования «одного» не через отрицание «другого» и не в процессе перехода в него, а *вместе* с другим, безразлично к другому. Материя у софистов (в смысле анаксагоровского хаоса) — коррелят преодоленности мнения, искушенности относительно природы онтологической иллюзии, и в то же время неотъемлемая натурфилософская составляющая в их мышлении (Пирр. I, 217–219).

(Перемена «одно вместо другого» есть движение в стихии языка, по ту сторону односторонних оценок, веры и слепой страсти; противоположности, обнаруживающие в себе собственное отрицание, удерживаются в едином поле мысли).

«Младшие» софисты трансформируют идеи элеатов и ионийскую натурфилософию в концепцию индивидуальной свободы в сознательном придании своей жизни формы *контролируемой* страсти. Когда «одно» рассматривается как сущее «для другого», это подразумевает культивирование самости, деятельное отношение к себе. Выбор страсти понимается исходя из представления о внутреннем природном избытке (ср. *Аристотель*, Никомахова этика, III, 10).

ANDREY MUSATOV, CSc in Philosophy, independent scholar

**WHY SNOW IS BLACK? THE ELEATICS'
INFLUENCE AND THE EVOLUTION OF THE
IONIAN SCHOOL IN THOUGHT OF SOPHISTS**

Main questions of the report. Dialectic of opinion and dialectics of philosophical dispute. The dual genesis of the philosophy of the sophists—as related with both the Eleatics and the Ionian school. Hence some of the incompleteness of Socratic criticism carried out from the standpoint of philosophical idealism. On the one hand there is a proximity to Parmenides. On the other hand, it is evident that there is inheritance from Anaxagoras' ideas. The Sophists have advanced further in working out of his philosophy of the Will and of the matter concept. The question posed in the title marks a problem of the explication of some break in the mind. Beside that it provides the necessary framework for such an immense topic.

Keywords: Sophists, Parmenides, negation, opinion, lie, passion, Ionian School, chaos, materialism, sensibilia, will, Anaxagoras

МУРСКИЙ ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), доцент

**МНОГООБРАЗНАЯ ДИАЛЕКТИКА
ПЛАТОНА И ЕЕ ЭЛЕЙСКИЕ КОРНИ**

Доклад посвящен теме платоновской диалектики. Эта тема не новая. Но, тем не менее она, как ни странно, не очень хорошо изучена. Ведь хотя порой принято говорить о платоновском диалектическом методе, при внимательном рассмотрении обнаруживается, что платоновская диалектика вовсе не представляет собой некоего однородного метода. Напротив, диалектике Платона свойственно принципиальное разнообразие. В докладе демонстрируется разнообразие платоновской диалектики сообразно с осуществляемым мыслитель-

ным действием. Таких способов мыслительного действия выделяется три. Соответственно выделяется три вида диалектики. А именно: аналитическая диалектика, синтетическая диалектика и интеллектуально-созерцательная диалектика. При этом демонстрируется преобладание того или иного вида диалектики в различных платоновских диалогах. Показывается также преемственность платоновской диалектики по отношению к диалектике элеатов, а также ее судьба в последующей истории философии.

Ключевые слова: Платон, Парменид, диалектика, аналитическая диалектика, синтетическая диалектика, интеллектуально-созерцательная диалектика

VADIM MURSKY, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE MULTIFORM DIALECTIC OF PLATO AND ITS ELEATIC ROOTS

The report is devoted to the theme of Platonic dialectics. This theme is not new. But, nevertheless, it, oddly enough, is not very well studied. Indeed, although it is sometimes customary to speak of the Platonic dialectic method, a closer examination reveals that the Platonic dialectic is by no means a homogeneous method. On the contrary, Plato's dialectic is characterized by fundamental multiform. The report demonstrates the diversity of Platonic dialectics in accordance with the ongoing mental action. There are three such ways of mental action. Accordingly, three types of dialectics are distinguished. Namely: analytical dialectics, synthetic dialectics and intellectual-intuitive dialectics. At the same time, the predominance of one or another type of dialectics in various Platonic dialogues is demonstrated. It also shows the continuity of the Platonic dialectic in relation to the dialectic of the Eleatics, as well as its fate in the subsequent history of philosophy.

Keywords: Plato, Parmenides, dialectics, analytical dialectics, synthetic dialectics, intellectual-intuitive dialectics

АРТЕМЬЕВ ТИМУР МУРМАНОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

КАК ПЛАТОН ПОНИМАЛ ПРОСТРАНСТВО?

Платон понимал пространство диалектически. С одной стороны он описывает геометрическое пространство в виде оформляющей вещи материи как таковой, с другой стороны как пространство онтологическое — бесформенную возможность, способную дать толчок к становлению каждой вещи (мать-восприемницу). Геометрическое пространство состоит из геометрических фигур: треугольников и многоугольников, наделяющих в определенных соотношениях физическими свойствами первостихии и конкретные материальные вещи. Онтологическое пространство Платон понимает как порождающую материальные вещи субстанцию в современном смысле. Платоновская «хора» сама не подвержена уничтожению, то есть вечна и самодостаточна. Не являясь каким-либо сущим, онтологическое пространство Платона, в отличие от измеримого и имеющего формы геометрического, непостижимо познавательными способностями. Знанием о непостижимом Платон назвал «незаконным умозаключением», приходящим к нам во снах и грезах.

Ключевые слова: Платон, геометрическое пространство, онтологическое пространство, диалектика

TIMUR ARTEMEV, CSc in Philosophy, Associate Professor; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

HOW DID PLATO UNDERSTAND SPACE?

Plato understood space dialectically. On the one hand, he describes geometric space in the form of matter formalizing things as such, on the other hand, as an ontological space — a formless possibility capable of giving impetus to the formation of every thing (mother-recipient). Geometric space consists of geometric figures: triangles and polygons, endowing in certain relations with the physical properties of the primacy and specific material

things. Plato understands ontological space as a substance (the modern sense) that generates material things. Plato's "choir" itself is not subject to destruction, that is, eternal and self-sufficient. Without being any entity, Plato's ontological space, unlike the measurable and geometrically shaped, is not comprehensible by cognitive abilities. Plato called the knowledge of the incomprehensible "illegal conclusion" coming to us in dreams.

Keywords: Plato, geometric space, ontological space, dialectics

ЗЕМЛЯКОВ ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ, Колледж гуманитарных
и социально-педагогических дисциплин имени
Святителя Алексия, Митрополита Московского
(Тольятти, Россия), преподаватель

**ТЕЗИС ПАРМЕНИДА «БЫТИЕ ЕСТЬ»:
ОТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СМЫСЛА
К ПРЕДИКАТИВНОЙ ФОРМЕ**

В статье проведена реконструкция высказывания Парменида «есть и не быть никак невозможно», открывающего собой первый путь изыскания «сущего» в философской поэме мыслителя. Установлены основные проблемы перевода данного тезиса, к которым в первую очередь относится отсутствие у глагола-связки «есть» соответствующего подлежащего. На основании грамматической формы глагола «есть» и контекста поэмы Парменида проведена реконструкция данного подлежащего. Предпринята попытка вскрыть его экстралингвистический характер. Объяснению и интерпретации подлежит экзистенциальный смысл слова «есть». Отдельно обосновывается тезис, согласно которому глагол «есть» у Парменида выступает в роли слова-предложения, т. е. представляет собой бесподлежащее предложение. Также объяснению подлежит предикативный характер экзистенциального глагола «есть». Представлена критика некоторых переводов основного высказывания Парменида. В заключении делается попытка формальной реконструкции тезиса Парменида на языке логики предикатов. Выявляются некоторые противоречия такой интерпретации.

Ключевые слова: Парменид, бытие, сущее, бытие есть, глагол-связка

GLEB ZEMLYAKOV, St Alexius College of humanitarian and socio-pedagogical disciplines (Tolyatti, Russia), Lecturer

PARMENIDES' THESIS "BEING IS" FROM EXISTENTIAL MEANING TO PREDICATIVE FORM

The article reconstructs Parmenides' statement "being and non-being are could not possible," which opens up the first path of inquiry into the "being" in the philosopher's poetic work. The main problems of translating this thesis are identified, including the absence of a corresponding subject for the linking verb "be." Based on the grammatical form of the verb "be" and the context of Parmenides' poem, the reconstruction of this subject is carried out. An attempt is made to uncover its extralinguistic nature and explain the existential meaning of the word "be." The thesis is also justified that the verb "be" in Parmenides functions as a sentence-word, i. e. represents a subjectless sentence. The predicative nature of the existential verb "be" is also explained. Criticism of some translations of Parmenides' main statement is presented. In conclusion, an attempt is made to formally reconstruct Parmenides' thesis in the language of predicate logic, revealing some contradictions in such an interpretation.

Keywords: Parmenides, being, existence, being is, linking verb

СОРОКИНА МАРИНА ПАВЛОВНА, Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия), ассистент

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СОКРАТОВСКИМ ЭЛЕНХУСОМ И МЕТОДОМ «МОЗГОВОГО ШТУРМА»

В предстоящем докладе рассматриваются параллели между Сократическим испытанием собеседника посредством тактики, которую мы знаем как «эленхус» и методом, направленным на стимуляцию креативности в рамках групповой работы, известным под названием «мозговой штурм». Исследование обращает внимание на то, что несмотря на раз-

личие целей и сеттинга, в той части, которая способствует генерации идей, между двумя приемами можно отметить некоторое сходство и, возможно, преемственность. На наш взгляд, определенное отсутствие самокритики со стороны собеседников, подвергающихся расспросам со стороны Сократа, необходимо для того, чтобы образовалась достаточно большая «глыба» знания несовершенного, от которой, используя диалектику как инструмент скульптора, Сократ мог бы в последствии отсекал все лишнее на пути к истинному знанию.

Ключевые слова: сократический диалог, эленхус, мозговой штурм, идеи, диалектика, Платон

В середине седьмой книги «Законов» Клиний резюмирует тот настрой, который Афинянин якобы ранее задал их беседе, говоря: «Ты сказал, что надо предоставить нашей беседе хорошо развиться, а затем, когда она разовьется, надо будет выбрать из нее то, что будет признано хорошим» (Законы 805b5–7). В следующей строчке он выражает обиду на последовавшую за игрой по таким правилам критику. Однако это и другие места в Сократических диалогах Платона обычно демонстрируют некоторый объем идей, высказанных собеседниками как-бы при полном отсутствии или некоторой нехватке самокритичности. Так в диалоге «Феаг» юноша спокойно признает, что, по-видимому, его истинным желанием является стать тираном, хотя социальное отношение к такому желанию в Афинах в тот момент не могло быть одобрительным. В следующий момент мы и видим подтверждение этому, когда Феаг, тот самый юноша, как бы вновь обретает критичность и разъясняет, чем на самом деле он хотел бы заниматься. Эта временная утрата собеседниками критического мышления позволяет Сократу вытащить на свет и рассмотреть идеи, которые мешают им осознать истинное положение вещей, найти путь к знанию. Однако этот первый шаг — некритичная генерация идей, на наш взгляд сближает Сократовский подход с методикой «мозгового штурма». Нам представляется, что на самом деле для успешного и продуктивного эленхуса этап этот необходим, ибо создает ту первичную «глыбу» мнения

собеседника, от которой Сократ в последствии искусной рукой каменотеса, вооруженного диалектикой, будет отсекать все лишнее, оставляя лишь прекрасное.

MARINA SOROKINA, Institute of the philosophy of a human, Herzen University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia), Lecturer

COMPARING AND CONTRASTING SOCRATIC ELENCHUS AND BRAINSTORMING

The upcoming paper explores the potential parallels between the Socratic method of elenchus, which involves challenging the interlocutor, and the brainstorming method used to stimulate creativity in group work. Despite differences in goals and settings, the study highlights similarities and potential continuity between the two techniques in their ability to generate ideas. We argue that a certain lack of self-criticism on the part of the interlocutors subjected to Socratic elenchus is necessary in order to produce a sufficiently big “lump” of imperfect knowledge, which Socrates would later model using dialectics as a tool of a sculptor cutting off everything superfluous in the process of seeking the true knowledge.

Keywords: Socratic dialogue, elenhus, brainstorming, ideas, dialectics, Plato

ДАНИЛКИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА, кандидат философских наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), ассоциированный научный сотрудник

ПЛАТОНОВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В ПРОЕКТЕ ФОРМАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

В статье выявляются диалектические мотивы формальной онтологии и границы диалектического метода Платона в проекте построения формальной онтологии. Последний представляет собой попытку концептуализировать и классифицировать реальность, доступ к которой осуществляется различными когнитивными способами, такими как

научное теоретизирование, визуализация и повседневное общение. Линия Платона продолжается в той части общей формальной онтологии, которая имеет дело с онтологиями научных теорий. Диалектика Платона, понимаемая как высшая наука, дистанцируется от чувственного восприятия и обыденного мнения, что удерживает ее в рамках научного теоретизирования на высоком уровне абстракции. Кроме того, дихотомическое различие сущностей подходит для систем, которые работают с моделями, представляющими мир, как состоящий из дискретных и полностью определенных объектов, устраняющими нечеткость и размытость границ между сущностями.

Ключевые слова: диалектика, онтология, формальная онтология, дискретные объекты, Платон

NATALIA DANILKINA, CSc in Philosophy; Sociological
Institute, Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint
Petersburg, Russia), Associate Research Fellow

PLATONIC DIALECTIC IN THE PROJECT OF FORMAL ONTOLOGY

The paper reveals the dialectical motifs of formal ontology and the limits of Plato's dialectical method in the project of constructing the formal ontology. The latter is an attempt to conceptualise and classify reality, which is accessed in various cognitive ways, such as scientific theorising, visualisation and everyday communication. I argue that the Plato's line continues in that part of the general formal ontology that deals with the ontologies of scientific theories. Plato's dialectic, understood as the highest science, distances itself from sensory perception and ordinary opinion, which keeps it within the framework of scientific theorising at a high level of abstraction. In addition, the dichotomous distinction of entities is suitable for systems that work with models that represent the world as consisting of discrete and fully definable entities. These models eliminate the fuzziness and blurring of the boundaries between entities.

Keywords: dialectic, ontology, formal ontology, discrete entities, Plato

СЕКЦИЯ 3: «НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПЛАТОНОВЕДЕНИИ»

АЛЁТКИН ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), магистр

Истоки философии Платона в учении Эмпедокла

В докладе рассматривается влияние идей Эмпедокла на развитие философии Платона. Цель доклада — показать историчность развития философии через противоречивую взаимосвязь философских открытий. Логическая связь философии Платона и Эмпедокла, ученика пифагорейцев, представляется еще недостаточно исследованной. Важными моментами учения Эмпедокла являются принципы Любви и Вражды, которые также отразились в диалогах Платона. Помимо этого, особый интерес представляет сравнение и выявление генетической взаимосвязи представлений о Первоначале у этих философов. Поиск внутренней диалектики самого учения Эмпедокла является отдельной самостоятельной задачей в рамках рассмотрения ее как момента развития мысли более ранних философских школ. Тем самым выявляется необходимость анализа греческой античной мысли как некоего целостного этапа в развитии философии.

Ключевые слова: первоначало, любовь и вражда, диалектика, Платон, Эмпедокл

VITALIY ALYETKIN, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), MA Student

THE ORIGINS OF PLATO'S PHILOSOPHY IN THE TEACHINGS OF EMPEDOCLES

The report examines the influence of Empedocles' ideas on the development of Plato's philosophy. The purpose of the report is to show the historicity of the development of philosophy

through the contradictory relationship of philosophical discoveries. The logical connection between the philosophy of Plato and Empedocles, a student of the Pythagoreans, seems to be insufficiently explored. Important points in the teachings of Empedocles are the principles of Love and Strife, which are also reflected in the dialogues of Plato. In addition, of particular interest is the comparison and identification of the genetic relationship of ideas about the First Principle among these philosophers. The search for the inner dialectic of the teaching of Empedocles itself is a separate independent task within the framework of considering it as a moment in the development of the thought of earlier philosophical schools. This reveals the need to analyze ancient Greek thought as a kind of integral stage in the development of philosophy.

Keywords: the first origin, love and strife, dialectic, Plato, Empedocles

ГРИГОРЬЕВА МАРИНА ПЕТРОВНА, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), аспирант

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ: ПИРРОН И АРИСТОТЕЛЬ

Философское направление, получившее в I в. до н. э. название скептицизм и отождествляемое с учением Секста Эмпирика, в последнее время особенно привлекает внимание исследователей, и складывается впечатление, что это учение переживает Ренессанс. Ричард Бэтт в своей книге “Pyrrho, His Antecedents, and His Legacy” говорит о том, что эта традиция объединяет, по крайней мере, три различных. История начинается с Гомера, поэтому эллинистические скептики утверждали, что уже у Гомера встречаются разногласия. Известно рассуждение Секста Эмпирика о том, что скептицизм, по мнению Энесидема — это путь к философии Гераклита, этой теме посвящена работа Роберта Полито. Картина древнего скептицизма, благодаря многим исследованиям, оказывается более утонченной и увлекает возможностью новых ин-

терпретаций. История сохранила название существовавшего, но, к сожалению, не дошедшего до нас трактата Плутарха. Название работы «Пирронизм и Академия» говорит о том, что Плутарх рассуждал о различиях этих школ. Интересным кажется, следуя диалектическому методу Платона, осмыслить представления о счастье в контексте учения первого скептика — Пиррона.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, Пиррон, атараксия, эвтюмия, счастье

Скептическое мировоззрение возникает во второй половине IV и первой половине III вв. до н. э. — это время, когда греческая философия переживала творческий подъем, оно совпадает с походом Александра, чей философский интерес был вдохновлен Аристотелем. В свою восточную кампанию Александр пригласил философов, художников, артистов, поэтов, среди них примечательны были перипатетик — племянник Аристотеля Каллисфен и Анаксарх — ученик Демокрита, призвавший с собой Пиррона — первого скептика. Американский профессор классики Ди Л. Клейман в своем исследовании о поэзии в пирронизме замечает, что Пиррон получил уникальное образование во время похода, он повстречался с персидскими магами, с греческими художниками и разными интеллектуалами, которые входили в состав свиты. Ди Л. Клейман говорит о пьянящем художественном окружении, руководил которым Александр. Пиррон ничего не написал, за исключением, возможно, стихотворения в честь Александра. Факт его существования подтверждается свидетельством Диогена Лаэртского, сообщающего о том, что Пиррон учился у Анаксарха из Абдеры и сопровождал его в экспедиции Александра в Индию, подтверждает этот факт и Аристокл-перипатетик и об этом упоминает Евсевий Кесарийский. Пиррон считается основоположником учения, и мысли его устремляются по следующему направлению: сопоставляя аргументы по любой заданной теме, он обнаруживает равносильность противоположных суждений, что определяется термином *изостения*. Неразрешимые, с его точки зрения, разногласия заставляют Пиррона приостановить суждение о реальной

природе вещей. Эта приостановка суждений о природе вещей (*epochē*) сама по себе имеет важный практический эффект, она приводит к атараксии — свободе от беспокойства. Это состояние Пиррон отождествлял со счастьем. Согласно Аристотелю, «всякое искусство и всякая наука, а также и деятельность, и намерение, стремятся к известному благу; поэтому благо хорошо определили так: оно есть то, к чему все стремится». По мнению Пиррона, не следует стремиться к истине, потому как любая вещь — это не в большей степени это, чем то, и не может быть ничего истинно ни прекрасным, ни безобразным, ни справедливым, ни несправедливым, и для любого утверждения найдется противоречие. Можно согласиться с тем, что у такого человека есть своего рода душевный покой, но надо задуматься о положительной стороне спокойствия, более четко выраженной в старом демокритовском термине «эвтюмия». Это состояние скорее сопровождается положительной эмоцией, а не отсутствием эмоций вообще. Например, Сенека сочетает спокойствие с соответствующим состоянием ума. Мудрец испытывает радостное состояние, понимая, что достиг безопасности, и ничто в мире больше ему не угрожает. Таким образом, оказывается, что спокойствие, однажды достигнутое, может быть источником бесконечного восторга. В какой мере скептик может достичь этого состояния? Следуя скептическому мировоззрению, скорее произойдет *epochē*. Не придерживаясь никакой доктрины, можно ли отождествлять счастье и спокойствие?

MARINA GRIGOREVA, Lomonosov Moscow State
University (Moscow, Russia), Postgraduate

DIALECTICAL METHOD IN SEARCH OF HAPPINESS: PYRRHO AND ARISTOTLE

The philosophical trend, which received the name skepticism in the first century BC and identified with the teachings of Sextus Empiricus, has recently attracted the attention of researchers, and it seems that this teaching is experiencing a renaissance. Richard Batt in his book “Pyrrho, His Antecedents, and His Legacy,” says that this tradition unites at least

three different. The story begins with Homer, so Hellenistic skeptics argued that Homer already had disagreements. Sextus Empiricus' argument is known that skepticism, according to Enesidemus, is the way to the philosophy of Heraclitus, the work of Robert Polito is devoted to this topic. The picture of ancient skepticism, thanks to many studies, turns out to be more refined and captivates with the possibility of new interpretations. History has preserved the name of the existing, but, unfortunately, not extant treatise of Plutarch. The title of the work "Pyrrhonism and the Academy" suggests that Plutarch reasoned about the differences between these schools. It seems interesting, following Plato's dialectical method, to comprehend ideas about happiness in the context of the teachings of the first skeptic — Pyrrho.

Keywords: Plato, Aristotle, Pyrrho, ataraxia, euthymia, happiness

САМДАН ЮНА, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), студент

КАТАРТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕНХОСА У ПЛАТОНА

Эленхос — один из видов сократической философской практики, направленной на поиск истины и избавление собеседника от ложных притязаний на знание. Эленхос выступает не только в качестве диалектического метода познания, но и как нравственное испытание, побуждающее человека к личному совершенствованию и изменению своего образа жизни. Общепринятая точка зрения на эленхос предполагает акцент на его деструктивной функции, т. е. на освобождении от иллюзии знания, однако потенциал этой практики не ограничивается осознанием своего неведения в отношении какого-либо предмета и себя самого. В докладе будет представлен краткий анализ логических и психологических аспектов эленктического метода, а также первые результаты исследования, направленного на изучение взаимосвязи между рефлексивной деятельностью и совершенствованием нравственной организации человека.

Ключевые слова: эленхос, сократовский метод, Платон, знание блага, добродетель

YUNA SAMDAN, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russia), Student

THE CATHARTIC POTENTIAL OF *ELENCHOS* IN PLATO

Elenchos is a type of Socratic philosophical practice aimed at searching the truth and eliminating an interlocutor's false claims to knowledge. Elenchos acts not only as a dialectical method of cognition, but also as a moral test that encourages a person to improve themselves and change their way of life. The generally accepted point of view on elenchos implies an emphasis on its destructive function, i. e., on liberation from the illusion of knowledge. However, the potential of this practice is not limited to the realization of one's ignorance. The report will present a brief analysis of the logical and psychological aspects of the elenctic method, as well as the first results of an investigation aimed at studying the relationship between reflective activity and the perfection of a person's moral character.

Keywords: elenchos, Socratic method, Plato, knowledge of the good, virtue

Закрошвили Нино Вахтанговна, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ВРЕМЯ КРОНОСА И ФИГУРА *DEUS OTIOSUS* В ПЛАТОНОВСКОЙ КОСМОЛОГИИ

В докладе рассматривается фигура *deus otiosus* «праздного бога» в контексте платоновского диалога «Политик» в связи с принципом недеяния, который оказывается основополагающим во многих культурных традициях. Так, например, даосизм, поставляет примат недеяния (у-вэй — 無為) и нарекает его сердцевиной учения о Дао, Бхагавад-гита говорит о важности «акаर्मического» действия, М. Экхарт даже ставит отрешенность (*Abgeschiedenheit*) выше даже самой Любви. Также хорошо знакомое представление Аристотеля о том, что именно вечное и безусловно прекрасное — Перводвигатель — находится в неподвижности и таким

образом движет всеми вещами. В контексте недеяния как некоторого основополагающего принципа, который встречается в различных философских системах, предлагается проанализировать роль и место фигуры *deus otiosus* в космологии Платона, а также выявить то, почему то, что хронологически раскрывается позднее, предшествует логически.

Ключевые слова: Платон, «Политик», время Кроноса, *deus otiosus*

Для анализа фигуры *deus otiosus* главным образом важен диалог Платона «Политик».

Платон заявляет, что раньше люди рождались прямо из земли, (269b) в нынешнюю же эпоху они рождаются друг от друга посредством эроса. Человек более не является автохтонным существом, происходящем прямо из земли, движением которого напрямую руководит бог. Человек стал рождаться от другого человека посредством эроса и приобрел самостоятельность. Однако, эта самостоятельность и является проблематичной, поскольку в «нынешней эпохе», в эпохе Зевса, уже правит не *Deus actuosus*, но *Deus otiosus*. Более нет прямого и постоянного попечения со стороны богов, человек отдан под управление самого себя и ему предстоит научиться самостоятельному движению, будучи существом онтологически гибристичным.

В чем заключается роль «праздного бога»? Что вообще значит бездействовать? И, наконец, можно ли действовать, ничего не делая? Это основные вопросы, на которые предстоит ответить.

NINO ZAKROSHVILI, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE TIME OF CRONUS AND THE FIGURE OF *DEUS OTIOSUS* IN PLATO'S COSMOLOGY

The report examines the principle of non-action, which turns out to be fundamental in many cultures, as well as the figure of the *deus otiosus* ("an idle god") in the context of Plato's *Statesman*. Whether it is Taoism, which establishes

the primacy of non-action (Wu-wei — 無為) and calls it the core of the doctrine of Tao; the Hindu concept of “karmic” and “akarmic” action, or Master Eckhart’s Abgeschiedenheit, which places detachment above even Love itself. Also, Aristotle’s well-known notion that it is the eternal and unconditionally beautiful — the Prime Mover — that is immobile and thus moves all things. In the context of non-action as a certain fundamental principle, it is proposed to analyze the role and place of the *deus otiosus* figure in Plato’s cosmology, and also to reveal why what is chronologically revealed later, precedes logically.

Keywords: Plato, the Statesman, the time of Cronus, *deus otiosus*

ШКЛЯР ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

АНТИЧНЫЙ ПОСТМОДЕРН

«Диалектика — только средство личной самообороны в руках тех, которые не имеют иного оружия. Ею пользуются лишь когда хотят заставить признать себя правым». Это одно из определений, которые даёт Ницше. Он критикует Сократа и видит в диалектике только упадок «греческого духа». Автор предлагает посмотреть, что же из себя может представлять этот «греческий дух» и где он сегодня. Увидеть в философии, нечто отличное от Сократовской и Платоновской диалектики. Главный тезис работы заключается в том, что постмодерн — это античность. В первую очередь из-за метода философствования. Сократ и его диалектика задали новый курс мышления. Где во главе каждого концепта или философии должен был быть «Разум». Досократики же демонстрируют, что можно заниматься философией играючи, поэтично, нелогично. В особенности Гераклит. Можно обратиться к парадоксам Зенона которые показывают невозможность дискретного подхода в мышлении и неразумность принятой логики. Гераклит ходит на границе поэзии и философии, заставляя погружать-

ся в метафоры и парадоксы. Философия Гераклита не просто открыта к интерпретациям, она их вызывает и может существовать только пока интерпретируется и меняется. То же самое мы можем наблюдать в философии постмодерна и его кризисе рациональности. Уход от научного подхода и погружение в литературность, в поэтичность. Постмодерн, так как же и Гераклит, пытается мыслить афоризмами, иронией, метафорами, загадками. Он отвергает последовательность и ясность, в угоду другой философии. Философии не как способа познавать окружающий мир, а философии жить. При этом не желающей дать точное определение, что это такое, а позволять каждому решить это самостоятельно.

Ключевые слова: постмодерн, Античность, Гераклит, Сократ, Ницше, ирония, Логос, шутка

EVGENI SHKLYAR, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

ANCIENT POSTMODERNISM

The author suggests to see what this “Greek spirit” can represent and where it is today. To see in philosophy something different from Socratic and Platonic dialectics. The main thesis of the work is that postmodernity is antiquity. First of all, because of the method of philosophizing. Socrates and his dialectics set a new discourse of thinking. Where at the head of each concept or philosophy there had to be a “Mind.” Socratics also demonstrate that it is possible to engage in philosophy playfully, poetically, illogically. Especially Heraclitus. One can turn to Zeno’s paradoxes, which show the impossibility of a discrete approach in thinking and the unreasonableness of the accepted logic. Heraclitus walks on the border of poetry and philosophy, forcing you to immerse yourself in metaphors and paradoxes. The philosophy of Heraclitus is not just open to interpretations, it causes them and can exist only as long as it is interpreted and changed. We can observe the same thing in postmodern philosophy and its crisis of rationality. Departure from the scientific approach and immersion in literature, in poetry.

Postmodernism, as well as Heraclitus, tries to think with aphorisms, irony, metaphors, riddles. He rejects consistency and clarity, in favor of a different philosophy. Philosophy is not as a way to know the world around us, but philosophy is to live. At the same time, not wanting to give an exact definition of what it is, but to allow everyone to decide it on their own.

Keywords: Postmodernity, Antiquity, Heraclitus, Socrates, Nietzsche, irony, logos, joke

ПОЛИКАРПОВА ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА,
независимый исследователь

**УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ
КОСМОСА: ДЕЙСТВЕННОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ
ПЛАТОНА, ВОВЛЕКАЮЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ
В ПРОЦЕСС ПОИСКА ИСТИНЫ**

Идея об Универсальном Принципе, лежащем в основании существования Космоса, озаряла умы искателей всеохватной Истины в Египте, в Индии, в Китае, в Древней Греции. В Европу эта идея попала благодаря Пифагору, который называл этот Принцип — Числа. У Гераклита и Филона Александрийского это — Логос. У Платона это — Мир Идей. Обозначив концепции Пифагора, Гераклита, Парменида, Филона, автор обращается к диалогам Платона. В ряде диалогов («Пир», «Теэтет», «Кратил», «Федр», «Федон») Платон говорит о том, что в процессе постижения сути вещей необходимо каждый вид сущего возводить к одному эйдосу (метод возведения к единой идее). Из этого следует, что в процессе создания мира вещей всё множество каждого вида вещей эмануруется из одного эйдоса Мира Идей — из эйдоса, которому причастна каждая вещь этого множества. Для создания же Мира Идей необходимо единство более высокого порядка. У Платона это — Сверхсущее Единое. Об этом — «Тимей» и «Парменид». Вдумчивое прочтение диалогов Платона приводит к пониманию того, что им создаётся непротиворечивая модель Мироздания, наиболее близкая к реальности. О том, что эта

модель была принята многими философами античности, можно судить по текстам Филона Александрийского (25 г. до н. э. — 50 г. н. э.), которые отражают распространённое в начале христианской эры мировоззрение. Возможно, не закройся Академия и не будь с некоторых пор так высок авторитет Аристотеля, такое отношение к учению Платона сохранилось бы до сих пор. Информация об *универсальном принципе* была на виду, ставя всё во Вселенной (в том числе и человека) на свои места, формируя целостное мировоззрение у интеллектуальной элиты, — и вся история человечества могла бы пойти другим путём: не разрушительным, а созидательным.

Ключевые слова: единое, логос, мир идей, универсальный принцип, метафизика, Пифагор, Платон, Аристотель

Пифагор (570–490 до н. э.) называл интеллигибельный мир — мир, построенный по законам математической логики, порождающий космос чувственно воспринимаемый, — *числа*. Для него это — не абстракция, а метафизическая реальность, предшествующая физическому миру — реальность, из которой он эманурует.

«Прекрасно зрелище всего небосвода и движущихся по нему звёзд, если в этом движении виден порядок. Конечно, это возможно посредством причастности первичному и умопостигаемому. А первичным является природа чисел и пропорций, пронизывающая всё, в соответствии с которой всё гармонично соединено и подобающим образом украшено. И мудрость постигнута есть знание прекрасного, первичного, божественного и чистого, всегда неизменного и действующего так, что всё прочее, причастное ему, также может быть названо прекрасным. Философия же есть ревностное стремление к такому созерцанию» (Ямвлих «Жизнь Пифагора»).

Платон заимствует идею Пифагора о «первичном и умопостигаемом» Универсальном Принципе, который он называет Миром Идей. В «Тимее» Платон пишет «о двух вещах: во-первых, об основополагающем Первообразе (Мире Идей), который обладает разумным и самотождественным (независи-

мым) бытием, а во-вторых, о подражании этому Первообразу, которое имеет рождение и зримо (мир видимый)». От Мира Идей Платон восходит к трансцендентному непознаваемому Абсолюту, которого называет — Единое, или Благо.

Используя аналогию создания программы программистом и реализации её с помощью современных технологий можно сказать: Мир Идей — это созданный Богом метафизический мир, пронизывающий весь Космос, — единая энергетическая, созидающая (постоянно функционирующая) сеть программ, со сложной иерархической организацией, насыщенная разнокачественными тонкими мощными энергиями высокого уровня, реализующаяся их мощью, — неиссякаемый источник мира текущих явлений.

Одной из причин, по которым Аристотель не смог понять «теорию идей» Платона (а следом за ним и многие другие) было то, что в число эйдосов Платон включает помимо материальных эйдосов, и эйдосы понятий: эстетических, этических... Последние являются качественными характеристиками (предикатами), и с ними возникают некоторые сложности.

Непонимание, каким образом единичные вещи могут быть причастны идеям, Платон пытается разъяснить в первой части «Парменида». Первоначально это было самостоятельное сочинение с названием «Об идеях», и имело цель защиты «теории идей» в полемике с её противниками. Эту часть порой ошибочно рассматривают как убедительную критику дуализма вещи и идеи. Здесь Платон использует метод возведения к единой идее и майевтику.

Доводы противников идей приводит Парменид, как бы от себя, провоцируя Сократа на то, чтобы тот согласился с этими доводами. Сократ ещё молод и не на всё находит, что возразить. Но что-то и Сократ говорит в защиту идей, и Парменид сам из лагеря противников переходит к защите и в завершении приводит довод, уничтожающий все доводы против идей: «...если кто, приняв во внимание всё только что изложенное, откажется допустить, что существуют идеи вещей, и не станет определять идеи каждой вещи в отдельности, то, не допуская постоянно тождественной себе идеи (эйдоса из

Мира Идей) каждой из существующих вещей, он не найдёт, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения».

Платон, используя диалектику своего учителя Сократа, умеет напрягать интеллектуальные способности читателя с целью устремить его к участию в поиске истины, преодолевая разнообразные препятствия.

Современный человек имеет доступ к информации большего объёма, чем та, которой располагали мыслители античности, и если он будет использовать свой интеллект и интуицию, данные Богом, с такой же эффективностью, как они, то сможет получить более детальные знания о разумной организации Космоса и о своей душе. Но общая концепция — близкая к Истине, как видится автору, — уже обозначена Платоном.

LUDMILA POLIKARPOVA, independent scholar

**THE UNIVERSAL PRINCIPLE OF THE EXISTENCE
OF THE COSMOS: THE EFFECTIVENESS OF
PLATO'S DIALECTIC INVOLVING THE READER IN
THE PROCESS OF SEARCHING FOR TRUTH**

The idea of a Universal Principle underlying the existence of the Cosmos illuminated the minds of seekers of all-encompassing Truth in Egypt, India, China, and ancient Greece. This idea got to Europe thanks to Pythagoras, who called this Principle Numbers. In Heraclitus and Philo of Alexandria, this is the Logos. For Plato, this is the World of Ideas. Having outlined the concepts of Pythagoras, Heraclitus, Parmenides, Philo, the author turns to the dialogues of Plato. In a number of dialogues Plato says that in the process of comprehending the essence of things, it is necessary to raise each kind of being to one eidos. It follows from this that in the process of creating the world of things, the whole set of each kind of things emanates from one eidos of the World of Ideas. To create a World of Ideas, unity of a higher order is necessary. For Plato, this is the Super-Existent One. A thoughtful reading of Plato's dialogues leads to the understanding that

he creates a consistent model of the Universe that is closest to reality. The fact that this model was adopted by many philosophers of antiquity can be judged by the texts of Philo, which reflect the worldview widespread at the beginning of the Christian era. Perhaps, if the Academy had not been closed and if Aristotle's authority had not been so high for some time, such an attitude to Plato's teaching would have been preserved to this day.

Keywords: logos, ideas, universal principle, *eidos*, metaphysics, emanation, Plato, Pythagoras, Philo, Aristotle

Шурунов Константин Михайлович,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РЕИНКАРНАЦИЯ АНТИЧНОЙ ДИСКУССИИ О ДВИЖЕНИИ И ПОКОЕ В ФИЗИКЕ XXI ВЕКА

В докладе анализируется современная дискуссия о состоянии и событии, возникающая вследствие попыток философского осмысления квантовой механики. С одной стороны, события есть ткань мироздания — события фиксируют квантовые объекты в определённой локации («в покое») в обобщённом фазовом пространстве (в этом суть проекционного постулата квантовой механики, подтверждённого экспериментально). С другой стороны, именно динамика квантовых состояний описывает изменение («движение») квантовых объектов. Но у нас нет ни одного прямого свидетельства физической реальности квантовых состояний. Строго говоря, квантовое состояние есть математический конструкт, не проявляющийся напрямую в эксперименте. Прочерчиваются параллели с античной дискуссией о движении и покое (на примере апории Зенона «Стрела»). Также в докладе кратко рассматривается возвращение концепции абсолютного покоя в современную космологию.

Ключевые слова: движение, покой, Зенон, апория, стрела, квантовая механика, состояние, событие, космология

KONSTANTIN SHURUNOV, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**THE RENASCENCE OF THE ANCIENT DISCUSSION
ON MOTION IN 21ST CENTURY PHYSICS**

The report analyzes the modern discussion on state and event. Said discussion arises as a consequence of the attempt at philosophical comprehension of quantum mechanics. On one hand, events are the fabric of the Universe — events fix quantum objects in the definitive locations (“at rest”) in generalized phase space (this is the essence of the projection postulate of quantum mechanics). On the other hand, it is the dynamics of the quantum states that describes the change (“motion”) of quantum objects. However, we have no direct evidence of the physical reality of quantum states. Strictly speaking, a quantum state is a mathematical construct. Parallels are drawn with the ancient discussion on motion and stillness (for instance, Zeno’s “Arrow” paradox). The report also briefly addresses the resurgence of the concept of absolute stillness in the modern cosmology.

Keywords: motion, stillness, Zeno, paradox, arrow, quantum mechanics, state, event, cosmology

СЕКЦИЯ 4: «ПЛАТОН И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ»

ПРОХОРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, кандидат философских наук;
Балтийский федеральный университет им. Иммануила
Канта (Калининград, Россия), научный сотрудник

«ВНЕШНЕЕ ОТКРОВЕНИЕ» КАК ТИП ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МЕТАФИЗИКЕ И. Г. ШВАРЦА*

Будучи профессором философии Московского Императорского Университета, И. Г. Шварц (1751–1784) был, фактически, единственным человеком, кто на вполне профессиональном философском языке своей эпохи выражал философское мировоззрение московского масонства Екатерининского времени, ярким представителем которого он являлся. Вполне признаётся, что масонство того периода оказало существенное влияние на формирование духовной культуры России XVIII столетия в целом, а в частности стало подготовительной платформой для славянофильства и русского шеллингианства. Как в отечественной, так и в зарубежной историко-философской литературе наследие Шварца почти не изучено. Биография и творчество мыслителя, как правило, привлекают внимание исследователей истории русского масонства и розенкрейцерства. В связи с этим представляется вполне оправданной научной задачей усиление внимания к впервые опубликованному в последнее десятилетие наследию Шварца, основная часть которого — конспекты и подготовительные материалы его лекций. В настоящем докладе рассматривается, как одно из общих мест масонского мировоззрения — метафизика света — в творчестве Шварца связывается, с одной стороны, с его учением о двух типах откровения (внутреннем и внешнем), а с другой стороны — с его представлением об историческом процессе передачи знания.

Ключевые слова: историческая память, метафизика света, масонство, русская философия, XVIII век

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

Сопоставляя те немногие тексты, которые остались после И. Г. Шварца и теперь опубликованы, можно убедиться, что в основе его философствования лежало достаточно прямолинейное масонско-теософское мировоззрение. Суть его сводится в общих чертах к следующему: мир создан единым всеблагим Творцом из света и тьмы в соответствии с набором универсальных принципов, которые когда-то были в достаточной степени известны человеку. Сначала в результате грехопадения, а затем по причине непрекращающихся раздоров, истинное знание было постепенно утрачено человечеством. Однако на протяжении всей истории находились отдельные группы посвящённых, которые сумели сберечь знание истины и передавали его из поколения в поколение, вплоть до наших дней. Отдельные отблески этого великого знания становились причиной появления известных центров древней мудрости. Шварц предлагает следующий перечень: (1) «Философия магов, от Зороастра, халдейская»; (2) «Иудейская, от Моисея, библейская»; (3) «Пифагорейская, в греческой Италии»; (4) «Сократова, Платонова, Аристотелева в Греции»; (5) «Каббалистическая, раввинская — смесь всех, потому что иудеи были рассеяны и везде учились». К этому списку Шварц прибавляет христианство, гностиков и «всякое еретичество». Существует также некая «герметическая философия», о которой сказано, что она «есть мать, она основывает себя на знании природы, не идёт далее, как до знания её, имеет познание стихий, первой материи, поправления металлов...». Эта «герметическая философия» и есть то самое сокровенное знание, которое хранят розенкрейцеры, особое тайное общество, представляющее собой ядро другого тайного движения — масонства.

Общественное положение Шварца не позволяло ему открыто проповедовать масонские взгляды. В начале 80-х годов XVIII в., когда он стал профессором философии, у него уже было достаточно недоброжелателей, готовых воспользоваться малейшим предлогом, чтобы разоблачить молодого амбициозного масона, к чему весьма располагала историческая ситуация: отношение Екатерины II к масонам стремительно портилось, особенно после того, как в 1782 г. московские ма-

соны имели неосторожность дать объявление в газете, что они благополучно подчинили себя Великой ложе Швеции. В 1785 г. императрица пишет серию пьес, высмеивающих масонов, а уже в 1792 г. один из главных масонов того времени Н. И. Новиков арестован и брошен в Шлиссельбургскую крепость. Исследователи истории русского масонства пишут, что только ранняя смерть избавила Шварца от той же участи.

В этой опасной ситуации Шварц для трансляции своих мировоззренческих установок пытается подобрать такую аргументацию, которая в рамках окружающей его академической и социальной среды выглядела бы достаточно легитимно. Это заставляет его несколько отклониться от чистого мистицизма и алхимизма в сторону философии. Такая вынужденная мера, в сумме с дополняющим её устойчивым интересом Шварца к преподаванию иностранного языка, приводит к довольно оригинальной компоновке разного рода идей, развивающийся комплекс которых уже можно рассматривать в качестве собственной философии Шварца, определяющей его место в истории русской мысли соответствующей эпохи.

В лекции, прочитанной 5 ноября 1782 г., Шварц излагает учение о двух типах откровения — внутреннем и внешнем. При *внутреннем откровении* Бог входит в сердце человека неизъяснимым образом и пробуждает его к благой жизни, «Сам научает его истине». *Внешнее откровение* даётся через «опыты и науки», его цель — подготовить человека к внутреннему откровению. Необходимость такого откровения, приходящего извне, связано с крайней испорченностью человека, его всё более усугубляющимся нравственным несовершенством. В различных формах внешнего откровения Бог оставляет человеку шанс на исправление и спасение. Внешнее откровение, в свою очередь, имеет три формы, каждая из которых направлена на соответствующий аспект человеческой сущности. Первая форма относится к чувственности — Бог показывает свою премудрость посредством явлений природы. В древности эта форма внешнего откровения преобладала, что позволило людям обучиться трём важнейшим искусствам: разведению огня, земледелию и письму. Вторая форма отно-

сится к разуму — это пророки, которых Господь явил миру для увещевания человечества. И третья форма имеет отношение к сердцу — воплощение Иисуса Христа.

Обзор трёх форм внешнего откровения показывает, что их максимальная концентрация приходится на времена очень удалённые даже для XVIII в. Те доступные современному человеку примеры внешнего откровения, которые приводит Шварц, звучат как горькая ирония: вслушиваясь в пение птиц, мы можем догадаться, что они по-своему возносят хвалу Господу. При этом позиция Шварца не позволяет сделать заключение, что внешнее откровение более не действительно. Оно достаточно распределено в пространстве культурно-исторического опыта, и помимо всегда предполагаемой Шварцем возможности получить доступ к истине из первых рук, т. е. от розенкрейцеров, человеку открыт ещё один путь — гармоничное сочетание образования и духовно-нравственного совершенствования, синтез которых позволяет реконструировать тот опыт внешнего откровения, который уже отошёл в прошлое, но в качестве множества достоверных следов рассредоточен в культурном наследии — в произведениях искусства, в священных текстах, а также в языке, который на протяжении многих веков впитывал в себя мудрость.

ALEXANDER PROKHOROV, CSc in Philosophy; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Researcher

“EXTERNAL REVELATION” AS A TYPE OF HISTORICAL MEMORY IN THE METAPHYSICS OF J. G. SCHWARZ*

I. G. Schwartz (1751–1784) was a professor of philosophy at the Moscow Imperial University. In fact, he was the only one who, in a completely professional and relevant philosophical language, expressed the philosophical worldview of the Moscow Freemasonry of Catherine’s time, of which he was a prom-

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-18-00214 “Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol,” <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

inent representative. Researchers admit that Freemasonry of that period had a significant impact on the formation of the spiritual culture of Russia in the 18th century and became a preparatory platform for Slavophilism and Russian Schellingism. Both in domestic and foreign historical and philosophical literature, the legacy of Schwartz is almost not studied. As a rule, the biography and work of the thinker attract the attention of researchers in the history of Russian Freemasonry and Rosicrucianism. In this regard, it seems quite justified to pay attention to the legacy of Schwartz, first published in the last decades. Its main part is notes and preparatory materials for lectures. This report discusses how one of the common places of the Masonic worldview — the metaphysics of light — in the work of Schwartz is associated, on the one hand, with his teaching about two types of revelation (internal and external), and on the other hand, with his idea of the historical process of transmission knowledge.

Keywords: historical memory, metaphysics of light, freemasonry, Russian philosophy, 18th century

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),
Заведующий кафедрой еврейской культуры

**СВОБОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ
В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА
[Из Пиндемонти]***

В стихотворении [Из Пиндемонти] (датировано 5 июля 1836, Каменный остров) Пушкин отвергает *мирскую власть* — как в форме самодержавия, так и в форме демократии. Поэт противопоставляет им идею полной самодостаточности и свободы личности ([Из Пиндемонти], 10–16). В отношении выдвигаемой здесь доктрины

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX-XXI веков», <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>

о, по сути, абсолютной свободе индивидуума на Пушкина мог оказать влияние Фихте, французский перевод книги которого «Назначение человека» (*Destination de l'Homme*, Paris: Paulin, 1832) засвидетельствован в библиотеке поэта. В кн. I (*Le Doute*, «Сомнение»; у Пушкина все страницы разрезаны), прежде всего в I, 67–78, Фихте как раз развивает свое учение об абсолютной свободе личности. Впрочем, у Фихте исключительно «воля» и «сила» самой личности оказываются «конечными основаниями» всей ее деятельности. В понимании же Пушкина абсолютная индивидуальная свобода, тем не менее, не может не учитывать, с одной стороны, Божественную основу мироздания, а с другой, то, что человек в высших своих творческих проявлениях, направляется и вдохновляется Богом, послушен Его воле — «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» ([*Памятник*], 18; дат. 21 августа 1836, Каменный остров). В докладе рассматриваются также корреляции «науки первой — чтить самого себя» (пушкинский перевод «Гимна пенатам» Р. Саути), «самостоянья человека» [*Два чувства...*], властей мирских и власти Божественной.

Ключевые слова: философия стихотворения, А. С. Пушкин, «Из Пиндемонти», абсолютная свобода личности, Божественная власть, политическая власть, Фихте, Саути

В конце июля 1836 года А. С. Пушкин, проживая на Каменном острове, определил стихотворение [*Из Пиндемонти*] (датировано 5 июля) *заключительным*, шестым, в специальном цикле, который планировал опубликовать в журнале «Современник». В [*Из Пиндемонти*] поэт отвергает *мирскую власть* (ср.: его стихотворение «Мирская власть»; дат. 1–5 июня 1836) — как в форме самодержавия, так и в форме демократии (как раз в 1836 году Пушкин резко критикует французскую и американскую демократии, соглашаясь с С. Р. Шевыревым, что «девиз России: *Sunt sui que*», т. е. «каждому — свое»). Поэт противопоставляет им идею полной самодостаточности и свободы личности; но в отличие от предшествующих трех стихотворений данного цикла (II, III, IV), связанных темой Пасхи, Пушкин, как кажется на первый взгляд, ничего не говорит здесь о власти небесной, Божественной.

Иная, лучшая, потребна мне Свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

[Из Пиндемонти], 10–16

Что касается выдвигаемой здесь доктрины о — по сути — абсолютной свободе индивидуума, то в этом аспекте на Пушкина мог оказать влияние Фихте, французский перевод книги которого «Назначение человека» (*Destination de l'Homme*, Paris: Paulin, 1832) засвидетельствован в библиотеке поэта. В кн. I (*Le Doute*, «Сомнение»; у Пушкина все страницы разрезаны), прежде всего в I, 67–78, Фихте как раз развивает свое учение об абсолютной свободе личности. Впрочем, у Фихте исключительно «воля» и «сила» самой личности оказываются «конечными основаниями» всей ее деятельности. В понимании же Пушкина абсолютная индивидуальная свобода, тем не менее, не может не учитывать, с одной стороны, Божественную основу мироздания, а с другой, то, что человек в высших своих творческих проявлениях, направляется и вдохновляется Богом, послушен Его воле — «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» ([*Памятник*], 18; дат. 21 августа 1836, Каменный остров).

Определенный свет на то, как в восприятии Пушкина полная личная свобода коррелирует с Божественной властью, проливают его перевод фрагмента из «Гимна пенатам» Р. Саути (1829) и не нашедшее свою окончательную доработку стихотворение [*Два чувства дивно близки нам*; 1830]. Домашние божества, пенаты, позиционируются в пушкинском переводе как «советники Зевеса», «живущие» «в небесной глубине» (у Саути — это «мнение мудрецов»), «иль» даже — как «божества всевышние», являющиеся «всему причиной», за которыми «следует» Зевс (Саути выражает это альтернативное мнение — как свое — таким образом: “...or if, SUPREME OF DEITIES || All things are yours, and in your holy train || Jove proudly ranks...”). У свое-

го «святого пепелища» (sc. священного домашнего очага) они
«...любить, лелеять учат || Не смертные, таинственные чувства»,

И нас они науке первой учат —

Чтить самого себя <...>

У Саути последний пассаж однозначен:

The best of lessons — to respect myself!

У Пушкина же под «первой наукой» может подразумеваться как главная, так и первоначальная (в аспекте этапности) наука. В [*Двух чувствах...*] любовь к предкам приобретает двуединую природу (по аналогии с духовно-соматической природой живых людей) — «любовь к родному пепелищу», т. е. к деифицированным *духам* предков, и «любовь к отеческим гробам» (вар.: «и к мертвым прадедам любовь»), т. е. к *мощам* предков (ср.: «Когда за городом, задумчив, я брожу», 19–30; дат. 14 августа 1836, Каменный остров). В дошедшем до нас варианте четверостишия из этого незаконченного произведения Пушкиным говорится, что именно

На них основано от века

По воле Бога самого

Самостоянье человека

Залог величия его.

Таким образом, выкристаллизовывается следующая корреляция идей: с одной стороны, человек интуитивно постигает при посредстве своих деифицированных предков, что *почитание* самого себя — как звена цепи поколений, а потому имеющего божественную природу и прямую связь с Божественным, — есть отправная и одновременно высшая точка свободного духовного развития личности. С другой стороны, на любви и почитании божественных предков основывается «*по воле Бога самого*» *САМОСТОЯНЬЕ*, т. е., в частности, самодостаточность, человека — противостоящие самодержавию, демократии и другим формам мирской власти и политической свободы. «Без политической свободы жить очень можно...», — писал Пушкин жене 3 июня 1834 г.; декабристы же, не понявшие сути истинной Свободы, которую «*восславил*» Пушкин

([Памятник], 16), пейоративно определяются им как «*падшие*» (там же, 17).^{*} В итоге кредо индивидуума: «Никому || Отчета не давать, себе лишь самому || Служить и угождать...»

Божественное лежит в основе природы, мироздания (ср.: [Из Пиндемонти], 18), богодухновенность — конечное основание творчества (ср.: [Памятник], 1, 18). Свободно «дивиться» ими и «трепетать» — истинное «счастье» и «права» человека ([Из Пиндемонти], 17–21). Свобода личности — не только требование Божественной власти, но и ее мирское выражение, реализация Божественного в человеке. Все остальное — «слова, слова, слова» (Hamlet [прим. Пушкина]; [Из Пиндемонти], 9).

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

LIBERTY AND POLITICAL POWER IN THE POEM BY PUSHKIN [Из ПИНДЕМОНТИ]**

In the poem [Из Пиндемонти] (dated July 5, 1836, Stone Island, St. Petersburg) Pushkin rejects worldly power, both in the form of autocracy (monarchy) and democracy. The poet opposes them with the idea of complete self-sufficiency and liberty of the individual ([Из Пиндемонти], 10–16). Pushkin may have been influenced by Fichte with regard to the doctrine of the, in essence, absolute liberty of the individual, French translation of whose work “Destination of Man” (*Destination de l’Homme*, Paris: Paulin, 1832) is attested in the poet’s library. In Book I (*Le Doute*; Pushkin has all the pages cut), above all in I, 67–78, Fichte just develops his doctrine of the absolute liberty of the individual.

^{*} Еще до восстания декабристов в стихотворении [Зачем ты послан был и кто тебя послал?], 17 (конец мая — первая половина июня 1824) поэт имплицитно обожеествлял Свободу (ср.: Пс. 10:4 [9:25], 14[13]:1, 53[52]:2).

^{**} The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the 19th–21st centuries,” <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

In Fichte, however, it is exclusively the “will” and “force” of the individual himself that appear to be the “ultimate grounds” of all his activity. In Pushkin’s understanding, however, absolute individual liberty cannot ignore, on the one hand, the Divine basis of the universe, and on the other hand, the fact that man in his highest creative manifestations is guided and inspired by God, obedient to His will — “To God’s will, O Muse, be obedient” ([*Памятник*], 18; date August 21, 1836, Stone Island). The paper also considers correlations of “the science one — *honor yourself*” (Pushkin’s translation of R. Southey’s “Hymn to the Penates”), “the selfhood of man” [*Two Senses...*], worldly authorities and Divine authority.

Keywords: philosophy of poetry, Pushkin, *Из Пиндемонти*, absolute individual liberty, Divine power, political power, Fichte, Southey

ПОПОВ ДАНИЛ СЕРГЕЕВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

**ДИАЛЕКТИКА, ЭРИСТИКА, НАРРАТИВ:
ОБРАЗ СТОИКА И СТОИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕРА И РАЗУМ» (1884–1917)***

В конце XIX — начале XX вв. российские учёные и богословы много писали об историческом взаимоотношении стоической философии и христианства. Ввиду того, что в европейских академических кругах того времени преобладали идеи о прямом влиянии античных (прежде всего — стоических) философских учений на христианство, конфессионально ангажированные российские авторы ставили целью опровержение этой позиции. Вместе с тем они не ограничились строгими историко-философскими и сравнительно-теологическими изысканиями о филосо-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII–XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре», <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

фии Стои и раннем христианстве. На материалах журнала «Вера и разум», составлявших в то время значительную часть российской философской периодики о стоиках, видно, что российские учёные и богословы стремились разрушить положительный образ стоических идей, отраженный в том числе и в появлявшихся в российской печати работах о стоиках крупных зарубежных авторов. Другой их целью было ниспровергнуть идею о какой-либо сопоставимости стоического и христианского учений. Для этого они последовательно выстраивали определённое ценностно нагруженное повествование о стоиках, прибегая к эристическим приемам и изощренной риторике. Результатом этого стал представленный на страницах журнала нарратив об отчаянном стоическом настроении, религиозном нечестии стоиков, холодном духе их нравственности, противопоставлявший личную мудрость поздних стоиков их школьной аффилиации. Нарратив этот имел целью оказать назидательное, мировоззренческое влияние на аудиторию журнала, любыми средствами убедить её в превратности стоических учений самих по себе, а также показать их несопоставимость с истиной христианства.

Ключевые слова: «Вера и разум» (журнал), стоики, стоицизм, нарратив, риторика

DANIL POPOV, CSc in Philosophy; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

DIALECTIC, ERISTIC, AND NARRATIVE: THE IMAGES OF STOICISM AND STOIC PHILOSOPHY IN THE JOURNAL “FAITH AND REASON” (1884–1917)*

In the late 19th and early 20th centuries, Russian scholars and theologians wrote extensively on the historical relationship between Stoic philosophy and Christianity. Duet to the fact that European academic circles were dominated at that time by the

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-01129 “Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

idea that ancient philosophical teachings influenced Christianity, confessional-minded Russian authors set out to refute this position. However, they did not limit themselves to careful historical-philosophical and comparative-theological studies. The materials of the journal *Faith and Reason*, which at that time constituted a significant part of Russian philosophical periodicals on the Stoics, show that they sought to destroy the positive image of Stoic ideas (reflected, for example, in major foreign authors' works on Stoics, which were translated in Russian). Another goal was to undermine the idea that Stoic and Christian doctrines were comparable in any way. To this end they consistently constructed a definite, value-laden narrative of the Stoics, employing heuristic devices and sophisticated rhetoric. This resulted in creating the narrative of desperate Stoic mood, the religious wickedness of the Stoics and the cold spirit of their morality. Besides, the narrative contrasted the personal wisdom of the later Stoics with their school-affiliation. The purpose of this narrative was to exert an edifying influence on the journal's audience, to convince it by all means of the vicissitudes of Stoic teaching in themselves, and of their incommensurability with the truth of Christianity.

Keywords: *Faith and Reason* (journal), Stoics, Stoicism, narrative, rhetoric

БЕГИЧЕВ АЛЕКСАНДР ДИМИТРИЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ОБРАЗ НЕОПЛАТОНИЗМА НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ XIX ВЕКА*

В данном докладе анализируются представления авторов русских журналов XIX в., таких как В. П. Полисадов, Е. В. Амфитеатров, А. А. Спасский и др. об источниках неоплато-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII–XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре», <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

низма, о генезисе диалектики единого и многого, в рамках которой объясняется происхождение всего сущего; раскрываются особенности осмысления эволюции неоплатонизма от его основания и до закрытия в 529 году указом императора Юстиниана. Делается вывод, что неоплатонизм в рассматриваемых журналах представлен как идеологический враг христианства, который пытается собрать фрагменты античного язычества в нечто цельное и дать последний бой новой религии. Подобная интерпретация источников неоплатонизма и его развития служила главной цели: продемонстрировать моральное превосходство христианства перед «павшим в болото суеверий» неоплатонизмом.

Ключевые слова: русские журналы XIX в., неоплатонизм, христианство

В данном докладе анализируются представления авторов русских журналов, таких как В. П. Полисадов, Е. В. Амфитеатров, А. А. Спасский и др. об источниках неоплатонизма, в особенности о происхождении диалектики единого и многого, в рамках которой объясняется генезис всего сущего. Так, по мнению ряда авторов В. П. Полисадов, Е. В. Амфитеатров, неоплатоники на основе идеализма Платона пытались сконструировать эклектическую философскую систему, включающую многих античных философов. Но простого скелета из мыслительных конструкций было уже недостаточно, неоплатонизм стремился найти новый «дух». За поиском нового духа неоплатоники обратились к востоку, к системам Индии, Халдеи, александрийских иудеев, каббалистов. Позаимствовали неоплатоники следующие основные положения: пантеизм, учения об «истечении», о падении души и восхождении путем аскетизма, созерцания, восхищения (экстаз).

Неоплатонизм понимается как изменяющееся учение, а не как нечто статичное. При Плотине неоплатонизм представляет собой, в первую очередь, философское учение, оставаясь идеологически нейтральным. При Порфирии неоплатонизм открыто выступает против христианства, в этой борьбе неоплатоники не только используют философский инструментарий, но и обращаются к интерпретации языческих мифов,

что классифицируется как языческое философствование. При Ямвлихе неоплатонизм окончательно отказывается от нейтралитета и собирает все учения древности в одно целое, соединяясь с язычеством. С этих пор неоплатонизм перестает быть только философией, — религия, ритуалы, теургия и мифы становятся его основными составляющими. Теперь неоплатоники, в первую очередь — жрецы, а во вторую — философы, главной задачей которых является восстановление старых культов и ритуалов. Но главное изменение, которое подчеркивает большинство авторов, пишущих о неоплатонизме, происходит в понимании способа единения с божественным. Достижение единения с божественным отныне зависит не от сил индивидуальной души, а от внешних сил различных божеств. Усилия ума заменяются ритуалом, теургией, а душа теряет волевой компонент и становится страдательной, пассивной.

Делается вывод, что неоплатонизм в журналах XIX века представлен как идеологический враг христианства, который пытается собрать фрагменты античного язычества в нечто цельное и дать последний бой новой религии. Подобная интерпретация источников неоплатонизма и его развития служила главной цели: продемонстрировать моральное превосходство христианства перед «павшим в болото суеверий» неоплатонизмом.

ALEKSANDR BEGICHEV, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE IMAGE OF NEOPLATONISM ON THE PAGES OF RUSSIAN JOURNALS OF THE 19TH CENTURY*

This report is devoted to the analysis of the ideas of the authors of Russian journals of the 19th century, such as V. P. Polissadov, E. V. Amfiteatrov, A. A. Spassky, etc. about the sources of Neoplatonism, about the genesis of the dialectic of the one and many, within

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-01129 “Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

which the origin of everything is explained; the peculiarities of understanding the evolution of Neoplatonism from its foundation to its closure in 529 by decree are revealed Emperor Justinian. It is concluded that Neoplatonism in the journals under consideration is presented as an ideological enemy of Christianity, which is trying to collect fragments of ancient paganism into something whole and give the last battle to a new religion. Such an interpretation of the sources of Neoplatonism and its development served the main purpose: to demonstrate the moral superiority of Christianity over Neoplatonism, which “fell into the swamp of superstition.”

Keywords: Russian journals of the 19th century, Neoplatonism, Christianity

Тонковидова Анна Викторовна, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, Россия), старший преподаватель

**РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА В РАБОТЕ
С. Л. ФРАНКА «РЕАЛЬНОСТЬ И ЧЕЛОВЕК:
МЕТАФИЗИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ»:
ДИАЛЕКТИКА РЕАЛЬНОСТИ И СВОБОДЫ**

В текстах С. Л. Франка определяется взаимосвязь реальности и свободы в существовании человека. Находясь в платоновской традиции, мыслитель пишет, что подлинная реальность — это трансцендентная реальность Бога, постигающаяся в живом знании, в опыте. Для этого человек должен выйти из самозамкнутости имманентного мира объектов. Свобода присутствует в обоих мирах — имманентном, в виде неподлинной свободы, уводящей человека от реальности, и в самой реальности в Боге, как диалектическое единство актуального и потенциального бытия. В зависимости от постижения реальности человек может обладать свободой, или быть подчиненным чужой воле. Диалектика прослеживается в невозможности окончательной отделенности реальности Бога и реальности человека, в возможности установления Богочеловеческого единства и актуализации свободы.

Ключевые слова: С. Л. Франк, Платон, реальность, самопрозрачность бытия, свобода, самотворчество, мир объектов

В работе С. Л. Франка «Реальность и человек: метафизика человеческого бытия» мы прослеживаем рецепцию философии Платона. С. Л. Франк, указывая на важность положений платоновской философии, рассматривает центральный вопрос о соотношении мира земного и мира небесного в бытии человека, или вопроса, что есть реальность. В связи с пониманием реальности трактуется мыслителем и вопрос о свободе. Решение данных вопросов делает возможной самоидентификацию личности в аспекте понимания онтологических оснований реальности человека и возможности его свободы.

Согласно Франку, открытие особой реальности бытия Бога восходит к платоновской традиции открытия сверхмирного сверхобъективного бытия, которое лежит в основании объективной действительности. Реальность есть то, пишет Франк, что Платон называл «душой мира».* Мыслителем прослеживается диалектика имманентного бытия, или «мира объектов» и трансцендентного бытия «мира Божественного». В этом диалектическом процессе человек обнаруживает свое присутствие. Проблема преодоления замкнутости человека в мире объектов решается С. Л. Франком также на основании платоновской традиции, развитой в учениях Иоанна Дамаскина и Григория Паламы об опытном приходе к Богу.

С. Л. Франк пишет, что богопознание доступно в опыте, где знание становится знанием-жизнью, возрастает в жизненном опыте, открывающем «самопрозрачность» непосредственного бытия.** Свобода рассматривается С. Л. Франком во взаимосвязи с пониманием того, что есть реальность. Отталкиваясь от идей Платона и Августина, С. Л. Франк пишет, что «свобода — это неподчиненность воздействию извне», она есть определенность самим собой, или самоосуществление.*** Диалектика свободы состоит в том, что она одновременно есть

* Франк С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 356.

** Там же, с. 24, 27.

*** Там же, с. 287.

и не есть.* Для ее понимания возможно обращение к платоновскому «незаконнорожденному» роду постижения. Бог есть единство актуальности и потенциальности, или сущая свобода, самоосуществление, творческий динамизм, диалектическое совпадение завершеного бытия и творческой жизни. Человеческая личность также составляет единство актуальности и потенциальности. Свобода обнаруживается в самотворчестве. Другой род свободы — это свобода безосновной спонтанности, или мнимая свобода, уводящая человека от реальности. Отличие подлинной свободы от неподлинной состоит в ее отношении к воле. С. Л. Франк различает два понятия. «Я хочу» — лежащее в основе самоопределения и «мне хочется», когда личность теряет контроль над своей волей, что ведет к аморализму, проиллюстрированном С. Л. Франком на примере Калликла в «Горгии» Платона. Здесь возникает у личности самозамкнутость в области отдельного Я, в оторванности от трансцендентной реальности. Аскетизм, в широком смысле слова, необходимый элемент свободы, состоящий в обуздании «мне хочется». В данном случае мы также наблюдаем отсылку к опытному и непосредственному богопознанию через проживание веры, аскетику. Диалектика свободы становится явной в том, что не происходит полного разрыва подлинной реальности и самоутверждающегося Я и сохраняется возможность уже на «краю бездны»** возвращения к Богу и обретения свободы.

ANNA TONKOVIDOVA, Kuban State University of Physical Education,
Sports and Tourism (Krasnodar, Russia), Senior Lecturer

**RECEPTION OF PLATO'S PHILOSOPHY IN THE WORK
OF S. L. FRANK "REALITY AND MAN: METAPHYSICS OF
HUMAN BEING:" DIALECTICS OF REALITY AND FREEDOM**

S. L. Frank defines the relationship between reality and freedom in human existence. Being in the Platonic tradition, the thinker writes that the true reality is the transcendent reality of God,

* Франк С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 294.

** Там же, с. 305.

comprehended in living knowledge, in experience. To do this, a person must get out of the self-isolation of the immanent world of objects. Freedom is present in both worlds — immanent, in the form of inauthentic freedom, leading a person away from reality, and in reality itself in God, as a dialectical unity of actual and potential being. Depending on the comprehension of reality, a person may have freedom, or be subject to someone else's will. Dialectics can be traced in the impossibility of the final separation of the reality of God and the reality of man, in the possibility of establishing the Divine-human unity and actualizing freedom.

Keywords: S. L. Frank, Plato, reality, self-transparency of being, freedom, self-creation, world of objects

КУПРИЯНОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

П. Б. СТРУВЕ И С. Л. ФРАНК ОБ АНТИЧНЫХ ИСТОКАХ ОРГАНИЧЕСКОЙ И МЕХАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА*

В докладе рассматривается противопоставление социального органицизма и социального атоцизма в философии П. Б. Струве и С. Л. Франка. Проводится сравнение двух схожих подходов. Автор доклада делает акцент на анализе социальной философии Франка, показывая, что его социальная философия представляет собой вариант христианского платонизма. Показано, что органическое понимание общества и государства выдвинулось к началу XX в. в отдельное направление социальной философии и социологии. Основной для этого подхода часто служила органическая аналогия, при которой общество понималось как аналог живого организма. Однако в русской эмигрантской философии было развито иное понимание социального органицизма, в котором его истоки усматривались в античной философии

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков», <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>

фии. Прежде всего в философии Платона и Аристотеля. Для данного понимания социального органицизма важное значение имела проблема части и целого. Истоки этой проблемы русские философы справедливо усматривали именно в античной метафизике. На базе рецепции платоновской метафизики С. Л. Франк создал свою версию социального органицизма, наполнив ее христианской составляющей. Опора на античное наследие позволяет рассматривать социальную философию Франка в качестве развития одного из древнейших течений европейской философии в XX в.

Ключевые слова: Франк, Струве, античная метафизика, органицизм, социальный механицизм, платонизм в России

В социальной философии XIX–начала XX вв. противопоставление механической и органической теорий общества играло важнейшую роль. Зародившись в качестве самостоятельного подхода в области политической философии в начале XIX в. в период расцвета немецкого идеализма, различие социального механицизма и органицизма стало иметь фундаментальное значение также и для конкретных социальных наук, возникших в XIX столетии: социологии и политологии. Как писал известный отечественный правовед рубежа XIX–XX вв. Н. М. Коркунов, «органическое понимание явлений общественной жизни делается, можно сказать, одной из самых популярных, самых распространенных идей настоящего столетия».* В первой половине XX в. органические теории общества набирают все большую популярность и наряду с историческим материализмом становятся одними из самых распространенных социальных теорий, свойственным как либерализму, так и консерватизму, принимая при этом иногда крайние формы — вплоть до апологии вождизма и тоталитаризма. Сторонниками органического понимания общества среди известных и влиятельных русских философов и обществоведов были А. Д. Градовский, Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Л. Н. Толстой и др.

* Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1909. С. 193.

Хотя в качестве самостоятельного направления социальной философии органицизм возник лишь в трудах немецких идеалистов (И. Канта, И. Г. Фихте, Й. Шеллинга, Г. Гегеля), философы начала XX в. видели истоки органических и механических теорий общества в античной философии. Наиболее развернутое объяснение истоков механического и органического понимания обществ дали П. Б. Струве и С. Л. Франк. Речь идет о работе П. Б. Струве «Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии» и отдельных главах книги С. Л. Франка «Духовные основы общества». Обе работы написаны в эмиграции и продолжают идейные искания, начатые еще до революции. Авторы ссылаются друг на друга и ведут друг с другом заочный диалог, дополняя и разъясняя суть общих для обоих философов идей. П. Б. Струве пишет, что в основе противопоставления универсализма и сингуляризма — проблема части и целого. Общество может пониматься либо как собрание единиц и как целое пониматься в качестве суммы его частей, либо можно предполагать, что целое первично по отношению к частям, представляет собой самостоятельную реальность и определяет функционирование каждой части. В первом случае можно говорить о сингуляристском понимании общества, а во втором — об универсалистском. По мнению П. Б. Струве это различие возникло уже в античности. Социально-философские концепции *Платона* и *Аристотеля* он относит к универсалистским, считая, что целое в их понимании общества не является результатом суммы частей. А *стоицизм* и *эпикуреизм*, — наоборот, представляют собой зарождение механистического, т. е. сингуляристского понимания общества. Различие сингуляризма и универсализма у Струве соответствует различию механизма и органицизма и представляет собой выражение различия этих теорий в терминах метафизики.

Идеи Струве, высказанные еще в дореволюционный период, поддерживал и развивал С. Л. Франк. Если Струве избегает употребления терминов органицизм и механицизм, то Франк использует по преимуществу именно эту терминологию. В своей книге «Духовные основы общества» он также связывает истоки двух концепций с античной метафизикой.

Франк также считал Платона родоначальником органической теории общества, а стоиков и эпикурейцев — основателями социального атомизма и механицизма. При этом Франк отграничивал свою теорию общества от натуралистического понимания социального органицизма, который ограничивался лишь аналогией между обществом и живым организмом. Для Франка, также как и для Струве, важными были метафизическая проблема соотношения части и целого, которая стояла за противопоставлением социального органицизма и социального механицизма. В этом они отграничивали себя от многих современных для них органических концепций общества. Важным источником для этого разграничения служила именно античная философия, в которой проблема части и целого применительно к социальным проблемам была поставлена впервые.

Франк отдавал приоритет именно социальному органицизму, считая атомизм лишь его логическим аспектом. Соответственно, собственную социальную философию Франка можно в таком случае признать также продолжением платоновской линии в политической философии. При этом фундаментальное значение для социальной философии Франка оставалось христианство. Поэтому в целом его социальную философию можно охарактеризовать как один из вариантов христианского платонизма.

VICTOR KUPRIYANOV, CSc in Philosophy; St Petersburg Branch
of the S. I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences
(St Petersburg, Russia), Senior Research Fellow

P. B. STRUVE AND S. L. FRANK ON THE ANCIENT ORIGINS OF THE ORGANIC AND MECHANIC THEORIES OF SOCIETY*

The paper discusses the contrast between social organism and social atomism in the philosophy of P. B. Struve and S. L. Frank. A comparison of the two similar approaches

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the 19th–21st centuries,” <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

is made. The author of the report focuses on the analysis of Frank's social philosophy, showing that his social philosophy is a variant of Christian Platonism. It is shown that the organic understanding of society and the state had separated into a separate direction of social philosophy and sociology by the beginning of the twentieth century. The organic analogy in which society was understood as an analogue of a living organism often served as the basis for this approach. However, in Russian emigrant philosophy, a different understanding of social organism was developed, in which its sources were seen in ancient philosophy. First of all, in the philosophy of Plato and Aristotle. For this understanding of social organism, the problem of part and whole was of great importance. Russian philosophers saw the origins of this problem in ancient metaphysics. On the basis of the reception of Plato's metaphysics S. L. Frank created his own version of the social organism, filling it with a Christian component. Reliance on the ancient heritage allows us to consider Frank's social philosophy as a development of one of the most ancient currents of European philosophy in the twentieth century.

Keywords: Frank, Struve, ancient metaphysics, organicism, social mechanicism, Platonism in Russia

ВОЕВОДА ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

УЧЕНИЕ О СОФИИ В МЕТАФИЗИКЕ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО: МЕЖДУ ВСЕДИНСТВОМ И ПЕРСОНАЛИЗМОМ

В докладе рассматривается учение о Софии — Премудрости в контексте единства идей всеединства и персонализма. Евгений Николаевич Трубецкой, русский религиозный философ, в своем творчестве разрабатывает идеи христианской метафизики. В докладе указывается что мыслитель, следуя логике Платона, считал, что всеединое хранит в себе истину. В христианском мировоззрении русского философа идея всеединства включает в себя персонализм — личностное начало. Так, его учение о Софии можно интерпретировать как все-

динство, не противоречащее персонализму. София, как неотделимая от Христа Божия Мудрость, вмещает в себя весь мир, и может быть представлена в древнерусской культуре в образе персоны — сказочного персонажа Василисы Премудрой или иконописного лика Святой Софии в русских храмах XV века.

Ключевые слова: София, Премудрость, всеединство, персонализм, личность, Е. Н. Трубецкой

Тема Софии, Премудрости Божией, многогранна и противоречива, она вмещает в себя идеи всеединства и персонализм. Учение о всеединстве имеет древнюю историю. Идея о всеединстве появилась тогда, когда еще не сформировалось понятие личность. С. С. Хоружий находит истоки всеединства в синкретической культуре Александрии, в которой смешались эллинское умозрение, иудейский монотеизм, и древние культы Востока. Учение о всеединстве развивалось древнегреческими философами, а в христианскую эпоху получило распространение в традиции христианского платонизма. В Церкви архетип всеединства становится личностным. Основой христианского всеединства становится человек и сообщество людей, единство общения совершенных личностей. С. С. Хоружий определяет христианское всеединство как совершенное общество в любви, в Церкви.

Персонализм — философское направление, признающее личность первичной творческой реальностью, а весь мир проявлением творческой активности Бога. Сформировался персонализм в XIX веке в России. Персонализм сосредотачивает все свое внимание на личном начале, пронизывающим все миропонимание. В русле метафизики всеединства русской философии развивается понятие личности, которое одновременно является частью целого, вмещающей весь мир, и абсолютно самостоятельной персоной. В метафизике русской философии персонализм не может противоречить всеединству. Так, София вмещает в себе противоположные философские учения — всеединство и персонализм.

София в метафизике Евгения Николаевича Трубецкого мыслится с позиции всеединства. Русский философ в своих

размышлениях следуя за Платоном, утверждает, что истина «есть сущее». Это «есть» абсолютное, всеединая безусловная мысль, которая все в себе содержит. Всеединство Евгения Николаевича не противоречит персонализму. София выражена как естество, неразрывно единое с Христом. Христос и София неслитно соединенные и нераздельно различаемые: «Возможным и должным тут представляется нераздельное единство двух естеств, но не слияние их в одно».* В этом отношении София представлена как личность, но не обладает самостоятельностью. София в метафизике Евгения Николаевича Трубецкого не может быть выведена за пределы божественной жизни, не может быть отделима от Бога: «София — неотделимая от Христа Божия Мудрость и сила».** Здесь София как Премудрость выступает своеобразным атрибутом Христа, не представляет собой самостоятельную фигуру, что соответствует христианской новозаветной традиции о Софии. Трубецкой развивает идею Софии как всеединое, всеобъемлющее естество: «Предвечная София — Премудрость заключает в себе вечные идеи — первообразы всего сотворенного, всего того становящегося мира, который разворачивается во времени»; «мир стремится к всеединству; а всеединое действительное, осуществленное, есть София».***

Софию — Премудрость как персону мы находим в творчестве Евгения Николаевича Трубецкого в сказочном образе Василисы Премудрой — «единый женственный образ высшей Премудрости, красоты и власти над всею тварью»**** В лице Василисы воплотились искания человеческой души о высшей Мудрости, о Христе. Евгений Николаевич сравнивает женственный сказочный образ Василисы Премудрой с иконописным ликом Софии Премудрости Божией, где София во-

* Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // *Он же*. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 162.

** Там же, с. 161.

*** Там же, с. 164 и 174.

**** Трубецкой Е. Н. «Иное Царство» и его искатели в русской народной сказке // *Он же*. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 483.

площад в себе Личность Иисуса Христа. В этом воплощении мы можем узреть Софию — Личность. И в сказочном образе, и в иконописном лике София выражена в непосредственном подчинении творящему Христу, личностному началу, пронизывающему все христианское миропонимание философа.

DARIA VOEVODA, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**THE TEACHING ABOUT SOPHIA IN THE
METAPHYSICS OF E. N. TRUBETSKOY:
BETWEEN ALL-UNITY AND PERSONALISM**

The paper studies about Sophia Wisdom in development of ideas of all — unity and personalism. The studies by Russian religious philosopher Evgeny Nikolaevich Trubetskoy develop Christian metaphysics. The paper suggests that Trubetskoy follows the philosophy of Plato and believes that all — unity keep the truth. Teaching about Sophia can be interpreted as all — unity that does not contradict personalism. Sofia is inseparable from Christ and God Wisdom of the whole world. Sofia can be represented in ancient Russian culture of a person. The icons inside of the Church and fairy-tale character Vasilisa the Wise obviously present a person in the metaphysics of Russian philosopher.

Keywords: Sophia, Wisdom, all-unity, personalism, person, E. N. Trubetskoy

МАКОВЕЦКИЙ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доктор философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**«И НЕТ У ЧЕЛОВЕКА НИЧЕГО СВОЕГО, КРОМЕ ГРЕХА»:
ЧТО СЧИТАЮТ «СВОИМ» ФЕОДОР РАИФСКИЙ,
АНДЖЕЛА ИЗ ФОЛИНЬО И ЛЕВ КАРСАВИН?**

Докладчик пытается найти ответ на вопрос: предполагается ли в Карсавинской «метафизике любви» личное спасение? Одним из моментов, который позволяет нам понять антропологические взгляды автора метафизики любви, является то, (1) что Карсавин проинтерпретиро-

вал «мистику любви» Анджели из Фолиньо и то, (2) как и в каких пунктах он прореагировал на эту мистику в своих *Noctes Petropolitanae*. Одно из направлений, в котором можно вести поиск ответа на вопрос о том, как Карсавин понимает спасение, открывает сам Карсавин в двойственности своего перевода и интерпретации фразы *nihil in me viderem nisi defectus* из Откровений Анджели. Возникающая здесь стереоскопия позволяет поставить вопрос о том, как Карсавин видит ипостасность, а уже через это попытаться ответить на вопрос о том, как он понимает личное спасение. Иначе говоря, мы получаем возможность сформулировать интересующий нас вопрос в следующем виде: сохраняется ли человеческая ипостась при обожении? Если нет в ней ничего, кроме греха, то, очевидно, не сохраняется; если же есть что-то ещё, то, возможно (для «метафизики любви»!), что и сохраняется. Стало быть, ключом к пониманию онтологической схемы русского философа докладчик предлагает рассматривать Карсавинское понимание природы человека, отчасти (!) инициированное францисканской мистикой, но, вероятно (!), слабо затронутое богословием ипостаси.

Ключевые слова: спасение, ипостась, личность, метафизика любви, Лев Платонович Карсавин, Феодор Раифский, Анджела из Фолиньо, *Noctes Petropolitanae*

Жанр первого в своей творческой биографии философского сочинения (*Noctes Petropolitanae*, 1922)[1] Л. П. Карсавин определил в качестве «метафизики любви». Перед этим, в 1918-м году, им было подготовлено издание Откровений Анджели из Фолиньо [2], жанр которого Карсавин определил как «мистика любви». Неудивительно, что некоторые положения метафизики любви диалогически продолжают озарения Анджели: апология мира вместо пренебрежения миром, оппозиция земной и аскетической любви, оригинальное понимание концепций преображения, теозиса и кенозиса и т. п.

В данном докладе мы сосредоточимся только на одном моменте этого перехода из мистики в метафизику любви. Фразу из § 18 Откровений *nihil in me viderem nisi defectus* [5, р. 188] Карсавин перевёл как «видя в себе лишь недостатки» [2, с. 70],

но в предисловии к книге, ссылаясь на это самое место, процитировал Анджелу так: «И нет у человека ничего своего, кроме греха» [2, с. 27]. В этом предисловии Карсавин реконструирует «мистическую систему» Анджелы, поэтому излагает её слова в собственной интерпретации, которая вскоре станет истоком его собственной метафизики любви. Разночтение в переводе и пересказе проливает свет на один из элементов метафизики Карсавина, в которой он обосновывает онтологию парного спасения, т. е. спасения вместе с любимой через «преображение в Адама Кадмона», а уже затем через «преображение Адама во Христа». В этой необычной онтологии одним из самых спорных моментов является вопрос о том, будет ли обосновываемое Карсавиным спасение личным? Значит, важным моментом, кроме вопроса о воле, на который есть ответ в метафизике любви, является ещё и вопрос о сохранении ипостаси, который Карсавин явным образом не формулирует. Однако неявно этот вопрос поставлен в приведённом пересказе фрагмента Откровений: что является «своим» для человека? В этой интерпретации ипостаси как своего, или «собьства», мы следуем традиции старославянского перевода фрагмента сочинения Феодора Раифского, послужившего, скорее всего, протографом для философского трактата в Изборнике Симеона и в Изборнике Святослава 1073 года [3]. Это та традиция интерпретации ипостаси, с которой Карсавин мог бы быть знаком, наряду с францисканской мистикой. Именно это предполагаемое обстоятельство позволяет нам соединить в одном разборе богословие ипостаси, мистику любви и метафизику любви для того, чтобы ответить на вопрос о возможности личного спасения в метафизике Л. П. Карсавина.

Предварительно наш ответ на вопрос, сформулированный в названии доклада, состоит в следующем. Для Феодора Раифского «своё» есть ипостась как природа со свойствами, или особенностями [4, с. 205 = 3, ст.225г-226а], для Анджелы из Фолиньо «своё» — это особенное, мистически гипостазизируемое в Божью природу (ср.: 2, §76); для Карсавина «своё» это особенное, которое содержит в себе потенцию для гипостазирования в человеческую природу как целое (в Адама

Кадмона), либо в парную личность. «Свое» у Карсавина это любимый и любимая, сообща «преображающиеся в» Адама Кадмона с тем, чтобы потом тот «преобразился во» Христа. Эти «преображения в» и есть гипостазирования, воплощения в «высшие» ипостаси (=личности). Оба преобразования происходят, по Карсавину, в силу любви, однако всё «личное» в этих преобразованиях, возможно, стирается. Можно предположить, что при гипотетическом спасении Адама Кадмона (=при его преобразении во Христа) личности влюблённых будут утрачены, и если спасение и будет, то безличное, а если всё-таки личное, то речь идёт о двуединой личности влюблённых, но не о личности каждого из них [ср.: 1, § 7.1].

Источники

1. *Карсавин Л. Noctes Petropolitanae*. Петербург: 15-я Государственная типография (бывш. Голике и Вильборг), 1922.

2. Откровения бл. Анджелы / Перевод и вступительная статья Л. П. Карсавина. М.: Издание Г. А. Лемана, 1918 (Библиотека мистиков. Выпуск первый).

3. Феодора, пресвитера Раифийского, О том же. // *Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание в 2-х томах*. Т. 1. М.: Книга, 1983. Ст. 2236-236а. («О собьстве» — ст. 225г-226в)

4. Θεοδώρου πρεσβυτέρου τῆς Ραϊθοῦ προπαρασκευῆ... // *Diekamp, F. Analecta patristica: Texte und Abhandlungen zur griechischen Patristik*. Т. 61. Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1938. S. 185-222. («Περὶ ὑποστάσεως καὶ προσώπου» — S. 204-206)

5. *Vita beatae Angelae de Fulginio, auctore Arnaldo, ordinis s. Francisci*. // *Acta Sanctorum. Ianuarius. Tomus 1. Antverpiae, 1643*. P. 186-234.

EUGENE MAKOVETSKY, DSc in Philosophy; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

“MAN HAS NOTHING OF HIS OWN EXCEPT SIN:” “OWN” IN THE UNDERSTANDING OF THEODORE OF RAITHU, ANGELA OF FOLIGNO AND LEV KARSAVIN

The speaker will try to find an answer to the question: does Karsavin’s “metaphysics of love” presuppose personal salvation? One of the points that allows us to understand the anthropological views of the author of the metaphysics of love is (1) how Karsavin interpreted

the “mysticism of love” by Angela of Foligno and (2) how and in what points he reacted to this mysticism in his *Noctes Petropolitanae*. One of the directions in which one can search for an answer to the question of how Karsavin understands salvation is revealed by Karsavin himself in the duality of his translation and interpretation of the phrase “*nihil in me viderem nisi defectus*” from the *Memoriale* of Angela. The duality that arises here allows us to raise the question of how Karsavin sees hypostasis, and through this to try to answer the question of how he understands personal salvation. In other words, we get the opportunity to formulate the question we are interested in in the following form: will the human hypostasis continue during deification? If there is nothing but sin in it, then obviously it does not persist; if there is something else, then perhaps (for the “metaphysics of love”!) it’ll be preserved. Therefore, the key to understanding the ontological scheme of the Russian philosopher the speaker proposes to consider the Karsavin’s understanding of human nature, partly (!) initiated by Franciscan mysticism, but probably (!) only slightly affected by the theology of the hypostasis.

Keywords: salvation, hypostasis, personality, metaphysics of love, Karsavin, Theodore of Raithu, Angela of Foligno, *Noctes Petropolitanae*

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ЭЛЕМЕНТЫ РОМАНТИЗМА И СИМВОЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ А. Н. ЕГУНОВА*

Как известно, выдающегося филолога-классика и переводчика Андрея Николаевича Егунова интересовала не только Античность как таковая, но и её рецепция в культуре XVIII-XX вв. При этом он был не только профессиональным исследователем сферы литературы и культуры в целом, но и оригинальным автором художественных произведений, из которых до нас, к сожалению, дошли только роман «По ту сторону Тулы» (1931),

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-28-00671 «Интеллектуальное наследие А. Н. Егунова как исследователя и переводчика античной философии и литературы», <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>

поэма-пьеса «Беспредметная юность» (1918–1933, 1936), сборник лирических стихотворений «Елисейские радости» (1929–1966). В данном выступлении внимание будет сосредоточено на совсем недавно переизданном романе «По ту сторону Тулы», культурно-историческая интертекстуальность которого отмечалась многими исследователями (в частности, И. Вишневецким и Е. Л. Пинегиной). Данное наблюдение позволяет продолжить рассмотрение художественного наследия Егунова с точки зрения выявления в его творчестве некоторых элементов таких литературных традиций, как предромантизм, сентиментализм, романтизм и символизм, понимаемый не в последнюю очередь как неоромантизм. Неслучайно Е. Л. Пинегина указывает на этот счёт, что «обращение Егунова-художника к романтической традиции следует рассматривать в русле неоромантических исканий первой трети XX века, шире — в рамках присущего эпохе эксперимента, связанного с трансформациями устоявшихся художественных схем».* Таким образом, настоящее исследование предлагает более глубокое понимание эстетических предпочтений и художественных стратегий А. Н. Егунова.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, русская литература, литературоведение, предромантизм, сентиментализм, романтизм, символизм

VYACHESLAV MINAK, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

ELEMENTS OF ROMANTICISM AND SYMBOLISM IN THE LITERARY HERITAGE OF A. N. YEGUNOV**

As widely known, Andrey Nikolayevich Yegunov, an outstanding philologist, classicist, and translator, had a profound interest not only in Antiquity itself but also in its reception in the culture of the 18th to 20th centuries. He was not only a professional researcher in

* Пинегина Е. Л. Историко-литературные контексты творчества А. Н. Егунова: автореферат диссертации [дисс.: 05.03.09]. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 5.

** The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-00671 “The intellectual heritage of A. N. Egunov, the researcher and translator of ancient philosophy and literature,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-00671/>

the field of literature and culture as a whole but also an original author of artistic works. This study will focus on the recently reissued novel “On the Other Side of Tula” (1931), the cultural and historical intertextuality of which has been noted by many researchers, including I. Vishnevetsky and E. L. Pinegina. This report allows for further exploration of Yegunov’s artistic legacy by identifying elements of literary traditions such as pre-romanticism, sentimentalism, romanticism, and symbolism, particularly understood as neoromanticism. Therefore, this study offers a deeper understanding of Yegunov’s aesthetic preferences and artistic strategies.

Keywords: A. N. Yegunov, russian literature, literary criticism, pre-romanticism, sentimentalism, romanticism, symbolism

ГРАВИН АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ, кандидат технических наук;
Социологический институт РАН Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия),
ассоциированный научный сотрудник; Институт мировой
литературы им. А. М. Горького Российской академии
наук (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ДИАЛЕКТИКА А. Ф. ЛОСЕВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИНГВОФИЛОСОФИИ*

В рамках доклада планируется рассмотреть диалектическую методологию А. Ф. Лосева, представленную им в работах так называемого «первого восьмикнижия». Будут обозначены её принципиальная схема, историко-философский генезис, прикладное значение и влияние на последующую отечественную философскую традицию. С точки зрения лосевской лингвофилософии планируется рассмотреть диалектику как специфический тип логики с высоким потенциалом к выразительной адекватности. На основании работ «Философия имени» А. Ф. Лосева и «Лосевская концепция предикативности» Л. А. Гого-

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01832 «Русский символизм в новейших лингвофилософских исследованиях. Случай Л. А. Гоготишвили», <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>

тишвили будет выявлена лингвофилософская классификация языков описания действительности и показано место диалектики в её составе. В заключение будет сделан вывод об эвристическом потенциале лосевской диалектической методологии в современной гуманитарной науке и основных проблемах её актуального использования.

Ключевые слова: диалектика, эйдос, логика, предикативность, лингвофилософия, Лосев, Гоготишвили

С точки зрения историко-философской преемственности представленная в работах «первого восьмикнижия» (1920-е гг.) диалектика А. Ф. Лосева сформировалась под влиянием языческого и христианского неоплатонизма (Прокл, Ареопагитики), диалектических подходов немецкой классической философии (Г. Ф. В. Гегель, Ф. В. Й. Шеллинг) и антиномизма русских символистов и религиозных философов (Вяч. И. Иванов, о. Павел Флоренский).

С точки зрения внутренней логики фундамент лосевской диалектики составляет антиномичное сочетание категорий единичности, тождества, различия, движения и покоя (переосмысление родов сущего из платоновского «Софиста»). На этом основании Лосев выстраивает принципиальную схему своего метода в виде диалектической пентады (одно-сущее-становление-ставшее-имя), описывающей бытие всякого смысла.

При наличии претензии на универсальность, данная методология как язык описания действительности подвергается Лосевым оценке с точки зрения потенциала к выразительной адекватности. В работе «Философия имени» Лосев приводит эйдетико-логическую иерархическую схему, каждому уровню которой находит соответствие в определённом способе описания действительности. Диалектика как вид логики также представляется Лосевым одним из способов, отличающимся высокой степенью выразительной адекватности смысла.

Исследуя лосевскую лингвофилософию в перспективе эйдетической логики, Л. А. Гоготишвили в работе «Лосевская концепция предикативности» развивает собственную концепцию предикативности, предполагающую использование нескольких моделей отношений логических субъекта и пре-

диката, соответствующих «языкам» различного онтологического статуса: трансцендентный пра-язык, эйдетический язык, логосный язык и естественный язык. В этой и некоторых других работах Гоготшвили рассматривает связь между различными «языками» и, среди прочего, поднимает вопрос о лингвистическом статусе диалектики как своего рода «языке». При этом уровень адекватности описания действительности связывается Гоготшвили с понятиями коммуникативности и интенциональности.

ARTYOM GRAVIN, CSc in Technics; Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Researcher; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Senior Researcher

A. F. LOSEV'S DIALECTIC IN THE LINGUOPHILOSOPHICAL PERSPECTIVE*

This report is examined A. F. Losev's dialectical methodology, as presented in the works of the so-called "first octateuch." It will outline its principle scheme, historical and philosophical genesis, applied significance and influence on the modern russian philosophical tradition. From the point of view of Losev's linguophilosophy, it is planned to examine dialectics as a specific type of logic with a high potential for expressive adequacy. A. F. Losev's "Philosophy of Name" and L. A. Gogotishvili's "Losev's Concept of Predicativity" will be used to identify the linguophilosophical classification of languages describing reality and to show the place of dialectics within it. The conclusion will be made about the heuristic potential of Losev's dialectical methodology in modern humanities and the main problems of its actual use.

Keywords: dialectic, eidos, logic, predicativity, linguophilosophy, Losev, Gogotishvili

* The research was carried out at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-00671 "Russian Symbolism in the latest linguophilosophical research. The case of L. A. Gogotishvili," <https://rscf.ru/en/project/22-28-00671/>

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА
В АНТИЧНОСТИ И ИХ РЕЦЕПЦИЯ В КУЛЬТУРЕ
РЕНЕССАНСА И НОВОГО ВРЕМЕНИ»**

Мочалова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

СПОР О СУБЪЕКТЕ:

ПЛАТОН ПРОТИВ АНТИСФЕНА*

В докладе анализируется сократическая пайдейя, наиболее последовательно выраженная Антисфеном. Идеалом сократической пайдейи выступает частный человек, только личные усилия и специальная техника самообразования под руководством учителя позволят ему реализовать свою субъектность. Обосновывается утверждение о том, что критика тезисов «человек — мера» и «знание есть ощущение» в «Теэтете» направлена в том числе против Антисфена. Цель Платона — показать отсутствие онтологических оснований для утверждения самодостаточности субъекта, лишённого в случае принятия указанных тезисов укорененности в сущем. Таким образом, сопоставление двух пайдейических стратегий — сократической и платоновской, сформировавшихся в результате критики софистической образовательной практики, показывает их принципиальное различие.

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

Индивидуалистическую пайдею так называемых «сократиков-киников» можно рассматривать как самостоятельную стратегию, противопоставленную утилитаристской практике софистов и аристократизму полисной пайдеи Платона в качестве «протестной субъектности». Именно индивидуализм сократической пайдеи сделал ее востребованной в педагогической практике эллинистических школ.

Ключевые слова: Платон, Антисфен, субъект, сократическая пайдейя

IRINA MOCHALOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow

DISPUTE ABOUT THE SUBJECT: PLATO VS ANTISTHENES*

The report analyzes the Socratic paideia, most consistently expressed by Antisthenes. The ideal of Socratic paideia is a private person, only personal efforts and a special technique of self-education under the guidance of a teacher will allow him to realize his subjectivity. The author substantiates the statement that the criticism of the theses “man is measure” and “knowledge is sensation” in the “Theaetetus” is directed, among other things, against Antisthenes. Plato’s goal is to show the absence of ontological grounds for asserting the self-sufficiency of the subject, deprived of rootedness in the existent if these theses are accepted. Thus, a comparison of two paideic strategies — Socratic and Platonic, formed as a result of criticism of sophistic educational practice, shows their fundamental difference. The individualistic paideia of the so-called “socratic-cynics” can be considered as an independent strategy, opposed to the utilitarian practice of sophists and the aristocracy of the polis paideia of Plato as

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

a “protest subjectivity.” It was the individualism of Socratic paideia that made it popular in the pedagogical practice of Hellenistic schools.

Keywords: Plato, Antisthenes, subject, Socratic paideia

ГАРАДЖА АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАЛКИДИЯ В ЕГО «КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» ПЛАТОНА»*

Главы 120 и 127–136 из Халкидиева «Комментария на «Тимей» Платона» посвящены демонологии — важнейшему разделу философского знания в представлении неоплатоников. О Халкидии мы не знаем практически ничего — ни времени жизни, ни где он жил. Само имя его с некоторых пор стало спорным: Халкидий или Калкидий. А между тем главный (и единственный) труд этого автора — перевод на латынь платоновского «Тимея», сопровождаемый подробным комментарием, — стал важнейшим звеном в передаче наследия Платона от античности к латинскому средневековому Западу. Вплоть до поворотного XII века и мыслителей Шартрской школы Платона на Западе воспринимали почти исключительно через труд Халкидия. Халкидиев перевод «Тимея», занимающего в Платоновском корпусе страницы 17a–92c, доведен лишь до 57c; другой доступный на латинском Западе перевод «Тимея», а именно Цицеронов, еще короче (страницы 27d–47b с пропусками) — но именно им пользовался Августин (354–430), по-видимому не знавший о переводе Халкидия. Наиболее вероятная датировка нашего автора — рубеж IV–IV веков. Халкидий показывает себя самобытным автором, который не только

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запады и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

проделал серьезную работу по переводу философской терминологии с греческого на латынь, но и внес свой вклад в разработку жанра комментария, и поэтому заслуживает внимания не только в качестве передатчика знания от античности к средневековью.

Ключевые слова: «Тимей» Платона, «Комментарий» Халкидия, демонология

Главы 120 и 127–136 из Халкидиева «Комментария на «Тимей» Платона» посвящены демонологии — важнейшему разделу философского знания в представлении неоплатоников. О Халкидии мы не знаем практически ничего — ни времени жизни, ни где он жил. Само имя его с некоторых пор стало спорным: Халкидий или Калкидий. А между тем главный (и единственный) труд этого автора — перевод на латынь платоновского «Тимея», сопровождаемый подробным комментарием, — стал важнейшим звеном в передаче наследия Платона от античности к латинскому средневековому Западу. Вплоть до поворотного XII века и мыслителей Шартрской школы Платона на Западе воспринимали почти исключительно через труд Халкидия. Халкидиев перевод «Тимея», занимающего в Платоновском корпусе страницы 17a–92c, доведен лишь до 57c; другой доступный на латинском Западе перевод «Тимея», а именно Цицеронов, еще короче (страницы 27d–47b с пропусками) — но именно им пользовался Августин (354–430), по-видимому не знавший о переводе Халкидия. Наиболее вероятная датировка нашего автора — рубеж IV–V веков. Халкидий показывает себя самобытным автором, который не только проделал серьезную работу по переводу философской терминологии с греческого на латынь, но и внес свой вклад в разработку жанра комментария, и поэтому заслуживает внимания не только в качестве передатчика знания от античности к средневековью. В последние годы наблюдается несомненный всплеск интереса к творчеству Халкидия: вслед за стандартным на сегодня изданием, подготовленным Я. Х. Васзинком (1975), появились новые, сопровождаемые переводами на новоевропейские языки: К. Морескини (2003), Б. Бахуш (2011) и Дж. Маги (2016).

ALEXEI GARADJA, Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Senior Research Fellow

**DEMONOLOGICAL SYSTEM OF CALCIDIUS
IN HIS “COMMENTARIUS ON PLATO’S *TIMAEUS*”***

Chapters 120 and 127–136 from Calcidius’ “Commentarius” on Plato’s *Timaeus* deal with demonology, a most important part of philosophical knowledge in the eyes of Neoplatonic thinkers. We know virtually nothing about Calcidius, neither the dates of his lifespan, nor the place where he lived and worked. Even his name has become debatable recently: Chalcidius or Calcidius. Meanwhile, his principal (and only) work, a Latin translation of Plato’s *Timaeus* accompanied by a detailed commentary, has become the most important link in the transmission of Plato’s legacy from Antiquity to the medieval Latin West. Up to the twelfth-century turning point and the rise of the School of Chartres, the reception of Plato in the West was channeled almost exclusively through Calcidius’s work. His translation of the *Timaeus*, which occupies pages 17a–92c in the *Corpus Platonium*, carries on only up to page 57c; another translation of the *Timaeus*, which has been accessible in the Latin West, belonged to Cicero, and was even more abridged (pages 27d–47b with omissions). The most probable dating of our author seems to be IV — beginning V century AD. Calcidius reveals himself as an author in his own right, who had not only accomplished the serious job of translating philosophical terminology from Greek into Latin, but also contributed to the development of the genre of commentary, and so deserves to be studied not only as a transmitter of knowledge from Antiquity to the Middle Ages.

Keywords: *Timaeus*, Plato, Calcidius’ *Commentary*, demonology

Chapters 120 and 127–136 from Calcidius’ “Commentarius” on Plato’s *Timaeus* deal with demonology, a most important part of philosophical knowledge in the eyes of Neoplatonic thinkers. We know virtually nothing about Calcidius, neither the dates of his

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

lifespan, nor the place where he lived and worked. Even his name has become debatable recently: Chalcidius or Calcidius. Meanwhile, his principal (and only) work, a Latin translation of Plato's *Timaeus* accompanied by a detailed commentary, has become the most important link in the transmission of Plato's legacy from Antiquity to the medieval Latin West. Up to the twelfth-century turning point and the rise of the School of Chartres, the reception of Plato in the West was channeled almost exclusively through Calcidius's work. His translation of the *Timaeus*, which occupies pages 17a–92c in the *Corpus Platonicum*, carries on only up to page 57c; another translation of the *Timaeus*, which has been accessible in the Latin West, belonged to Cicero, and was even more abridged (pages 27d–47b with omissions); nevertheless, it was Cicero's translation that St. Augustine (354–430) used, unaware, it would seem, of Calcidius' work. The most probable dating of our author seems to be IV — beginning V century AD. Calcidius reveals himself as an author in his own right, who had not only accomplished the serious job of translating philosophical terminology from Greek into Latin, but also contributed to the development of the genre of commentary, and so deserves to be studied not only as a transmitter of knowledge from Antiquity to the Middle Ages.

Гурьянов Илья Геннадьевич, кандидат философских наук;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент;
Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

КОСМОС БЕЗ «ИНДИВИДОВ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ РЕНЕССАНСНОГО ПЛАТОНИЗМА*

Вопрос о понимании субъекта в философии эпохи Возрождения и его соотношении с античным и средневековым пониманием человека был поставлен одновременно

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

с выделением этого периода в истории философии в отдельную область исследований. Ключевую роль здесь сыграли работы Эрнста Кассирера, наиболее известной из которых является «Индивид и космос в философии Возрождения» (1927). Несмотря на большое число противительных наблюдений (например, о значении теории эроса и историософского учения о *prisco theologia* для философии ренессансного платонизма) в основе исследований Кассирера лежало фундаментальное допущение, отсылающее к таким несхожим, на первый взгляд, проектам, как философия истории Гегеля и история культуры Якова Буркхардта. Кассирер ставил своей целью показать, какой «вклад» эпоха Возрождения (с ее особенной философией — «средоточием» духа эпохи) внесла в становление современного человека, характеризующегося крайним индивидуализмом. Субъектность же понималась в его работах как абсолютно свободное руководящее и познающее начало в человеке (самосознание). Следующий этап интереса к пониманию «Я» и самости в философии Возрождения связан со становлением дисциплинарного поля *Renaissance studies*. Здесь для целого ряда исследователей на первый план выходит поиск оснований таких идентичностей ренессансного человека, которые опознаются как подавляемые западной цивилизацией: например, «гомосексуальной» или «магической» (имплицитно противопоставляемой современному научно-рациональному мышлению). В обоих названных подходах концептуализация субъекта в философии Возрождения оказывается существенно искажена «присутствием» современности: у Кассирера вполне аффирмативным (финальная точка становления самосознания), а в *Renaissance studies* — критическим (отталкивание от ее проблем). В настоящем докладе с опорой на исследования Дени Робишо (Denis Ronichaud) будет предпринята попытка посмотреть на субъекта в философии ренессансного платонизма, исходя из ее собственных горизонтов, а именно: поиска способов «совпадения» с родоначальником традиции — Платоном. Так понимаемая «самость» не отрицает ценности свободы выбора, однако она состоит именно в отождествлении себя

с наиболее истинной традицией, которая не мыслится как результат одних лишь человеческих усилий, но вписана в сам космический миропорядок.

Ключевые слова: субъект, ренессансный платонизм, индивид, Фичино, традиция

ILYA GURYANOV, CSc in Philosophy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow

COSMOS WITHOUT ‘INDIVIDUALS.’ THE DEFINITION OF THE SUBJECT IN RENAISSANCE PLATONIST PHILOSOPHY*

The query regarding the discernment of the subject in Renaissance philosophy and its correlation with ancient and medieval perceptions of mankind arose concomitantly with the identification of this era as a distinct field of inquiry. The works of Ernst Cassirer, notably “The Individual and the Cosmos in Renaissance Philosophy” (1927), played a vital role in this regard. Cassirer aimed to showcase what contribution the Renaissance — with its particular philosophy, the centre of the spirit of the age — made to the development of modern man distinguished by his extreme individualism. In Cassirer’s works, subjectivity was apprehended as an entirely free guiding and cognising principle within man (self-awareness). The subsequent stage of interest in comprehending the self and identity in Renaissance philosophy corresponds to the establishment of the area of analysis of Renaissance studies. For many scholars, the pursuit of justification for the identities of the suppressed ‘homosexual’ or ‘magical’ Renaissance man emerges as essential, identified as implicitly opposed to present-day scientific and rational thinking. In both of these approaches, the conceptualisation of the subject in Renaissance philosophy transpires significantly distorted

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

by the presence of modernity: affirmative in Cassirer's interpretation (the culmination of becoming self-conscious) and critical in Renaissance studies (the rejection of its issues). This essay, drawing upon the scholarship of Denis Ronichaud, endeavours to examine the self in Renaissance Platonist philosophy from its unique horizon, specifically the pursuit of ways to coincide with its originator, Plato. The 'self' as so comprehended does not negate the significance of freedom of choice. Rather, it involves identifying 'self' with the truest tradition, which is not just a reflection of human exertion but inscribed in the cosmic order itself.

Keywords: self-concept, Renaissance Platonism, individual, Ficino, tradition

ГАЛАНИН РУСТАМ БАЕВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ВОЛКОВА НАДЕЖДА ПАВЛОВНА, кандидат философских наук; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), ведущий научный сотрудник

СУБЪЕКТ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ ПРОТАГОРА: ДИАЛЕКТИКА ИНДИВИДА И СООБЩЕСТВА/ПОЛИСА*

Софисты вообще и Протагор в частности уделяли особое внимание изучению языка и грамматике. Такое внимание было обусловлено тем, что речь являлась для древнего грека не просто средством коммуникации, но носителем «аретэ», и чем эта речь была лучше, тем большей политической доблестью, «аретэ», обладал ее носитель — субъект высказывания. Протагор очень близко подошел к пониманию того, что логос пред-

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

ставляет собой сущностную структуру человеческой природы и условие возможности социального бытия человека как гражданина полиса. Уже в XX в., в эпоху «ниспровержения Субъекта» и его ипостасей, Ноам Хомский при помощи разработанной им теории «порождающей грамматики» будет доказывать, что у человека есть «природа», заключающаяся в его способности к языку. Эта способность, не зависящая от социокультурного контекста, является всеобщей и не подлежащей редукции. Человек как субъект языка в языке возвращается к своей подлинной сущности, тогда как язык, будучи, если угодно, даром Бога, довлеет над человеком как всеобщая возможность и нуждается в индивидах для своей актуализации. Последняя, как логос, дает возможность для построения сообщества — такой связи индивидуальных субъектов, где диалектика единичного и общего собирается логосом в устроенное политическое тело, чему примером был античный полис как коллективный субъект, о котором мысль тоскует всякий раз, когда грезит о сообществе вообще.

Ключевые слова: субъект, добродетель, субъективация, софистика, политика

Софисты вообще и Протагор в частности уделяли особое внимание изучению языка и грамматике. Такое внимание было обусловлено тем, что речь являлась для древнего грека не просто средством коммуникации, но носителем «аретэ», и чем эта речь была лучше, тем большей политической доблестью, «аретэ», обладал ее носитель — субъект высказывания. Протагор очень близко подошел к пониманию того, что логос представляет собой сущностную структуру человеческой природы и условие возможности социального бытия человека как гражданина полиса. Уже в XX в., в эпоху «ниспровержения Субъекта» и его ипостасей, Ноам Хомский при помощи разработанной им теории «порождающей грамматики» будет доказывать, что у человека есть «природа», заключающаяся в его способности к Языку. Эта способность, не зависящая от социокультурного контекста, является всеобщей и не подлежащей редукции. Человек как субъект языка в языке возвра-

щается к своей подлинной сущности, тогда как язык, будучи, если угодно, даром Бога, довлеет над человеком как всеобщая возможность и нуждается в индивидах для своей актуализации. Последняя, как логос, дает возможность для построения сообщества — такой связи индивидуальных субъектов, где диалектика единичного и общего собирается логосом в устроенное политическое тело, чему примером был античный полис как коллективный Субъект, о котором мысль тоскует всякий раз, когда грезит о Сообществе вообще. В докладе будут рассмотрены взгляды на субъект языка и политическое сообщество в греческой софистике и в некоторых современных теориях — в частности, в лингвистике Хомского и философии сообщества Ж. Л. Нанси.

RUSTAM GALANIN, CSc in Philosophy; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Research Fellow

NADEZHDA VOLKOVA, CSc in Philosophy; Russian State University
for Humanities (Moscow, Russia), Leading Researcher

**THE SUBJECT OF LANGUAGE IN PROTAGORAS’
PHILOSOPHY: DIALECTICS OF THE
INDIVIDUAL AND COMMUNITY / POLIS***

The Sophists in general and Protagoras in particular paid special attention to the study of language and grammar. Such attention was due to the fact that speech was not just a means of communication for the ancient Greek, but a carrier of arete, and the better this speech was, the greater the political prowess, possessed by its carrier — the subject of the utterance. Protagoras came very close to understanding that the logos is an essential structure of human nature and a condition for the possibility of a person’s social existence as a citizen of the polis. Already in the 20th century, in the

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

era of the “overthrow of the Subject” and its hypostases, Noam Chomsky, with the help of the theory of “generative grammar” developed by him, will prove that man has a “nature” consisting in his ability to Language. This ability, independent of the socio-cultural context, is universal and not subject to reduction. Man as a subject of language in/via language returns to his/her true essence, whereas language, being a gift from God, dominates man as a universal possibility and needs individuals for its actualization. The latter, as the logos, makes it possible to build a community — such a connection of individual subjects, where the dialectic of the individual and the communal is assembled by the logos into an organized political body, an example of which was the ancient polis as a collective Subject, about which thought yearns whenever it dreams of a Community.

Keywords: subject, virtue, subjectivation, sophistry, politics

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОБНАРУЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ*

В докладе будет предпринята попытка описать некоторые способы обнаружения субъекта в философии Аристотеля, а именно на стыке таких философских разделов, как первая философия, или метафизика, аналитика, или логика, философская психология и философская этика. В частности, речь пойдёт о понятии возможности, которое в некоторых местах приобретает у Аристотеля форму понятия способности [Met. Θ, 1, 1046a11]. Стагирит выделяет два фундаментальных вида способностей: прирожденные («нерассуждающие» возможности, не

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

требующие никаких предварительных усилий) и приобретенные, или основанные на рассуждении (каковыми являются «способности, получаемые путем навыка», и «способности, получаемые через обучение, требующие тех или иных предварительных усилий»). Если в результате естественных способностей всегда получается одно и то же (причем по необходимости, если нет никаких личных препятствий для этого [Met. Θ, 7, 1049a12–14]), то интеллектуальные способности предполагают в качестве возможного достижение противоположных результатов. Поэтому Аристотель основывает их на волевом принципе, под которым он подразумевает «влечение или предпочтение (сознательный выбор)» [Met. Θ, 5, 1048a10–17]. Человеческий ум, по Аристотелю, так же представляет собой ни что иное, как способность [De an. III, 4, 429a20]. Отсюда становится очевидным, что аристотелевское изначально метафизическое понятие способности нужно понимать именно как способность к какой-либо деятельности, и, таким образом, как способность, необходимо подразумевающую некоторого агента действия, ею обладающего, или субъекта.

Ключевые слова: субъект, человек, философская этика, философская психология, перипатетическая философия, Аристотель

VYACHESLAV MINAK, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

ON SOME WAYS OF DETECTING THE SUBJECT IN ARISTOTLE'S PHILOSOPHY*

The report aims to describe various ways of understanding the concept of ability (dynamis) [Met. Θ, 1, 1046a11] in Aristotle's philosophy, particularly at the intersection of metaphysics, analytics (logic), philosophical psychology,

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 "The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia," <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

and philosophical ethics. Aristotle differentiates between two fundamental types of abilities: innate abilities (“non-rational” abilities that do not require any prior effort) and acquired abilities, which are based on reasoning. Acquired abilities can be further classified as “skills acquired through practice” and “abilities acquired through learning, requiring certain preparatory efforts.” While natural abilities always result in the same outcome (necessarily, if there are no existing obstacles [Met. Θ, 7, 1049a12–14]), intellectual abilities allow for the possibility of achieving opposite results. Consequently, Aristotle grounds intellectual abilities on the voluntary principle, which he understands as “inclination or preference (conscious choice)” [Met. Θ, 5, 1048a10–17]. According to Aristotle, the human mind is nothing other than an ability [De an. III, 4, 429a20]. Therefore, it becomes evident that Aristotle’s metaphysical concept of ability should be understood specifically as the ability to engage in some activity, implying the existence of an agent or subject possessing this ability.

Keywords: subject, human, philosophical ethics, philosophical psychology, peripatetic philosophy, Aristotle

ДОРОХИНА ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА, кандидат философских наук;
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия), старший преподаватель

**СУБЪЕКТ И «ВНЕШНИЙ» МИР:
ОСМЫСЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА В РУССКОМ
МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ПЕРСОНАЛИЗМЕ***

Доклад будет посвящен осмыслению проблемы существования мира за пределами человеческого «Я», поставленной в рамках русского метафизического персонализма XIX века. В русле данного философского направления «внешний» мир понимается через преломление данных

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

внутреннего опыта, и в теоретической разработке рассматривается двойко: во-первых, как понятие бытия, во-вторых, как символическая проекция не-сущего во внутренний мир. Как показывает исследовательская литература (М. А. Прасолов), персоналистское понятие бытия основано на осмыслении гипотезы об одном и ином («Парменид», Платон). Персоналисты (А. А. Козлов, С. А. Аскольдов) не идут по пути развития платоновского диалектического метода, но исходят из осознания внутреннего опыта субъекта. Представляется, прояснение проблематики «внешнего» позволит уточнить онтологический статус субъекта, сознание которого признается «архетипом всякого бытия».

Ключевые слова: платонизм, персонализм, субъект, Платон, Парменид, Козлов, Аскольдов, Бобров

DARIA DOROKHINA, CSc in Philosophy; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Lecturer

SUBJECT AND “EXTERNAL” WORLD: UNDERSTANDING OF PLATONISM IN RUSSIAN METAPHYSICAL PERSONALISM*

The report will be devoted to understanding the problem of the existence of the world outside the human self, posed within the framework of Russian metaphysical personalism of the 19th century. In line with this philosophical trend, the “external” world is understood through the refraction of the data of internal experience, and in theoretical development it is considered in two ways: firstly, as the concept of being, and secondly, as a symbolic projection of the non-existent into the inner world. As the research literature (M. A. Prasolov) shows, the personalistic concept of being is based on understanding the hypothesis of one and the other (“The Parmenides,” Plato). Personalists (A. A. Kozlov, S. A. Askoldov) do not follow the path of development

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 “The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

of the Platonic dialectical method, but proceed from the awareness of the subject's inner experience. It seems that the clarification of the problematics of the "external" will make it possible to clarify the ontological status of the subject, whose consciousness is recognized as the "archetype of any being."

Keywords: Platonism, personalism, subject, Plato, *Parmenides*, Kozlov, Askoldov, Bobrov

КУРБАТОВ АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

**«НИКОМАХОВА ЭТИКА» АРИСТОТЕЛЯ
В ЭПОХУ РАННЕЙ РЕФОРМАЦИИ:
КОММЕНТАРИЙ Ф. МЕЛАНХТОНА (1529)***

Исследователи отмечают значительное влияние «Никомаховой этики» Аристотеля в Средние века. Многочисленные комментарии трактата Стагирита составляют внушительный корпус схоластических сочинений. Действительно, исторический текст, например, сочинение этического характера, остается востребованным культурой, если его содержание актуализируется — встраивается в духовно-интеллектуальное пространство современности. Трактат Аристотеля оказался не только составной частью классического средневекового образования, но и продолжил оказывать влияние на мировоззрение протестантских теологов эпохи ранней Реформации, которые декларативно постулировали свободу собственных суждений от схоластической мудрости, под которой подразумевалось и античное литературное наследие. Например, М. Лютер называл Аристотеля «слепым языческим философом», а Ф. Меланхтон писал, что «Никомахова этика» противоречит божественной благодати и христианскому учению о добродетелях. Однако

* Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России», <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>

уже в 1529 г. в типографии Йозефа Клуга был напечатан первый комментарий Ф. Меланхтона на избранные места первых двух глав сочинения Стагирита. Изменение отношения «учителя Германии» к сочинению Аристотеля связано с рядом факторов. Например, Ф. Меланхтон, образованный гуманист и знаток древних языков, обрел в этике Аристотеля опору для учения о свободной воле субъекта, позитивное значение которой было раскрытировано М. Лютером в сочинении «О рабстве воли». Рассмотрению первого комментария «Никомаховой этики» Ф. Меланхтона посвящен настоящий доклад.

Ключевые слова: субъект, «Никомахова этика», Аристотель, Меланхтон, протестантизм, комментарий

ANATOLY KURBATOV, Saint Petersburg Theological Academy
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**ARISTOTLE'S "NICOMACHEAN ETHICS" AT THE
EARLY EARLY AGE OF THE REFORMATION:
A COMMENTARY BY F. MELANCHTHON (1529)***

Researchers note the significant influence of Aristotle's Nicomachean Ethics in the Middle Ages. Numerous comments on the treatise Stagirite constitute an impressive corpus of scholastic writings. For example, a historical text an essay of an ethical nature remains in demand by culture, if its content is updated and integrated into the spiritual and intellectual space of modernity. Aristotle's treatise turned out to be not only an integral part of classical medieval education, but also continued to influence the worldview of the Protestant theologians of the early Reformation, who declaratively postulated the freedom of their own judgments from scholastic wisdom, which also meant the ancient literary heritage. For example, M. Luther called Aristotle "a blind pagan philosopher," and

* The research was carried out at Russian State University for the Humanities with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00971 "The Concept of Subject in Ancient Philosophy: Key Paradigms and their Reception in the Western Culture and Russia," <https://rscf.ru/en/project/23-18-00971/>

F. Melanchthon wrote that “Nicomachean ethics” contradicts divine grace and the Christian doctrine of the virtues. However, already in 1529 the first commentary by F. Melanchthon on selected passages of the first two chapters of the Stagirite was printed. The change in the attitude of the “teacher of Germany” to the work of Aristotle is due to a number of factors. For example, F. Melanchthon, an educated humanist and a connoisseur of ancient languages, found in the ethics of Aristotle a support for the doctrine of the free will of the subject, the positive meaning of which was criticized by M. Luther in his essay “On the Slavery of the Will.” The present report is devoted to consideration of the first commentary of “Nicomachean Ethics” by F. Melanchthon.

Keywords: subject, *Nicomachean Ethics*, Aristotle, Melanchthon, Protestantism, commentary

**СЕКЦИЯ I: «ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНА
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ» (ЧАСТЬ 2)**

Мельников Сергей Анатольевич, кандидат фило-
софских наук, профессор; Московский государ-
ственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия), доцент

ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА

**ТИМОНА ФЛИУНТСКОГО О ПЛАТОНЕ:
TIMO PHILASIOS, *SILLOI*, FR. 793 (19) ET FR. 828 (54)**

В центре внимания данного сообщения располагаются два античных свидетельства о Платоне, принадлежащих философу и поэту Тимону Флиунтскому (ок. 320 – ок. 235 до н. э.), ученику и наследнику признанного родоначальника скептической философской традиции — Пиррона из Элиды (ок. 360 – ок. 270 до н. э.). В первом свидетельстве сообщается резкая и при этом отнюдь не тривиальная характеристика личности первого из академиков, стиля и образа мысли Платона как писателя и диалектика. Во втором свидетельстве пересказывается анекдот, получивший позднее широкое распространение (Aul. Gellius, III, 17, 4; Iamblichus, *In Nicom. Geras. Arithm. introd.*, p. 105, 11 sq. Pistelli; *Schol. Plat. ad Tim.* 20a, p. 279 Greene; *Anon. Proleg. Plat. philos.* 5, 27, p. 11 Westerink; Proclus, *In Plat. Tim.* 1a; I, p. 1 Diehl; Psellus, *Or. min.* 19, p. 70, 14 sq. Littlewood; id. *Ep.* 187, 18 sq. Sathas; Iohannes Tzetzes, *Chiliad.* 799–803 Leone), иллюстрирующий определённую связь и зависимость плато-

новской космологии и психологии, изображённой им в диалоге «Тимей», от предшествующей и современной ему пифагорейской традиции, определившей-ся в литературном наследии Филолая Кротонского (ок. 470 – ок. 385 до н. э.).

Ключевые слова: Платон, Тимон Флиунтский, «Силлы», Древняя Академия, Филолай Кротонский, диалектика, «Тимей»

SERGEY MELNIKOV, CSc in Philosophy, Professor;
Lomonosov Moscow State University (Moscow,
Russia), Associate Professor

TWO TESTIMONIES OF TIMON
OF PHLIUS ABOUT PLATO: TIMO PHLIASIUS,
SILLOI, FR. 793 (19) ET FR. 828 (54)

The focus of this report are two ancient testimonia about Plato, belonging to the philosopher and poet — Timon of Phlius (c. 320 – c. 235 BC), disciple and heir of the founder of the skeptical philosophical tradition — Pyrrho of Elis (c. 360 – c. 270 BC). The first testimonium provides a sharp and by no means trivial characterization of the personality of the first of the *Akademikoi*, the style and way of thinking of Plato as a writer and *dialektikos*. The second testimonium tells an anecdote which later became widely circulated (Aul. Gellius, III, 17, 4; Iamblichus, *In Nicom. Geras. Arithm. introd.*, p. 105, 11 sq. Pistelli; *Schol. Plat. ad Tim.* 20a, p. 279 Greene; *Anon. Proleg. Plat. philos.*, 5, 27, p. 11. Westerink; Proclus, *In Plat. Tim.* 1a, I, p. 1 Diehl; Psellus. *Or. min.*, 19, p. 70, 14 sq. Littlewood; id. *Ep.* 187, 18 sq. Sathas; Johannes Tzetzes, *Chiliad.* 799–803 Leone), illustrating a certain connection and dependence of Platonic cosmology and psychology, depicted by him in the *Timaeus*, from the previous and modern Pythagorean tradition, which was determined in the literary heritage of Philolaus of Croton (c. 470 – c. 385 BC).

Keywords: Plato, Timon of Phlius, Silloi, *Akademia*, Philolaus, *dialektike techne*, the *Timaeus*

ТИХОНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), доцент

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ДИАЛЕКТИКУ «ПАРМЕНИДА» МЕНТАРЕАЛИЗМОМ? *

Исходя из убеждения, что тема божественного раскрывается в диалоге «Парменид», автор обращается к такой традиции комментариев данного диалога, которая указывает на наличие в нем определенной онтологии, «учения об идеях», предполагающего принципиальное главенство «единого», идеального над «многим», то есть предметным миром. Фиксируется характер связи «единого» и «многочисленного» в «Пармениде»; причастность «вещей» «идеям» соотносится с процессом творения физического мира, что позволяет примкнуть к комментаторам Платона, объединяющим диалоги «Парменид» и «Тимей» в одну группу — в группу диалогов, описывающих онтологию. Отличие «Парменида» от «Тимея» состоит в том, что в «Пармениде» речь идет об идеальной конструкции физической реальности, представленной в «Тимее». Разность описания действительности позволяет сделать предположение о наличии некоего высшего, метареалистичного уровня описания бытия в учении Платона.

Ключевые слова: Платон, бытие, «Парменид», диалектика, метафилософия

Диалог Платона «Парменид», по заявлению Г. Гегеля, посвящен «идеям», так как в нем идет речь о «чистых мыслях» («Лекции по истории философии»). По мнению же В. Соловьева, «положительный идеализм» «Парменида» выражается в проблеме сопряжения идеального мира и чувственного мира; то есть Платон в части «Парменида», которую принято называть «диалектика единого и многого», утверждает связь бытия идей (идеального мира) с бытием вторичным (мир многого), и тем самым этот «чувственный» мир приобретает собственное бы-

* Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-00023 «Метафилософия и история философии: концептуальные проблемы и case studies», <https://rscf.ru/project/23-28-00023/>

тийное значение. Идеальный мир, идеальный «космос» предполагает в себе некоторое различие, иначе не будет объяснено многообразие чувственного мира: «таким образом, между двумя мирами оказывается нечто общее, открывается логическая точка соприкосновения между мыслительным небытием в мире идей и реальным небытием в области явлений» (В. Соловьев. Платон и Плотин. Статьи из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона). Понимаем ли мы «диалектику» «Парменида» в логико-гносеологическом ключе, или связываем ли мы с ней онтологические взгляды Платона, обоим типам понимания этого диалога свойственен следующий вывод: перед нами — учение Платона об идеях, «Парменид» раскрывает сферу идеального.

Онтологический способ прочтения «Парменида» приводит читателя к идее безусловного главенства «единого» в бытийной системе, и, соответствуя неоплатонической традиции определения тематик диалогов Платона, читатель сталкивается с вопросом сопоставления «Парменида» и «Тимея», где речь идет также о космо-онтологическом начале всего сущего.

Если область божественного, принципиального является общей темой этих двух диалогов, возникает вопрос: в чем причина различия описаний этой области? Постановка такой проблемы предполагает наличие гипотезы о различных уровнях описания идеального бытия, и «диалектический» уровень, представленный в «Пармениде» вполне можно обозначить как мета-уровень, в силу представленной в нем некой «надстоящей» над реальностью метафизической позиции.

ANDREY TIKHONOV, CSc in Philosophy, Associate Professor; Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), Associate Professor

CAN WE CONSIDER THE DIALECTICS OF *PARMENIDES* AS META-REALISM?*

Proceeding from the point of view, that the divine is present-
ing in the *Parmenides*, the author refers to such a tradition

* The research was carried out at the Southern Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-00023 “Metaphilosophy and the History of Philosophy: Conceptual Problems and Case Studies,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-00023/>

of comments on this dialogue, which indicates the presence in it of a certain ontology, namely — “the doctrine of ideas,” which presupposes the fundamental primacy of the “one” (“ideal”) over the “many” (objects of physical world). The nature of the connection between the “one” and the “many” in the *Parmenides* is fixed; the belonging of objects to “ideas” correlates with the process of creation of the physical world, which makes it possible to join Plato’s commentators who combine the dialogues *Parmenides* and *Timaeus* into one group of dialogues describing ontology. However, the difference between the *Parmenides* and the *Timaeus* is that in the *Parmenides* we see the ontology, that can be considered as an ideal construction of physical reality, which was presented in the *Timaeus*. The difference in the description of reality allows us to make a hypothesis of the presence of some higher, meta-realistic level of the description of being in Plato’s teaching. *Keywords:* Plato, being, the *Parmenides*, dialectic, metaphilosophy

ЗЕМЦОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ПЛАТОНА

Доклад посвящен анализу хронотопа образа идеального государства в текстах Платона. Автор рассматривает особенности описаний пространства и времени в утопических сюжетах диалогов «Государство», «Тимей», «Критий», «Законы». Среди таких особенностей названы: изолированность идеального общества, плодородная изобильная почва, радиально-кольцевая застройка города, его вертикально-восходящая организация, симметричность, принцип средоточия, отсутствие времени и темпоральная завершенность. Во многом эти черты характерны для античной утопии периода архаики и ранней классики, и, одновременно, эллинистический утопический дискурс оказался под сильным влиянием образов древневосточной культуры. Вместе с тем, именно на платоновские тексты будут опираться последующие утопические нарративы Античности, Ренессанса

и Нового Времени. Отдельное внимание в докладе уделено космологическому подтексту платоновской утопии и его влиянию на образ идеального городского пространства.
Ключевые слова: Платон, утопия, хронотоп, идеальное государство, пространство и время

EKATERINA ZEMTSOVA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

SPATIAL-TEMPORAL FEATURES OF THE IDEAL STATE OF PLATO

The report is devoted to the analysis of the chronotope of the ideal state in the texts of Plato. The author considers the features of descriptions of space and time in the utopian plots of the dialogues *State*, *Timaeus*, *Critias*, *Laws*. Among such features are named: the isolation of an ideal society, fertile abundant ground, radial-ring urban development and its vertical-ascending organization, symmetry, the principle of center, lack of time and temporal completion. These features are characteristic of the ancient utopia of archaic and early classic periods, and, at the same time, Hellenic utopian discourse was strongly influenced by the images of Middle Eastern culture. However it is on Platonic texts that subsequent utopian narratives of Classical Ancient, the Renaissance and the Modern period will be based. Special attention in the report is paid to the cosmological implication of Platonic utopia and its influence on the image of an ideal urban space.

Keywords: Plato, utopia, chronotope, ideal state, space, time

РЕЗЮК ВАДИМ ИВАНОВИЧ, Университет «Дубна» (филиал «Лыткарино») (Дубна, Россия), преподаватель; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), соискатель; Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова (Москва, Россия), доцент

ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА И СОДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В докладе рассматривается диалектика понятия государства и содержания государственности. Автор, опираясь на диалектику Платона, взгляд философа на государство

и его генезис, актуализирует внимание к государству и государственности в условиях актуальных и специфичных проблем постмодерновой эпохи. Отмечается многообразие раскрывающих понятие государства признаков, проблема их обоснованности и неустойчивость, конъюнктурность и казуальность отдельных теорий происхождения государства, обозначается связь государства и государственности, их взаимная обусловленность. Внимание к диалектике понятия государства и содержания государственности позволяет констатировать следующее: влияние связанных с государством и государственностью процессов и явлений на общество, его институты и социальное развитие; изменение содержания признаков государства, устоявшихся на доктринальном и научном уровнях; взаимную обусловленность государства и государственности; наличие проблемы определения государства и/или государственности.

Ключевые слова: государство, государственность, диалектика, признак государства, теория происхождения государства

VADIM REZYUK, University “Dubna” (branch “Lytkarino”) (Dubna, Russia), Lecturer; Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Applicant; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russia), Associate Professor

DIALECTIC OF THE CONCEPT OF THE STATE AND OF THE CONTENT OF STATEHOOD

The article deals with the dialectic of the concept of the state and of the content of statehood. The author of the article, relying on Platon’s dialectic, the philosopher’s view of the state and its genesis, actualizes attention to the state and statehood in the context of topical and specific problems of the postmodern era. The variety of signs revealing the concept of the state, the problem of their validity and instability, the opportunism and causality of individual theories of the origin of the state are noted, the connection between the state and statehood, their mutual conditionality is indicated.

Keywords: state, statehood, dialectics, sign of the state, origin of the state

ЛИХТЕР ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат юридических наук, доцент; Пензенский государственный университет (Пенза, Россия), доцент

АНТИЧНАЯ ДИАЛЕКТИКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В докладе рассматриваются отдельные вопросы применения диалектического метода в юридической науке. Последовательно рассматривается специфика в подходах Зенона, Гераклита, Сократа, Платона. Если Зенон можно считать родоначальником формальной диалектики, где главное это процедура научного рассуждения, то родоначальником материальной диалектики был Гераклит. В контексте концепций прав человека логическую структуру некоторых фраз Гераклита возможно применить к базовым принципам юриспруденции. Подобная перспектива важна для установления границ между нормами правовой реальности и фактами. Сократовский эленхос применительно к современной юриспруденции устанавливает запрет на применение техники гипотетического суждения. Платоновская диалектика синтезировала в себе формальную диалектику Зенона и материальную диалектику Гераклита. При этом формальная диалектика Платона опирается и на т. н. *негативную* диалектику Сократа. Цель платоновской диалектики в том, чтобы направлять людей к поиску того, *что* есть вместо того, *что* кажется. Однако результат такого диалектического метода вполне может оказаться деструктивным. Может быть поэтому Платон рекомендует приступать к изучению диалектики только по достижении 30-летнего возраста (Государство, 537d). Этот же факт следует учитывать при критическом рассмотрении актуальных политико-правовых вопросов в контексте платоновской диалектики.

Ключевые слова: диалектика, Платон, Зенон, Гераклит, Сократ, эленхос, право, юриспруденция, права человека

«Диалектика» в учении Платона представляет собой сложное «понятие-зонтик», которое покрывает весьма разнородные онтологические и гносеологические аспекты, в том числе политико-правовых вопросов.

Первым философом, который стал применять диалектический метод для достижения поставленных целей, был Зенон. Однако Зенону диалектика способствовала скорее обнаруживать логические парадоксы, чем искать истину. То есть Зенон стал первым использовать метод деконструкции среди философов западноевропейской традиции.

Если Зенона можно считать родоначальником формальной диалектики, где главное это процедура научного рассуждения, то родоначальником материальной диалектики был Гераклит. «Тёмная» манера его философствования стала одним из значимых факторов развития герменевтики. Толкование Гераклита требуют неординарного навыка интерпретации и вживания в чужой текст.

Так предполагает вдумчивое толкование его фраза: «Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» («О природе»). Данный фрагмент позволяет сделать сразу несколько выводов: о единства мира, которое не исключает столкновение противоположностей; о приверженности к тому, что позднее Гегель назовет законом борьбы и единства противоположностей; о холистической взаимосвязи элементов окружающего мира.

В контексте концепций прав человека логическую структуру рассмотренного фрагмента Гераклита возможно применить к некоторым базовым принципам юриспруденции. В результате исходная фраза может преобразоваться, например, в диалектический тезис о паре равенства-неравенства: «неравные равны, равные неравны: они взаимно «живут» их равенством и «умирают» их неравенством». Эта модификация в свою очередь открывает путь интерпретации как в духе социологии права, так и в духе нормативизма Г. Кельзена.

Первый путь подразумевает, что неравные по норме права равны по факту, равные по норме права неравны по факту и т. п. Подобная перспектива важна для установления границ между миром норм правовой реальности и «феноменальным» миром фактов.

Нормативистское толкование рассматриваемой цитаты возможно через *reduction ad absurdum* по следующему мони-

стическому варианту: «неравные по норме равны по норме, равные по норме неравны по норме». Такая формулировка неожиданно превращается в описание любого неправового государства, устройство которого базируется на внутреннем противоречии, когда законотворчество искажает правовую реальность не менее, чем коррупция.

Третьим мастером диалектики доплатоновского периода был Сократ, который предложил собственный метод опровержения «эленхос». Эленхос применительно к современной юриспруденции устанавливает запрет на применение техники гипотетического суждения. Другими словами, формулирование прав человека в виде гипотетических суждений «если ..., то...», превращает их в рассудочную схему, абстрагированную от актуальных потребностей конкретных людей, всегда погруженных в конкретную серию («гераклитовский поток») жизненных проблем. Так, с сократовской диалектикой несовместимо множество популярных в европейской правовой традиции тезисов. Например: «если субъект поддерживает набор глобальных демократических ценностей, то он является носителем человеческого достоинства».

Платоновская диалектика синтезировала в себе формальную диалектику Зенона и материальную диалектику Гераклита. При этом формальная диалектика Платона опирается и на т. н. *негативную* диалектику Сократа. Однако в поздних диалогах Платона формируется уже *позитивная* диалектика. Гегель отличал «высшую форму диалектики», разработанную Платоном, от той сократовской формы, что он использовал в ранних диалогах.

Цель платоновской диалектики в том, чтобы направлять людей к поиску того, *что* есть вместо того, *что* кажется. Однако результат такого диалектического метода вполне может оказаться деструктивным. Этот факт понимал Платон, что подтверждается его рекомендацией в «Государстве» приступить к изучению диалектики только по достижении 30-летнего возраста (537d). Этот же факт следует учитывать при критическом рассмотрении актуальных политико-правовых вопросов в контексте платоновской диалектики.

PAVEL LIKHTER, CSc in Law, Associate Professor; Penza State University (Penza, Russia), Associate Professor

ANTIQUÉ DIALECTICS IN LEGAL SCIENCE

The report considers separate issues of the application of the dialectical method in legal science. The specificity in the approaches of Zeno, Heraclitus, Socrates, Plato is consistently considered. If Zeno can be considered the ancestor of formal dialectics, where the main thing is the procedure for scientific reasoning, then the ancestor of material dialectics was Herciting. In the context of human rights concepts, the logical structure of some phrases of Heraclitus can be applied to the basic principles of jurisprudence. Such a prospect is important for establishing borders between legal reality and facts. Socratic Elenahos in relation to modern jurisprudence establishes a ban on the use of a hypothetical judgment. Platonic dialectics synthesized the formal dialectics of Zeno and material dialectics of Heraclitus. In this case, the formal dialectic of Plato is based on the so —called Negative dialectics of Socrates. The goal of Platonic dialectics is to direct people to find what is instead of what seems. However, the result of such a dialectical method may well be destructive. This may be why Plato recommends starting the study of dialectics only by reaching the age of 30 (state, 537D). The same fact should be taken into account when critical consideration of relevant political and legal issues in the context of Platonic dialectics.

Keywords: dialectics, Plato, Zeno, Heraclitus, Socrates, elench, law, jurisprudence, human rights

СЕКЦИЯ 5: «ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНА В ФИЛОСОФИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ»

ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ФИЛОСОФИЯ, АСТРОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: СЛУЧАЙ ТРАСИЛЛА*

Доклад посвящен изучению традиции о жизни и деятельности александрийского философа, грамматика и астролога Трасилла. Сначала он был личным астрологом Тиберия, но со временем добился его дружбы и стал доверенным лицом императора. Мы полагаем, что не следует преувеличивать степень его влияния на политические решения Тиберия. Хотя он породнился с влиятельными фигурами при дворе, в частности, с Марконом, который играл очень важную роль при Тиберии в последние годы его жизни и обеспечил переход императорской власти к Калигуле, Трасилл не принимал участия в этих интригах. Скорее, он выполнял роль придворного философа; его учение о Логосе могло вызвать интерес фаталиста Тиберия, а кроме того, оно давало фундамент для философского обоснования астрологии.

Ключевые слова: Тиберий, Трасилл, Римская империя, астрология, философия

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01360 «Границы власти: религиозная «экспертиза» и политическая практика в античности», <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

В эпоху Империи, действовало множество индивидуумов и групп, претендовавших на особую связь со сверхъестественным миром. Яркие примеры такого рода деятелей встречаются в сочинениях Петрония, Ювенала, Апулея, Лукиана, а кроме того, в юридической традиции как объекты всевозможных запретов и изгнаний из Рима и Италии. К этой категории следует отнести и астрологов, ведь в основании их учения лежал мифологический принцип, переносящий имя и характер бога на то или иное небесное тело. Мы рассмотрим яркий образец такого рода «эксперта» — Трасилла, придворного астролога Тиберия, изучим свидетельства о его жизни и деятельности, попробуем определить сферу и пределы его влияния на императора и постараемся вписать его в широкий контекст изменений в религиозной жизни Рима на рубеже эр.

В римской литературе астрологи упоминаются со II в. до н. э. В 139 г. до н. э. из Рима и Италии были изгнаны звездочеты и последователи культа Юпитера Сабазия; скорее всего, и тогда, и позже магистраты видели в этих выходцах с Востока потенциальный источник волнений и беспорядков. Астрология в Риме была связана не только с низами общества, напротив, ей интересовались и многие аристократы. Отчасти это увлечение было следствием популярности греческой культуры и философии среди римских сенаторов и всадников. Стоики Диоген Вавилонский и Посидоний благожелательно отзывались об астрологии, впрочем, философов больше интересовали вопросы о судьбе, о возможности предсказания будущего и о свободе воле, а не личные гороскопы. Период нестабильности при переходе к империи изменил положение предсказателей в государстве: в эпоху гражданских войн политики и полководцы старались контролировать будущее самостоятельно или с помощью состоявших при них профессионалов. Октавиан Август обратился к астрологии в целях пропаганды, подчеркивая, что императорская власть ему была предначертана звездами, тем самым подняв престиж астрологии на непредставимый ранее уровень. В конце правления Августа появляется первое астрологическое сочинение на латыни, сохранившееся до нашего времени — поэма Марка Манилия «Астрономика».

Нам ничего не известно о личных астрологах Августа, но в это время в Риме при Тиберии уже несколько лет состоял Трасилл. У нас нет надежных данных о том, откуда он родом, время его рождения также неизвестно. В поле зрения историков он попадает во время пребывания Тиберия на Родосе. Тацит, Светоний и Дион Кассий рассказывают о том, как он избежал смерти из-за подозрительности Тиберия. Будущий принцепс проникся глубокой симпатией к Трасиллу, взял его с собой в столицу и даровал римское гражданство. Трасилл был не только астрологом, но и грамматиком, и философом занятий; он тяготел к платонизму и неопифагореизму. Он создал особое учение о Логосе и занимался эпистемологией, на рубеже эр Трасилл являлся едва ли не единственным платоником, жившим за пределами Александрии. Его грамматические и философские занятия объединились при подготовке корпусов текстов античных мудрецов. Диоген Лаэртский сообщает, что Трасилл издал диалоги Платона, распределив их по тетралогиям и дав им двойные названия — одно по имени, второе по теме (DL, III, 56–57), и сочинения Демокрита, тоже по тетралогиям (DL, IX, 41; 45). Важность этой работы трудно переоценить, порядок сочинений Платона и их подзаголовки используются по сей день.

Дион Кассий сообщает об особом положении Трасилла при Тиберии: он постоянно присутствовал при императоре, они каждый день занимались какими-нибудь гаданиями, и скоро сам принцепс стал большим знатоком этого дела (Dio Cass., LVII, 15, 7; Juv., X, 94). Римские историки рассказывают, что Трасилл иногда вводил в заблуждение Тиберия для того, чтобы спасти жизнь кому-то из знатных римлян. Сын Трасилла Тиберий Клавдий Бальбил унаследовал профессию и место отца, став придворным астрологом Клавдия, Нерона и Веспасиана, а внучка стала женой Макрона, который фактически исполнял обязанности регента Тиберия в последние годы его жизни.

О чем мог беседовать император со своим звездочетом? Очень вряд ли они обсуждали текущие политические вопросы. Тиберий в этих делах не нуждался в оценках или советах

астролога, особенно с учетом его семейных связей. Их мог сближать общий интерес даже не к астрологии, а к философии, размышлениям о вселенском детерминизме, и составление гороскопов было не главной целью их занятий, а лишь инструментом постижения мира. Хотелось бы обратить внимание на два момента, связанных с философскими взглядами Трасилла. Первый — стоицизирующее платоническое учение Трасилла о Логосе, очень похожее на то, что мы видим у Филона, и аналогичное учению Никомаха из Герасы (II в.). Второй — это возможные интерполяции в текст платоновских диалогов, сделанные Трасиллом, в частности, в «Тимей». В качестве примера можно привести пассаж, где говорится о хороводах небесных тел, которые «посылают знамения грядущего» (40b–d).

ALEKSEY PANTELEEV, CSc in History, Associate
Professor; Saint Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor

PHILOSOPHY, ASTROLOGY AND POWER IN THE EARLY ROMAN EMPIRE: THE CASE OF THRASYLLUS*

The paper is devoted to the study of the Greek and Roman sources about the life and work of the Alexandrian philosopher, grammarian and astrologer Thrasyllus. Initially he was Tiberius' personal astrologer on Rhodes, but over time he achieved his friendship and became a confidant of the emperor. The extent of Thrasyllus' influence on Tiberius' political decisions should not be exaggerated. Although he was related to influential figures at court, in particular, with Quintus Macro, who played a very important role under Tiberius in the last years of his life and ensured the transfer of imperial power to Caligula, Thrasyllus did not take part in these intrigues. Rather, he played the role of a court philosopher; his teaching about the Logos could arouse the interest

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-01360 "Militaristic discourse of historical memory and its constructing in the ancient polis," <https://rscf.ru/en/project/23-28-01360/>

of the fatalist Tiberius, and besides, it provided the foundation for the philosophical justification of astrology, that was a hobby of the emperor.

Keywords: Tiberius, Thrasyllus, Roman Empire, astrology, philosophy

ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), ассистент

ОБРАЗНО-ПОНЯТИЙНАЯ БИМОДАЛЬНОСТЬ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЛЕГОРИИ И ЕЁ «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ АНАКОЛУФЫ»*

Литература позднеантичного периода известна своей эклектичностью, выразившейся не только в смешении жанров, но и в смешении художественных принципов. Поэтика подражания (*μίμησις*) как универсального каркаса любого художественного произведения в первые века по Р. Х. стала оспариваться новой поэтикой воображения (*φαντασία*), а позже — входить с ней в отношения своеобразного синойкизма. Если первая из поэтик была направлена на воспроизводство принципа правдоподобия, то вторая — на репрезентацию внутренних переживаний автора. Это привело к многочисленным и весьма специфическим «эффектам» чтения (чтобы не сказать — «дефектам»), несвойственным классическим образцам греческой и римской литературы. Возникает, можно сказать, новая, особая «поэтика аллегорического назидания», ярче всего проявившаяся в таких сочинениях, как «Утешение философией» Бозция, «О бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы и «Психомахии» Пруденция. Таким образом, было бы крайне интересно рассмотреть этот странный синтез традиционных и позднеантичных поэтологических

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

принципов на материале указанных произведений через анализ их хронотопа. Также будут рассмотрены особенности соотношения образа и понятия в этих текстах, поскольку поэтика подражания появилась в древнегреческой литературе во многом как результат «рационализации» и «понятийной» обработки образа, а поэтика воображения — как попытка представить абстрактное понятие в виде образа или же одушевлённого существа (персонификации).

Ключевые слова: аллегория, античная поэтика, Боззий, Марциан Капелла, мимесис, Пруденций, фантазия

FEDOR SHCHERBAKOV, CSc in Philosophy; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), Assistant

**FIGURATIVE AND CONCEPTUAL BIMODALITY
OF LATE ANTIQUE ALLEGORY AND ITS
“HERMENEUTIC ANACOLUTHS”***

Literature of the late antique period is known for its eclecticism which was expressed not only in a mixture of genres, but also in a mixture of artistic principles. The poetics of imitation (μίμησις) as an universal framework of any work of art in the first centuries A. D. began to be challenged by the new poetics of imagination (φαντασία), and later — to enter into the relationship of a kind of synoikism with it. If the first of these poetics was aimed at reproducing the principle of likelihood, then the second — at representing the author’s internal experiences. This led to numerous and very specific “effects” of reading (not to say “defects”) which were unusual for classical literature of Ancient Greece and Rome. A new, special “poetics of allegorical edification” arises which have most clearly manifested in such works as Boethius’ “Consolation with Philosophy,” Marcian Capella’s “On the Marriage of Philology and Mercury” and Prudence’s “Psy-

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-18-00214 “Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol,” <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

chomachia.” Thus, it would be extremely interesting to consider this strange synthesis of the traditional and the late antique poetic principles on the material of these works through the analysis of their chronotope. The features of the relationship between image and concept in these texts will also be considered since the poetics of imitation largely appeared as a result of “rationalization” and “conceptual” processing of the image, and the poetics of imagination as an attempt to present an abstract concept in the form of an image or an animate being (personification).

Keywords: allegory, ancient poetics, Boethius, fantasia, Marcian Capella, mimesis, Prudence

Исследователями уже неоднократно указывалось на то, что специфика античного иносказания заключается в особом симбиозе образа и понятия в структуре художественной метафоры (в широком смысле): изначально генетически родственные по семантическому материалу, образ (как некоторое чувственно-конкретное содержание) и понятие (как абстрактно-формализованная форма этого содержания) создавали между собой одновременно и гносеологическое, и эстетическое «напряжение». По мере развития античной литературы, понятийное, «идеально-абстрактное» начало всё более и более превалировало, — так что к исходу Античности понятие и образ могли смыкаться друг с другом уже на весьма произвольных основаниях, в рамках которых образно-чувственное содержание становилось не более чем служебной «оболочкой» того смысла, который читатель должен как бы «отшелушить» и получить в итоге сладкое «ядро» эстетического удовольствия или же нравоучительной пользы. Но ни литературоведами, ни историками философии пока что подробно не рассматривались те дополнительные эффекты, которые образуются на поверхности позднеантичного письма, явившиеся следствием такой генетической (но не функциональной!) «автономии» образа и понятия. Речь здесь идёт о том, что бимодальная структура аллегории-персонификации — одного из самых ярких проявлений античного «непрямого говорения» вообще — породила две потенции авторского повествования: с одной стороны, у

любого аллегорического персонажа должны были быть свои атрибуты и некая условно визуализируемая наружность, из которых автор в дальнейшем «вытягивал» сюжет либо целиком, либо в отдельных его поворотах. Если взять, скажем, аллегорию Смиренной Думы (*Mens Humilis*) из поэмы «Психомахия» Пруденция, то несложно догадаться, что она может быть изображена у автора только как стыдливая дева; а коль скоро так, то и сюжет будет включать в себя то или иное обыгрывание этого её ключевого признака. С другой стороны, гносеологическая сторона аллегории, т.е. собственно её «коренное» понятие, также накладывает свою печать на конституирование сюжета — так, чтобы вкладываемые в аллегорический образ отвлечённые богословские и философские истины всё же могли быть извлечены, хоть и не без труда, читателем. В случае Думы Смиренной эта вторая сторона заключается в том, что она заведомо не может проиграть своей антагонистке Гордыне (*Superbitas*), иначе само нравоучительное и гносеологическое значение этой персонификации просто аннулируется. Более того, относительно независимое друг от друга развёртывание логических и эстетических импликаций аллегории в ткани художественного текста практически всегда приводит к тому, что образ становится, во-первых, самопротиворечивым (в семиотическом выражении, это — конфликт между означающим и означаемым), во-вторых, он начинает «конфликтовать» с образно-понятийным устройством других, соседствующих аллегорий (конфликт между означающими). Например, в той же «Психомахии», уже после завершения генеральной схватки Доблестей с Пороками, первые, несмотря на свой благообразный характер, раздирают персонификацию Распри, как пишет Пруденций, «как собаки». Совершенно очевидно, что здесь образная характеристика Доблестей совершенно не вяжется с их идеальной сущностью, которая подразумевает гармонию и мир. Таких герменевтических «словом» в позднеантичной литературе огромное количество как раз в силу того, что они суть проявления «родового порока» аллегории — изначально-го напряжения между образом и понятием. Таким образом, подобные непоследовательности в рамках логической и эсте-

тической стороны аллегорического письма можно обозначить как «герменевтические анаколумы»: если прибегать к семиотической терминологии, в первом случае они возникают на уровне семантики аллегорического тропа, во втором — на уровне его синтактики.

Приходько Максим Александрович, кандидат философских наук; Приход в честь свт. Николая Мирликийского РПЦ МП (Севилья, Испания), священник; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), научный сотрудник

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВАСИЛЕВСА В ПОХВАЛЬНЫХ РЕЧАХ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО*

В докладе рассматривается модель святого императора, сформированная Евсевием Кесарийским в панегирических сочинениях: «Жизнь Константина», «Похвальное слово василевсу Константину» и «Слово о храме Гроба Господня». Анализируется предложенное Евсевием типологическое сопоставление императора Константина с библейскими фигурами Моисея и Мелхиседека с одной стороны и соотнесение образа императора с Логосом Бога, с другой. В рамках этого сравнения прослеживается развитие «священной истории» в биографии христианского василевса, как, своего рода, продолжение библейского нарратива. Используя теорию Филона Александрийского о законе природы как «неписаном образце» законодательства Моисея, Евсевий выявляет священный образец, лежащий в основе жизни императора Константина, объединяющий его с фигурой Моисея. Другая, внеисторическая идейная линия прослеживается в соотнесении императора с образом Логоса.

Ключевые слова: Евсевий Кесарийский, император Константин, образ, подражание, история, типология

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

MAXIM PRIKHODKO, CSc in Philosophy; The Parish of St. Nicolas Russian Orthodox Church (Seville, Spain), priest; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Associate Research Fellow

ARCHETYPAL IMAGES OF BASILEUS IN THE PANEGYRICS OF EUSEBIUS OF CAESAREA*

The report deals with the model of the holy emperor, formed by Eusebius of Caesarea in the panegyric works: “The Life of Constantine,” “In Praise of Constantine” and “On Christ’s Sepulchre.” The typological juxtaposition of the emperor Constantine with the biblical figures of Moses and Melchizedek, proposed by Eusebius, on the one hand, and the correlation of the image of the emperor with the Logos of God, on the other hand, are analyzed. Within the framework of this comparison, the development of the “sacred history” in the biography of the Christian basileus is traced, as a kind of continuation of the biblical narrative. Using Philo of Alexandria’s theory of the law of nature as the “unwritten pattern” of Moses’ legislation, Eusebius brings to light the sacred pattern underlying the life of Emperor Constantine, uniting him with the figure of Moses. Another, non-historical line can be traced in the correlation of the emperor with the image of the Logos.

Keywords: Eusebius of Caesarea, emperor Constantine, image, imitation, history, typology

ХМАРА ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

ФИЛОСОФИЯ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЕКСАНДРИИ: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ И МЕТОДА

В рамках доклада предполагается анализ осуществления философии в пространстве позднеантичной Александрии. Данная задача требует сосредоточения

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-18-00214 “Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol,” <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

на нескольких существенных вопросах. Первое, каким образом существовала философия в условиях александрийского общества именно как социальное явление. Какие практики в этом обществе маркировались, собственно, как философские, в чем их особенности. Какое взаимоотношение было между философом и обществом, в котором он осуществлял свою мысль? Второе, какие корреляции существовали между этими практиками и философскими методами, их пониманием. А также, как эти методы можно соотнести с предшествующей философской традицией. Комплекс этих вопросов будет рассмотрен на примере представителей александрийской философско-богословской школы с обращением к конкретному историко-культурному материалу, что позволит проанализировать взаимосвязи практики и метода философии в позднеантичной Александрии.

Ключевые слова: философский метод, практика, александрийская философская школа

IGOR KHMARA, Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

PHILOSOPHY IN THE LATE ANTIQUITY ALEXANDRIA: THE QUESTIONS OF PRACTICE AND METHODS

The report assumes an analysis of the being of philosophy in the space of late antique Alexandria. This task necessitates focusing on several key issues. The first group of the questions. What practices in Alexandrian society were marked as philosophical, what were their features, and what was the relationship between the philosophers and the society in which they were thinking? The second group of the questions. What correlations existed between these practices and philosophical methods, and how were these methods related to the previous philosophical tradition? These issues will be considered on the example of representatives of the Alexandrian philosophical and theological school with regards to specific historical and cultural material, which will allow us to analyze the interplay between practice and method of philosophy in late Antique Alexandria.

Keywords: method in philosophy, practice, alexandrian philosophical school

Шукин Тимур Аркадьевич, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

**Первичный Ум и внешний ум:
интеллектуальное созерцание у Симеона
Нового Богослова и Михаила Пселла***

Этот доклад посвящен духовной гносеологии двух наиболее ярких представителей монашеской и «придворной» богословских партий XI века — Симеона Нового Богослова и Михаила Пселла. Если для первого интеллектуальное созерцание предполагало соединение очищенного в аскетической практике и молитве ума с «Первичным Умом», то есть Богом, и пребывание, жизнь Его в человеческой душе, то для Михаила Пселла такое соединение было невозможно. Византийский энциклопедист неоднократно описывал процесс интеллектуального восхождения философа и даже предполагал движение Божества навстречу человеческому уму. Это движение, однако, не носило характер соединения и даже непосредственного созерцания. Михаил Пселл, вероятно, следуя одной из интерпретаций Аристотеля, полагал, что человек получает от Бога как «внешнего ума» духовные дары, которые можно описать как гармоничное, соответствующее природе и божественному замыслу устройство человеческого мышления.

Ключевые слова: Михаил Пселл, Симеон Новый Богослов, интеллектуальное созерцание, внешний ум, гносеология

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01038 «Экзегетическая стратегия и богословие Михаила Пселла в его толкованиях на отдельные места из Григория Богослова в интеллектуальном контексте XI века», <https://rscf.ru/project/23-28-01038/>

TIMUR SHCHUKIN, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia), Researcher

**THE PRIMARY MIND AND THE EXTERNAL MIND:
INTELLECTUAL CONTEMPLATION BY SIMEON THE
NEW THEOLOGIAN AND MICHAEL PSELLOS***

This report is devoted to the spiritual epistemology of two of the most prominent representatives of the monastic and “court” theological parties of the XI century — Simeon the New Theologian and Michael Psellos. If for the former, intellectual contemplation presupposed the union of the mind purified in ascetic practice and prayer with the “Primary Mind,” that is, God, and His stay, life in the human soul, then for Michael Psellos such a connection was impossible. The Byzantine encyclopedist repeatedly described the process of the philosopher’s intellectual ascent and even suggested the movement of the Deity towards the human mind. This movement, however, did not have the character of connection or even direct contemplation. Michael Psellos, probably following one of the interpretations of Aristotle, believed that man receives spiritual gifts from God as an “external mind,” which can be described as a harmonious arrangement of human thinking corresponding to nature and divine design.

Keywords: Michael Psellos, Simeon the New Theologian, intellectual contemplation, external mind, epistemology

КУЗЬМИН НИКОЛАЙ ВАДИМОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), студент

**МАЙСТЕР ЭКХАРТ В ГОРИЗОНТЕ
НЕОПЛАТОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Цель работы: установить влияния предшествующих философских и богословских направлений на мисти-

* The research was carried out at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-01038 “The Exegetic Strategy and Theology of Michael Psellos in his Interpretations of Selected Passages by Gregory the Theologian in the intellectual context of the 11th century,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-01038/>

ку Майстера Экхарта, в особенности касаясь влияния неоплатонизма. Задачи работы: обозначение основных богословских, мистических интеллектуальных и народно-религиозных течений современных Майстеру Экхарту, а так же влияния неоплатонической философии, в целях объяснения причин предопределившей воззрения автора; раскрытие контекста истории западной католической церкви современной Майстеру Экхарту для объяснения причин конфликтного взаимодействия и последующего неприятия его мысли официальной церковью; изъяснение основных народно-религиозных течений в целях рассмотрения гипотезы об их влиянии на труды автора; демонстрация ключевых особенностей рейнских мистиков и греческой мистической традиции в целях установления влияний на автора; подробный разбор положений Майстера Экхарта в сравнении с трудами Плотина, установление влияний, а так же постановка вопроса о самой их возможности, трудности установления и аргументированного прослеживания в условиях их опосредования; подведение итогов.

Ключевые слова: Майстер Экхарт, Католическая церковь, христианский мистицизм, Григорий Палама, бегины, Плотин

NIKOLAY KUZMIN, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

MEISTER ECKHART IN THE HORIZON OF THE NEOPLATONIC TRADITION

The aim of the work is to establish the influence of previous philosophical and theological trends on the mysticism of Meister Eckhart, especially concerning the influence of Neoplatonism. The objectives of the work: to identify the main theological, mystical intellectual and folk-religious trends of modern Meister Eckhart, as well as the influence of Neoplatonic philosophy, in order to explain the reasons that predetermined the author's views; to reveal the context of the history of the Western Catholic Church of modern Meister Eckhart to explain the causes of conflict interaction and subsequent rejection of his thoughts by the official church;

to explain the main folk-religious trends in order to consider the hypothesis of their influence on the works of the author; demonstration of the key features of the Rhenish mystics and the Greek mystical tradition in order to establish influences on the author; a detailed analysis of the provisions of Meister Eckhart in comparison with the works of Plotinus, the establishment of influences, as well as raising the question of their very possibility, difficulty of establishing and reasoned tracing in terms of their mediation; summing up the conclusions.

Keywords: Meister Eckhart, Catholic Church, Christian mysticism, Gregory Palama, beguines, Plotinus

НОГОВИЦИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

СИНОНИМИЯ И ОМОНИМИЯ В ПОНЯТИИ О СУЩЕМ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА*

Доклад посвящен диалектической взаимосвязи между синонимичным и омонимичным понятием о сущем в философии Георгия Гемиста Плифона. Исследование проводится на материале его трактатов «О том, чем различаются Платон и Аристотель» и «Против сочинения Схолария в защиту Аристотеля», написанном в качестве ответа на возражения Георгия Схолария (будущего константинопольского патриарха Геннадия II) к первому из них. В данных трактатах Плифон предлагает собственный вариант платонического решения важнейшей философской проблемы о единстве понятия сущего. Эту ключевую онтологическую проблему Плифон решает

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков», <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>

исходя из противоположности между позицией Аристотеля, утверждавшего, что сущее сказывается омонимично (в различных смыслах), и позицией Платона, которого Плифон рассматривает в качестве главного автора, поддерживавшего мнение о синонимичном единстве понятия бытия — сущее сказывается синонимично (в единственном смысле).

Ключевые слова: Георгий Гемист Плифон, Аристотель, Платон, неоплатонизм, единство сущего, синонимия, омонимия

Доклад посвящен диалектической взаимосвязи между синонимичным и омонимичным понятием о сущем в философии Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360–1452). Исследование проводится на материале его трактатов «О том, чем различаются Платон и Аристотель» (“*De Differentiis*”) (1439) и «Против сочинения Схолария в защиту Аристотеля» (между 1449 и 1452), написанном в качестве ответа на возражения Георгия Схолария (будущего константинопольского патриарха Геннадия II) к первому из них. В данных трактатах Плифон предлагает собственный вариант платонического решения важнейшей философской проблемы о единстве понятия сущего. Эту ключевую онтологическую проблему Плифон решает исходя из противоположности между позицией Аристотеля, утверждавшего, что сущее сказывается омонимично (в различных смыслах), и позицией Платона, которого Плифон рассматривает в качестве главного автора, поддерживавшего мнение о синонимичном единстве понятия бытия — сущее сказывается синонимично (в единственном смысле). Для Плифона эта синонимия есть следствие креационистской установки: Бог есть творец всякого сущего, и в этом смысле порядок творения во всех его категориальных связях обладает принципиальным единством упорядоченного в замысле всего сотворенного целого частей. Аристотель, напротив, исходит из понятия о Боге как принципе согласования множества самостоятельного в своем частном бытии сущего. И хотя он допускает синонимию в случае определения по родам и видам, т. е. под категорией «сущности», по мнению Плифона, делает это только

окказионально. В рамках собственной аргументации Плифон пытается развивать критику Аристотеля понятийными средствами учения самого Аристотеля, что во многом обусловлено философской школой Плифона, т. е. школьной традицией неоплатонических комментариев к Аристотелю. Однако Плифон не подгоняет понятия Аристотеля под учение Платона, но дает в своем трактате образец оригинального обращения смыслового содержания некоторых из них, что позволяет ему использовать эти понятия в полемике с самим Аристотелем и средневековой перипатетической традицией.

OLEG NOGOVITSIN, CSc in Philosophy, Associate
Professor; Sociological Institute, Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg,
Russia), Senior Researcher

**SYNONYMY AND HOMONYMY IN THE CONCEPT
OF BEING: THE ONTOLOGICAL DOCTRINE
OF GEORGE GEMISTUS PLETHON***

The paper is dedicated to the dialectical relationship between the synonymous and homonymous concept of being in the philosophy of George Gemistus Plethon. The study is based on the material of his treatises “Wherein Aristotle disagrees with Plato” and “Against the Writing of Scholarios in Defense of Aristotle,” which was written in response to the objections of George Scholarios (the future Patriarch of Constantinople Gennadius II) to the first of them. In these treatises, Plethon offers his own version of the Platonic solution to the most important philosophical problem about the unity of the concept of being. Plethon considers this key ontological problem

* The research was carried out at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-01028 “George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

on the basis of the difference between Aristotle's position, who affirmed the being to be spoken out as a predicate in homonymic way (in different senses) and Plato's view, whom Plethon reckons as the core supporter of the thesis on the unity of being, that the being is spoken out as a predicate in synonymic way (in a single sense).

Keywords: George Gemistus Plethon, Aristotle, Plato, Neoplatonism, unity of being, synonymy, homonymy

**СЕКЦИЯ 6: «ДИАЛЕКТИКА
ПЛАТОНА В ФИЛОСОФИИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ»**

Гурьянов Илья Геннадьевич, кандидат философских наук;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доцент;
Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

**МЕТОД И САМОПОЗНАНИЕ В МЕДИКО-
ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБ
ЭПИДЕМИЯХ МАРСИЛИО ФИЧИНО***

Доклад посвящен эпидемиологическому дискурсу раннего Нового времени как одной из ключевых областей трансформации медицины и философии природы в дисциплинарном ландшафте эпохи. Показывается односторонность восходящей к Мишелю Фуко концептуализации этого дискурса исключительно в образах воображаемого беспорядка, которому всегда противостоит «реальный» процесс социализирующего упорядочивания повседневности. Дается краткий очерк существующих историко-научных исследований эпидемиологических взглядов флорентийского философа-платоника XV в. Марсилио Фичино. Отмечается, что к настоящему времени в них собран значительный материал о социальном

* Исследование выполнено в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации за счет гранта Российского научного фонда 22-78-00217 «Теории эпидемий и методов борьбы с ними в Европе в раннее Новое время», <https://rscf.ru/project/22-78-00217/>

контексте его работы, а также об основных источниках его идейных и понятийных заимствований. Но в то же время остается непроясненным, как именно происходила их переработка в новый тип ренессансной «науки», которую нельзя представлять лишь как пролог к новоевропейской эпистеме, поскольку это сразу исключает из фокуса исследователей «нереализованные возможности» этого дискурса: аргументативные ходы и смыслы, объявленные впоследствии «ненаучными». Анализируется модальность рассуждений Фичино о чуме и более специально — как именно им определяется, с одной стороны, то, что подлежит «точному» знанию, а с другой — медицинское «действие» (совет, лечение), имеющее своим основанием нечто «вероятностное» и заведомо «изменчивое». Объясняется, в каком смысле можно говорить о «реальности» эпидемии как источнике трансформации господствовавшей тогда в науке перипатетической эпистемы. Доказывается, что Фичино сместил фокус интереса медицинской теории с поиска «причин» и «сущности» болезни на процессы ее распространения, которые требовали концептуализации «интенсивности» явлений. Так, например, «чума» перестает «быть» просто ядовитым паром в воздухе и, можно сказать, становится собой, только приобретая масштаб эпидемии.

Ключевые слова: чума, эпидемии, Фичино, ренессансная медицина, сущность, процесс

В современных исследованиях сложился теоретический консенсус, утверждающий невероятно высокую проницаемость когнитивных границ между различными научными дисциплинами в ранненововой интеллектуальной культуре. Однако своего конкретного развития на материале анализа эпидемиологического дискурса он еще не получил ни в отечественных исследованиях, ни в работах зарубежных коллег (несмотря на то, что по понятным культурным причинам совокупное число работ по истории европейской науки на европейских же языках значительно превосходит число таких исследований на русском языке). Проницаемость когнитивных границ, в то же время, неразрывно связана с со-

единением различных интеллектуальных практик раннего Нового времени: протофилологической работы с древними текстами, а также экспериментов с печатными материалами и книжным производством (к числу которых можно отнести и иллюстрирование изданий); практик наблюдения и описания в области естественной философии, алхимии и астрологии, а также анатомирования; практик комментирования и анализа текстов; врачебной деятельности, протекавшей в разных институциональных формах (быть лекарем при дворе, при монастырском госпитале и в университетской аудитории — вовсе не одно и то же). Медицину не всегда возможно было отличить от философии природы, даже учитывая автономию медицинского факультета в структуре университетов. Соотношение медицинской теории, в XV в. все еще находившейся под сильнейшим влиянием античного и средневекового галенизма, и практики также оставалось проблемным. Границы между «физикой» и «биологией», как и другими дисциплинарными областями, в том числе «науками о человеке», в научной культуре раннего Нового времени были гораздо более проницаемы, чем в современном естественно-научном знании.

В настоящем докладе эпидемиологический дискурс раннего Нового времени будет рассмотрен как одна из ключевых областей трансформации медицины и философии природы в дисциплинарном ландшафте эпохи. Будут продемонстрированы основные контексты взаимодействия теории эпидемий с натурфилософскими и медицинскими теориями порождения жизни и функционального развития живых существ, сформулированными в Античности и Средние века. Будет поставлена под сомнение обоснованность узкого «социально-политического» понимания эпидемий чумы раннего Нового времени как источника дисциплинарной власти, представленная в работах Мишеля Фуко. Будет высказано обоснованное предположение, что методы интеллектуальной истории позволяют взглянуть на риски эпидемий чумы из горизонта собственного жизненного мира домодерного человека. Теории распространения эпидемий и борьбы с ними будут помещены в более широкий контекст радикальной трансформации натурфилософской

антропологии и медицинского знания о человеке, существенных для формирования новоевропейской эпистемы. Будет проанализирована концептуализация заражения и реакций (индивидуальных и коллективных) на эпидемические болезни в медико-философских произведениях флорентийского философа-платоника XV в. Марсилио Фичино, что позволит выявить принципиальные аспекты «риторико-медицинской установки разума» в науке раннего Нового времени. Будут представлены новые переводы на русский язык с латинского и народного итальянского языка релевантных для этой темы текстов.

ILYA GURYANOV, CSc in Philosophy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Senior Research Fellow

METHOD AND SELF-KNOWLEDGE IN MARSILIO FICINO'S MEDICAL AND PHILOSOPHICAL NOTIONS OF EPIDEMICS*

The paper delves into the discourse of epidemiology during the early Modern period, which was a pivotal time for developments in medicine and philosophy of nature. It highlights the unbalanced nature of Michel Foucault's interpretation of this discourse, which solely encompasses plague as 'imagined' disorder, counterbalanced against the 'real' process of incorporating structure to everyday life. The text briefly summarises existing research on the epidemiological outlook of Marsilio Ficino (1433–1499). Although extensive evidence has been collected on the social context of his work, as well as on the main sources of his conceptual borrowings, it remains uncertain how that knowledge transformed into a new kind of Renaissance 'science'. The study aims to dis-

* The research was carried out at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration with the support of the Russian Science Foundation, project 22-78-00217 "Theories of epidemics and methods of epidemic control in early modern Europe," <https://rscf.ru/en/project/22-78-00217/>

cern how the discourse describes, on one hand, that which is subject to 'exact' knowledge, and, on the other hand, the medical 'action' (including advice and treatment) based on something 'probabilistic'. It is explained in what sense an epidemic 'reality' has served as the foundation for transforming the then-accepted peripatetic episteme. I argue that Ficino shifted the focus of medical theory from the search for the 'cause' and 'essence' of disease to the processes of its spread, which required conceptualisation of the 'intensity' of the phenomena. Thus, for instance, in this new sense, plague is an epidemic, i. e. a certain scale and speed of spread of disease, not just some substance in the air, i. e. poisonous vapour (after all, it can also be harmless, but then for the doctor it is kind of unknowable).

Keywords: plague, epidemics, Ficino, Renaissance medicine, substance, process

ПРОТОПОПОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИКИ ПЛАТОНА И ГЕГЕЛЯ

Соотношение диалектики Платона с диалектикой Гегеля в целом имеет важное значение в двух планах, в плане понимания самой платоновской диалектики со стороны Гегеля и в плане осуществления тех диалектических принципов, которые были выдвинуты в платоновской философии, но нашли полную реализацию спустя долгое время именно в гегелевской системе. Для Гегеля главным принципом, являющимся основанием диалектического движения категорий, выступает принцип единства противоположностей как противоположных друг другу определений мышления познаваемых в их высшем отрицательном единстве, тогда как для Платона, если следовать определению диалектики в его «Софисте», главное требование диалектического мышления связано с необходимостью различать все по родам и не принимать один и тот же вид (идею) за иной, а иной за

тот же самый. Однако в самом содержании платоновской диалектики, в диалоге «Софист», принцип единства противоположностей раскрывается как главный принцип рассмотрения идей бытия и небытия в отношении остальных родов (идей). При этом когда речь идёт о небытии, то у Платона подразумевается не полная противоположность бытию, выражающая его отсутствие, но лишь иное по отношению к нему и существующее как его отрицание и противоположность. Именно идею небытия как иного в отношении себя можно действительно мыслить, вопреки формальному определению диалектики в «Софисте», как основание того, что Гегель понимал под негативностью диалектического метода в своей спекулятивной понятийной диалектике.

Ключевые слова: идеи, принцип единства противоположностей, диалектика, бытие, небытие, тождество, различие, Платон, Гегель

Согласно Платону, философское познание природы идей в их соотношении друг с другом, исходя из единого всеобщего основания является диалектикой. Философия в форме диалектического мышления, приводит нас к постижению сущности всех вещей и к познанию такого высшего умопостигаемого бытия, которое не зависит от всего чувственно воспринимаемого сущего. Соотношение диалектики Платона с диалектикой Гегеля в целом имеет важное значение в двух планах, в плане понимания самой платоновской диалектики со стороны Гегеля, в отличие от разных других её истолкований, и в плане осуществления тех диалектических принципов, которые были выдвинуты в платоновской философии, но нашли полную реализацию спустя долгое время именно в гегелевской системе. Для Гегеля главным принципом являющимся основанием диалектического движения категорий выступает принцип единства противоположностей как противоположных друг другу определений мышления познаваемых в их высшем отрицательном единстве.

Проблема, однако, состоит в том, что Платон, если следовать определению диалектики в его «Софисте», не считал, что

её значение заключается в познании единства противоположностей или противоположных друг другу идей, единство которых полагается в одной высшей идее, но наоборот, утверждал, что главное требование диалектического мышления связано с необходимостью различать все по родам и не принимать один и тот же вид (идею) за иной, а иной за тот же самый. Однако в самом содержании платоновской диалектики принцип единства противоположностей раскрывается в то же время как главный принцип рассмотрения идей бытия и небытия (сущего и несущего) в отношении остальных родов (идей).

Небытие в понимании Платона обладает единой сущностью и определенным образом существует (в отличие от небытия у Парменида), подобно тому, бытие в определенном смысле не существует. Основные идеи (покой, движение, тождественное и иное) Платона, отличаясь от бытия, как иные по отношению к нему, будут иметь своим собственным определением и сущностью не только бытие, но в тоже время небытие, на основании которого они полагаются как существующие в бытии. При этом когда речь идёт о небытии, то у Платона подразумевается не полная противоположность бытию, выражающая его отсутствие, но лишь иное по отношению к нему и существующее как его отрицание и противоположность. При этом небытие, будучи иным по отношению к бытию и делая все иным, выступает не просто иным, но именно иным в отношении себя самого. В этом смысле платоновскую идею небытия следует понимать таким образом, что небытие воплощает в себе единство противоположностей, одновременно являясь тождественным и иным (отличным) в отношении себя самого и в этом отличие от себя полагает себя как тождественное в своём соотношении с собой.

Идея небытия как иного себя самого имеет решающее значение для диалектики единого и иного, которое может существовать само по себе как единое, будучи тождественным самому себе в своем бытии, в отличие от всего существующего как просто иного, не благодаря своему безусловному бытию, в котором его самого нет (абсолютное полагание с выводами для единого и иного), и не благодаря безусловному небытию,

в котором его, также как и иного, нет (абсолютное отрицание единого с выводами для единого и иного), а только отличаясь от себя самого как иное в отношении себя, т. е. благодаря своему небытию, в котором, оно, отрицая, полагает себя, однако не в тождестве со всем иным как многим в относительном полноте и в относительном отрицании единого с выводами для единого и иного, а как в своем изначальном отрицательном единстве с собой, из которого возникает иное как многое.

Тем самым, именно идею небытия как иного в отношении себя можно действительно мыслить, вопреки формальному определению диалектики в «Софисте» как основание того, что Гегель понимал под негативностью диалектического метода в своей спекулятивной понятийной диалектике. Основным определяющим положением гегелевской диалектики выступает рефлексия в инобытии в самое себя или такое отрицательное соотношение субъекта с самим собой, когда он, полагая себя полностью отличным от самого себя, отрицает это отличие и осуществляет себя в этом инобытии как в своем собственном для себя бытии. Рефлексия в инобытии в самое себя выражается у Гегеля как процесс реализации абсолютного через себя само, которое конституирует себя как отрицательное единство тождественности и инаковости или как отрицательное единство тождества и различия. Таким образом, негативность у Гегеля — это, как небытие у Платона, — нечто несуществующее, или просто отрицательное, но то, что приводит все в движение, как деятельный субъект.

IVAN PROTOPPOV, CSc in Philosophy, Associate Professor; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE UNITY OF OPPOSITES AS A PRINCIPLE OF PLATO AND HEGEL DIALECTICS

The correlation of Plato's and Hegel's dialectics is important in two ways, in terms of Hegel's understanding Platonic dialectics itself and in terms of implementing those dialectical principles that were put forward in Platonic philosophy, but found full realization after a long time in the Hegelian system.

For Hegel, the main principle that is the basis of the dialectical movement of categories is the principle of unity of opposites as opposite definitions of thought cognizable in their highest negative unity, whereas for Plato (in *Sophist*) the main requirement of dialectical thinking is connected to the need to distinguish everything by kinds and not take the same kind (idea) for another, and another for the same. However, in the very content of Platonic dialectics, in *Sophist*, the principle of unity of opposites is revealed as the main principle of considering the ideas of being and non-being in relation to other genera (ideas). At the same time, when it comes to non-being, Plato does not mean the complete opposite of being, expressing its absence, but only something other in relation to it and existing as its negation and opposite. It is the idea of non-being as other in relation to oneself that can really be thought of, contrary to the formal definition of dialectics in the *Sophist*, as the basis of what Hegel understood by the negativity of the dialectical method in his speculative conceptual dialectic.

Keywords: ideas, the principle of unity of opposites, dialectics, being, non-being, identity, difference, Plato, Hegel

БАТРАКОВА ИРИНА АРКАДЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНА, ЕЁ ВИДЫ И РЕЦЕПЦИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Выступление затрагивает вопросы понимания и развития диалектики Платоном и последующими классическими философами. Рассматривается отношение конечной диалектики сократический диалогов Платона к диалектике идеи. На примере рассмотрения диалогов «Софистов», «Парменид», «Филеб» автор прослеживает особенности диалектической формы движения мысли Платона. Диалектика идеи, всеобщего противостоит у Платона двум крайностям: сенсуализму, с одной стороны, и абстрактному пониманию чистой сущности как самотождественной и неподвижной, что характерно было для мегарской школы. Противоположность чувственно-

го и мыслимого, небытия и бытия, многого и единого, единичного и всеобщего должна быть разрешена за счёт внутренней определённости самого всеобщего, идеи, по Платону. Философ настаивает на определённости, содержательности идеи, её отрицательности в себе самой, вводя понятие иного как внутренней отрицательности идеи в диалоге «Софист». Таким образом, различие есть необходимое иное тождества, многое — необходимое иное самого единого, «своё иное», как охарактеризует Гегель. Отношение отрицательной и положительной диалектики автор рассматривает на примере диалогов «Парменид» и «Филеб». Автор обращает внимание на основные этапы в понимании и дальнейшем развитии диалектики в истории философии. Отдельное внимание уделяется интерпретации и развитию платоновской диалектики Гегелем и отечественным мыслителем Е. С. Линьковым.

Ключевые слова: диалектика Платона, мнение, определённость идеи, инаковость, негативная и положительная диалектика, всеобщее, Е. С. Линьков

IRINA VATRAKOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

DIALECTICS OF PLATO, ITS TYPES AND RECEPTION IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY.

The speech touches upon the issues of understanding and development of dialectics by Plato and subsequent classical philosophers. The relation of the finite dialectics of Plato's Socratic dialogues to the dialectics of the idea is considered. On the example of considering the dialogues "Sophistus," "Parmenides," "Philebus," the author traces the features of the dialectical form of the movement of Plato's thought. The dialectic of the idea, the universal, in Plato opposes two extremes: sensationalism, on the one hand, and the abstract understanding of pure essence as self-identical and immovable, which was characteristic of the Megarian school. The opposition of the sensible and the conceivable, non-existence and being, the many and the one, the individual and the universal must be resolved at the expense of the internal

certainty of the universal itself, the idea, according to Plato. The philosopher insists on the certainty, content of the idea, its negativity in itself, introducing the concept of the other as the internal negativity of the idea in the dialogue “Sophist.” Thus, difference is the necessary other of identity, the many is the necessary other of the one itself, “its own other,” as Hegel characterizes. The relationship of negative and positive dialectics is considered by the author on the example of the dialogues “Parmenides” and “Phileb.” Special attention is paid to the interpretation and development of Platonic dialectics by Hegel and Russian thinker Linkov.

Keywords: dialectic of Plato, opinion, certainty of the idea, other, negative and positive dialectic, universal, Linkov

ДМИТРОВ ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), студент

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ФОРМА МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА КАК ПЕРВЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Доклад посвящен рассмотрению диалектики Платона как метода познания самой истины, при том не как данной нам в чувственном восприятии, представлении или рассудочном мышлении, но как саму себя мыслящую. В таком ракурсе рассмотрения предмет и способ его познания тождественны, так как все предшествующие ступени сняты как несоответствующее. В отличие от субъективно-стихийного соотношения родов и видов в рассудочной форме мышления, метод философа опирается на саму природу определения. В учении Платона обнаруживается первое в истории философии указание на логический способ познания действительности, возвышающийся над преходящим опытом и рассуждениями в его относительных границах. Цель доклада — определить, в каком моменте развития метода выступает конкретизация положения о том, что не мы, как философствующие познаем всеобщее, но оно через нас, мыслящих разумно, знает себя.

Ключевые слова: идея, диалектика, познание, философский рассудок, разумное мышление

Завершая разработку своего философского учения в «Государстве», Платон занят определением блага как причины всего истинного и прекрасного. В дихотомической манере изложения Платон различает мышление и мнение для того, чтобы отделить истинное благо от мнимого. Различие содержится в самом мыслимом предмете мышления, определенность которого относится к формам метода, через который душа ищет свой предмет познания.

Исходным пунктом движения познания души выступают чувственно воспринимаемые вещи, выступающие как зримые образы, подобия их мыслимой идеи. Начиная с гипотез и предположений о том, чего душа еще не знает, опираясь на не требующие доказательства аксиомы, она гипотетически пытается вычислить искомую ей сущность. Такой способ познания, имеющий общую вычислительную технику с геометрией и другими родственными ей дисциплинами, Платон именует рассудком. Технические аксиомы, обнаруживаемые в опыте скорее приняты на веру, чем вполне доказаны. Лишь в разумном способе мышления они перестают быть гипотезами, становясь необходимыми моментами единой идеи.

Не желая останавливаться на разрозненных знаниях особенных предметов, философский рассудок стремится понять их всеобщую сущность, благодаря чему по необходимости самая пытливая душа в учении приобщается к вершине познания — диалектическому методу. На завершающем этапе метода единая идея раскрывается в разумном способе мышления как первоначало всего сущего и выступает причиной познания сущности и истины философским рассудком. Раскрывая виды идеи, лежащие в основании рассудочных наук, мышление доказывает истинность гипотез, на которые опирался возникающий разум на пути самопознания души. Диалектика как научный метод познания идеи блага в своей совершенной полноте раскрывается в системе завершенных определений разумного способа мышления, не имеющую недоказанных предпосылок и выступает безусловным условием возникновения разума в человеческой душе.

IGOR DMITROV, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Student

**DIALECTICAL FORM OF THINKING IN
PLATO'S PHILOSOPHY AS THE FIRST
METHOD OF COGNITION OF TRUTH**

The report is devoted to the consideration of Plato's dialectics as a method of cognition of the truth itself, while not as given to us in sensory perception, representation or rational thinking, but as thinking itself. In this perspective of consideration, the subject and the method of its cognition are identical, since all the previous stages are removed as inappropriate. In contrast to the subjective-spontaneous correlation of genera and species in the rational form of thinking, the philosopher's method relies on the very nature of definition. Plato's teaching reveals the first indication in the history of philosophy of a logical way of cognition of reality, towering over transitory experience and reasoning in its relative boundaries. The purpose of the report is to determine at what point in the development of the method is the concretization of the position that it is not we, as philosophers, who know the universal, but it knows itself through us, who think intelligently.

Keywords: idea, dialectics, cognition, philosophical reason, rational thinking

МИРЗОЕВ КАРЕН АВАКОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

**НЕОБХОДИМОСТЬ УТОПИИ: ПЛАТОНОВСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА И МАРКСИСТСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО**

Для современного человека «Государство» Платона воспринимается как странная утопия — и это недалеко от правды. Платон — классический автор, следовательно, обращение к нему в любую эпоху позволяет иначе посмотреть на действительность и лучше её понять. Обращение к Платону позволяет раскрыть необходи-

мый утопический компонент современной социальной критики, которая по большей части принадлежит марксистскому течению или как минимум учитывает его влияние. Данная параллель позволяет задать вопросы современности, ответы на которые объясняют её специфику. Это задаёт вектор социальной науке, позволяет ей выразить собственные предпосылки и поставить их под вопрос. Такова, как пишет Платон, позиция философа и этим он отличается от геометра, считающего, что он знает, на чём основывается его наука. Таким образом, диалектика оказывается актуальной для социальной критической теории

Ключевые слова: диалектика, социальная критическая теория, Маркс, Платон, утопия, антиутопия, идеология

Платон, как известно, в своём идеальном государстве искусство видел, хотя и относился к нему довольно скептически — какой смысл отражать действительность, если сама действительность суть отражение? Но несмотря на эту вполне однозначную мысль из диалога «Ион» смысл философ всё же находит — искусство может быть полезным для государства. Если бы во времена Платона существовали современные антиутопии, думаю, они оказались бы первыми в списке бессмысленного искусства.

Идеология — это ложная претензия на всеобщность. Как может показаться, действует она исключительно утопически, навязывая несбыточный идеал, упорно кричащий о себе иногда даже настолько, что он начинает выражать потребность собственного закрепления в конституции. Однако здесь и находится ключевая ловушка: идеология является продуктом производства, скрытого от сознания самих социальных акторов и представляющегося им в фетишизированном виде. Сознание, как пишет Маркс в «Немецкой идеологии», производится. Безусловно, идеология может действовать как утопия, которая абстрагируется от человека, на фоне которой человек выглядит лишь средством и никак не целью. Но конечный результат этого — лишение человека всякого человеческого, его полное отчуждение и его изначальное недоверие не только

к метанарративам, но и к своим мыслительным способностям в целом. Жан Бодрийяр прекрасно описывает этот процесс, когда «в тени молчаливого большинства» умирает политика и социальное как таковое.

Гегель видит в диалектике Платона обнаружение необходимого движения чистых понятий разума, которое никак не заканчивается из-за того, что истина разума схватывается в рассудочной непротиворечивой форме. Ключевая ценность здесь в том, что схватывается именно истина разума, следовательно, диалектика — это метод, который тем не менее требует развития. Маркс перенимает гегелевский метод, следовательно, и платоновский метод, что позволяет ему противопоставить своё знание всему идеологическому, рефлексировав свою связь и принадлежность к последнему. Как итог, молодой Маркс напишет о коммунизме как о процессе, а не о наличном положении дел.

Социальная критика, претендующая на переход в социальную практику, с необходимостью содержит в себе утопический компонент. Иногда даже он, как в случае Энтони Гидденса, осознаётся. Более того, гораздо лучше, когда он осознаётся и открыто обсуждается, поскольку это позволяет исследователю вернуться к собственной предпосылке и проблематизировать её, что, как пишет Платон, забывают делать геометры. Эта проблематизация позволяет идти к беспредпосылочному знанию, даже если во время её обсуждения государство, которое никогда не может быть создано.

KAREN MIRZOEV, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE NECESSITY OF UTOPIA: PLATONIC DIALECTICS AND MARXIST PRODUCTION

For a modern person, Plato's "Republic" is perceived as a strange utopia — and this is not far from the truth. Plato is a classical author, therefore, referring to him in any era allows you to look at reality differently and understand it better. The appeal to Plato allows us to reveal the necessary

utopian component of modern social criticism, which mostly belongs to the Marxist trend or at least takes into account its influence. This parallel allows you to ask questions of modernity, the answers to which explain its specifics. This sets a vector for social science, allows it to express its own premises and question them. This, as Plato writes, is the position of the philosopher, and this is how he differs from the geometer, who believes that he knows what his science is based on. Thus, dialectics turns out to be relevant for social critical theory

Keywords: dialectics, social critical theory, Marx, Plato, utopia, dystopia, ideology

СТРЕЛЬЦОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
кандидат философских наук; Институт
философии и права СО РАН (Новосибирск,
Россия), научный сотрудник

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ТРИАДА В «СОКРАТИЧЕСКИХ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХ» И. Г. ГАМАНА

В дебютном сочинении 1759 г. «Сократические достопамятности» (Sokratische Denkwürdigkeiten) кенигсбергский литератор Иоганн Георг Гаман предпринял попытку интерпретации сократического незнания в целях апологетики собственного мировоззрения перед рижским предпринимателем И. К. Беренсом и философом И. Кантом. Используя сенсуализм Юма, Гаман предложил трактовку, достаточно сильно расхоdivшуюся с общепринятым в 18-м веке образом Сократа. Основную часть работы Гаман уделяет сократическому незнанию. Его привлекает парадокс: как понять, что Пифия провозгласила мудрейшим человека, который сам о себе сказал, что ничего не знает? Согласно Гаману, незнание Сократа было не просто частичным или недостаточным знанием, но незнанием полным как ощущением (Empfindung), представляя собой конечный итог его развития и в то же время бросая вызов его собеседникам софистам, которые не дошли до пределов самопознания подобно Сократу. Предложенная Гаманом триада само-

познания — незнания — познанныости переносит исторического Сократа в его собственную систему координат, привнося ключевое понятие «веры» (Glaube) в контекст дискуссии Гамана с представителями Просвещения.

Ключевые слова: Гаман, Сократ, Сократические достоянности, самопознание, незнание, Empfindung, Просвещение, даймун, Genius

ALEXEY STRELTsov, CSc in Philosophy; Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Research Fellow

EPISTEMOLOGICAL TRIAD IN “SOCRATIC MEMORABILIA” OF J. G. HAMANN

In his debut 1759 work “Socratic memorabilia” (Sokratische Denkwürdigkeiten) young Königsberg author Johann Georg Hamann undertook an effort to interpret Socratic ignorance for the sake of apologetic of his own worldview directed at Riga entrepreneur I. K. Berens and philosopher I. Kant. Having used sensualism of Hume, Hamann offered reconstruction that significantly differed from Socratic image prevalent in the 18th century. It is Socratic ignorance that Hamann treats in the central part of his work. He is drawn by apparent paradox: how could one understand that Pythia proclaimed as the wisest man that one who claimed to know nothing? According to Hamann, ignorance of Socrates was not just partial knowledge or lack of knowledge, but rather comprehensive ignorance as feeling (Empfindung). It represented the final step of his inner development while challenging the sophists who did not go the limits of self-knowledge like Socrates did. Through his triad of self-knowledge — ignorance — being known Hamann transfers historic Socrates within his own framework bringing the key concept of “faith” (Glaube) into his discussion with the representatives of the Enlightenment.

Keywords: Hamann, Socrates, Sokratische Denkwürdigkeiten, self-knowledge, ignorance, Empfindung, Enlightenment, daimon, Genius

ДЕМЕНТЬЕВ ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), доцент

ПЛАТОНОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЁНИГСБЕРГЕ

Кёнигсбергский университет, основанный в 1544 г., никогда не был центром изучения платоновской мысли, однако понимание логики, по которой развивалась рецепция афинского философа в немецкой культуре, требует осмысления опыта преподавания и изучения Платона в Кёнигсберге. На раннем этапе истории протестантского университета местная профессура отдавала предпочтение Аристотелю; филологи-классики также первоначально концентрировались на новозаветной литературе, мало занимаясь античными авторами. Перелом наступает в конце XVIII в. — в 1792 г. Иоганн Георг Шлоссер выпускает перевод писем Платона (их подлинность уже тогда была предметом дискуссий) именно в Кёнигсберге, и эта публикация впоследствии вызывает оживленную полемику переводчика с Кантом. Среди профессоров Альбертины XIX — первой половины XX в. были философы, филологи и историки, исследовавшие платоновские тексты (Фририх Ибервег, Карл Бенрат, Август Бринкман, Отто Иммиш и др.), однако Платон редко входил в фокус их интересов в кёнигсбергский период творчества. Исключение составляют друг Канта Карл Людвиг Пёршке; филолог Эрвин Вольф, чья диссертация об «Апологии» вышла в 1929 г., когда он уже работал в Кёнигсберге; философ Альберт Гёдекемайер.

Ключевые слова: Кёнигсбергский университет, Платон, рецепция Платона в Германии

ILYA DEMENTEV, CSc in History, Associate Professor;
Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia), Associate Professor

PLATONIC STUDIES IN KÖNIGSBERG

The University of Königsberg, founded in 1544, was never a centre for the study of Platonic thought, but understanding the logic by which the reception of the Athenian

philosopher developed in Germany requires a research on the experience of teaching and studying Plato in Königsberg. At an early stage in the history of the Protestant university, local professors favoured Aristotle; classical philologists also initially concentrated on New Testament literature, doing little on ancient authors. The turning point came at the end of the 18th century: in 1792 Johann Georg Schlosser published a translation of the collected letters of Plato (their authenticity was already disputed at the time) in Königsberg and this publication later caused a lively polemic between the translator and Kant. Among professors at Königsberg University of the 19th century and the first half of the 20th century there were philosophers, philologists and historians who studied Plato's texts (Friedrich Überweg, Karl Benrath, August Brinkmann, Otto Immisch and others), but Plato was rarely in the focus of their interests in the Königsberg period. The exceptions included Kant's friend Karl Ludwig Pörschke; the philologist Erwin Wolff, whose thesis on "Apologia" was published in 1929, when he was already working in Königsberg; the philosopher Albert Goedeckemeyer.

Keywords: University of Königsberg, Plato, reception of Plato in Germany

ЕВЛАМПИЕВ ФЕДОР ИГОРЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ГОСУДАРСТВО КАК ДУХОВНАЯ АРИСТОКРАТИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И И. Г. ФИХТЕ

Исследуя сущность государства, Платон исходил из того, что оно должно быть упорядочено таким образом, чтобы каждый человек занимал в нём место, соответствующее его сущности. На самой вершине при этом должны оказаться философы, то есть люди, знающие истину через созерцание идей, что позволяет им направлять государство в правильном направлении. Он считает, что именно эта связь с миром истины является основным качеством правителя, критерием, по которому человек вне зависимости от обстоятельств своего рождения дол-

жен быть отобран в эту особую группу, которую можно назвать «духовной аристократией». Этим он подчёркивает духовный характер государства. При этом он придаёт большое значение личности правителей, так как именно с деградации их сущности и сущности человека вообще государство начинает своё движение по пути разложения от тимократии до тирании. Из мыслителей более позднего времени, ближе всего в этом отношении к Платону стоит Фихте, который в «Основных чертах современной эпохи» говорит о том, что в главе государств должны стоять люди, в которых наиболее выражено проявляется идея рода, представляющая собой духовное единство всех людей. При этом как и Платон он делает особый акцент на роль личности, так как идея не действует в мире помимо неё. Фихте даже утверждает, что любая форма правления приемлема до тех пор, пока она даёт власть людям духа.

Ключевые слова: государство, духовная аристократия, Платон, Фихте

Платон был одним из первых философов, занявшихся исследованием сущности, или, в платоновских терминах, идеи государства, чему он посвятил специальный диалог, который занимает центральное место в его творчестве. Проблема государства возникает у Платона в связи с изучением сущности справедливости, которую, как он считает, проще понять на примере государства как глобальном варианте реализации идеи справедливости, чем на примере частных отношений. Справедливость обеспечивает упорядоченность в государстве, которое должно быть разделено на группы, каждая из которых занимается своим делом — тем, что соответствует природе относящихся к ней людей. Всего их Платон выделяет три — земледельцы и ремесленники, стражи и правители-философы. По утверждению Платона, государством должны править именно последние, то есть люди, которые смогли выйти за пределы мира и созерцать идеи, после чего вернулись обратно, что описано в знаменитом мифе о пещере. Поскольку именно идеи имеют отношение к истине, то

без их знания правильное управление государством невозможно, и оно перестанет соответствовать своей идее, встав на путь деградации от тимократии до тирании, которая есть худшая форма правления. Начинается эта деградация именно из-за нарушения упорядоченности государства, в результате чего происходит постепенная утрата сословием правителей своей духовной «чистоты», появление в нём людей, не соответствующих ему по способностям. Именно деградацию сущности человека Платон считает причиной разложения государства — так тирания становится возможна не просто вследствие произвольного захвата власти одним человеком, а только после возникновения самого «тиранического человека» и распространения его в государстве. Таким образом, Платон отстаивает необходимость существования того, что можно назвать «духовной аристократией» — группы людей, связанных с духовной реальностью и через эту связь организующих общественную жизнь и жизнь каждого индивида так, чтобы он мог развить по возможности связь с духовной реальностью. Государство для Платона — явление прежде всего метафизическое, духовное, которое он противопоставляет так называемому «государству свиней», описанному им в диалоге «Государство» и возникающему на основании чисто материальных отношений и не выходящему за их рамки.

В новоевропейской философии прямое развитие этой концепции мы находим в поздней философии И. Г. Фихте, а именно в курсе лекций «Основные черты современной эпохи», где она является частью его философии истории. Для начала он указывает, что государство не есть чисто экономическое образование, заботящиеся только о физическом сохранении личностей и охране их частных интересов. Государство есть образование, которое создаётся людьми для выполнения цели человеческого рода вообще. По Фихте, именно идея является истинной реальностью, и все люди представляют собой её проявления. При этом в людях идея проявляется с разной силой, и здесь Фихте говорит о значимости личности как действующей силы, движущей историю. Идея воплощается в великих личностях (сам он приводит в качестве примера Александра

Македонского), для того чтобы род мог достичь своих целей в мире. В то же время Фихте, в отличие от Платона, не указывает в качестве наилучшей ни одной формы правления, говоря, что для них все приемлемы до тех пор, пока они ведут к достижению цели рода, т. е. к установлению отношений в мире в соответствии с разумом. Однако это значит только, что духовные люди могут приходить к власти любыми путями — Фихте всё равно считает, что править должен не кто угодно, а тот, в ком сильнее всего проявляет себя идея. Об этом нам говорит его описание процесса возникновения мировых государств, которое Фихте связывает с деятельностью представителей «нормального народа», которые, обладая связью с идеей, оказались в среде варваров и принесли им культуру, являющейся главной формой проявления идеи в мире. Само государство Фихте даже называет «царством культуры», утверждая, что именно искусство и религия, как его главные явления, представляют собой высшую цель человечества.

Таким образом, Фихте с Платоном сходятся в мысли, что государством должен управлять особая группа людей духа — своеобразная «духовная аристократия» — которая, зная истину, находящуюся в сфере идеи рода Фихте или идей Платона, сможет направить государство в правильном направлении. При этом у Фихте присутствует отсутствующий у Платона мотив создания «царства культуры» как своеобразной империи духа ни земле, то есть преобразования действительности духовным образом.

FEDOR EVLAMPIEV, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE STATE AS SPIRITUAL ARISTOCRACY IN PLATO'S AND FICHTE'S PHILOSOPHIES

Exploring the essence of the state, Plato proceeded from the fact that it should be ordered in such a way that each person occupies a place in it corresponding to his essence. Philosophers should be at the very top, because they know the truth through the contemplation of ideas, allowing them to rule

properly. He believes that this connection with the world of truth is the main quality of a ruler, the only criterion by which a person should be selected into this special group, which can be called the “spiritual aristocracy.” By this he emphasizes the spiritual character of the state. At the same time, he attaches great importance to the personality of rulers, since it is with the degradation of their essence and the essence of man in general that leads the state down the path of decay from timocracy to tyranny. Of the thinkers of a later time, the closest in this respect to Plato is Fichte, who in the “Basic Features of the modern era” says that people should be at the head of states, in which the idea of the genus, which represents the spiritual unity of all people, is most pronounced. At the same time, like Plato, he places special emphasis on the role of personality, since the idea does not work in the world apart from it. Fichte even argues that any form of government is acceptable as long as it gives power to people of the spirit.

Keywords: state, spiritual aristocracy, Plato, Fichte

СЕКЦИЯ 7: «ПЛАТОН И НОВЕЙШАЯ ФИЛОСОФИЯ»

ПОПОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА, доктор фило-
софских наук; Балтийский федеральный
университет им. Иммануила Канта
(Калининград, Россия), профессор

ПРИНЦИПЫ РИТОРИКИ АРИСТОТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ С. И. ПОВАРНИНА

С. И. Поварнин — один оригинальнейших русских специалистов по логике и аргументации, ученый, который в своем творчестве обеспечил связь дореволюционной традиции философских исследований с советским периодом становления философского образования в Петербургском университете. Его идеи в области построения логики отношений, а также теории и практики диалогической риторики звучат по сей день актуально и вписываются в мировые тренды развития теории аргументации, неформальной логики и критического мышления второй половины XX века. Однако, творчество Поварнина опиралось на мощные классические традиции, преобладавшие на кафедре философии Санкт-Петербургского университета и поддерживаемые его учителем А. И. Введенским. Философской подосновой логических исследований в этой традиции выступала аристотелевская логика. В докладе предполагается обосновать тезис о том, что аргументативно-риторическая часть учения С. И. Поварнина также опиралась на принципы классической риторики Аристотеля. При этом в логическом творчестве Поварнина обнаруживаются и оригинальные

новации, отвечавшие актуальным тенденциям развития практической логики в русле становления различных аргументативных моделей.

Ключевые слова: риторика, этос, логос, пафос, Аристотель, С. И. Поварнин, страсти, аргументация, логика

С. И. Поварнин — один из оригинальнейших русских специалистов по логике и аргументации, ученый, который в своем творчестве обеспечил связь дореволюционной традиции философских исследований с советским периодом становления философского образования в Петербургском университете. Его идеи в области построения логики отношений, а также теории и практики диалогической риторики звучат по сей день актуально и вписываются в мировые тренды развития теории аргументации, неформальной логики и критического мышления второй половины XX века.

Однако, творчество Поварнина опиралось на мощные классические традиции, преобладавшие на кафедре философии Санкт-Петербургского университета и поддерживаемые его учителем А. И. Введенским. Философской подосновой логических исследований в этой традиции выступала аристотелевская логика. В докладе предполагается обосновать тезис о том, что аргументативно-риторическая часть учения С. И. Поварнина также опиралась на принципы классической риторики Аристотеля. При этом в логическом творчестве Поварнина обнаруживаются и оригинальные новации, отвечавшие актуальным тенденциям развития практической логики в русле становления различных аргументативных моделей.

Первый принцип теории риторики Аристотеля, который обнаруживается у Поварнина — это признание ведущей роли доказательства как способа убеждения. С разъяснения понятия доказательства начинается работа «Искусство спора».

Второй принцип — требование ясности в диалогической риторике. Это производное требование к доказательству как таковому. В «Риторике» Аристотеля ясность — один из идеалов хорошей речи. Ясность обеспечивается рядом действий ратора. Но в конечном счете опирается на пресуппозицию

о том, что среди всех средств убеждения именно энтимема (риторический силлогизм) как ослабленный аналог доказательства — это предпочтительный, обладающий естественной принудительностью прием аргументации. Искусное построение энтимем предполагает владение топижкой, уместное употребление примеров, определений, соблюдение логических законов и т. д.

VARVARA POPOVA, DSc in Philosophy;
Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia), Professor

THE PRINCIPLES OF ARISTOTLE'S RHETORIC IN THE WORKS OF S. I. POVARNIN

S. I. Povarnin is one of the most original Russian specialists in logic and argumentation, a scientist who, in his work, ensured the connection of the pre-revolutionary tradition of philosophical research with the Soviet period of the formation of philosophical education at St. Petersburg University. His ideas in the field of constructing the logic of relations, as well as the theory and practice of dialogical rhetoric sound relevant to this day and fit into the global trends in the development of the theory of argumentation, informal logic and critical thinking of the second half of the XX century. However, Povarnin's creativity was based on the powerful classical traditions that prevailed at the Department of Philosophy of St. Petersburg University and supported by his teacher A. I. Vvedensky. The philosophical basis of logical research in this tradition was Aristotelian logic. The report is supposed to substantiate the thesis that the argumentative-rhetorical part of S. I. Povarnin's teaching was also based on the principles of classical rhetoric of Aristotle. At the same time, in the logical creativity of Povarnin, there are also original innovations that corresponded to the current trends in the development of practical logic in line with the formation of various argumentative models.

Keywords: rhetoric, ethos, logos, pathos, Aristotle, S. I. Povarnin, passions, argumentation, logic

ДАРЕНСКИЙ ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ, доктор философских наук, доцент; Луганский государственный педагогический университет (Луганск, ЛНР, Россия), профессор

ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНА КАК МЕТОД КОНВЕРСИИ СОЗНАНИЯ

Классической работой, рассматривающей диалектику Платона как метод «конверсии» (П. Адо) сознания, стала книга Г.-Г. Гадамера «Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»)» (1931). В ней метод диалектики рассматривается не просто как «искусство определения понятий», но как восхождение к всеобщему Логосу бытия. Индивидуальный разум преодолевает порабощенность индивидуальной «доксой» только путем самопреодоления — именно такова задача диалектики и как особого режима разговора, и как особого режима работы ума. Разработка понимания диалектики Платона как метода самопознания — «инициации» (конверсии), имеет ценность для современной философии не просто как «возвращение к истокам», но и как актуальный метод работы философского сознания, его «пробуждения» из погруженности в «доксу». Кроме того, оригинальная работа В. Ф. Эрн «Верхнее постижение Платона» (1917), ранее почти не замечаемая в области исследований Платона, также требует изучения и актуализации как ценный опыт «инициационного» понимания диалектики Платона.

Ключевые слова: Платон, диалектика, конверсия, П. Адо, В. Ф. Эрн, Г.-Г. Гадамер

В исследованиях философии Платона в XX веке неизбежной была тенденция рассматривать его тексты как «ключ» к решению проблем современного философского сознания. Одной из таких проблем был кризис базового экзистенциального опыта, следствием которого был т. наз. «кризис метафизики» как неспособность к трансляции классической философской традиции. Решение этой проблемы одними виделось в прямом возрождении традиционных доктрин (неотомизм и др.), но ещё более важным был поиск источников метафизическо-

го опыта. Такой источник был явлен в античной философии в целом и в философии Платона в особенности, поскольку Платон синтезировал все предшествующие ему достижения мысли, в том числе и инкорпорировал мистериальные истоки философского знания.

Классическая разработка этой темы была представлена в книге П. Адо «Духовные упражнения и античная философия» (1981), в которой был введен термин «конверсия» для обозначения истока философии как одной из форм «инициации» — изменения и преобразования сознания посредством открытия им новой реальности:

Латинское слово *conversio* соответствует фактически двум греческим словам с разным смыслом — *epistrophe*, что означает <...> идею возврата (возврат к первоначальному, возврат к себе), и *metanoia*, что означает «изменение мысли», «раскаяние» и подразумевает идею мутации и возрождения.*

Эта двойственность смысла важна для понимания работы философа, которая является одновременно и самоизменением-посвящением, и новым познанием самого себя — своей подлинной природы (анамнезисом).

Классической работой, рассматривающей диалектику Платона как метод «конверсии» сознания, стала книга Г.-Г. Гадамера «Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»)» (1931). В ней метод диалектики рассматривается не просто как «искусство определения понятий», но как восхождение к всеобщему Логосу бытия. Соответственно,

диалектическое возражение — это не просто некий контр тезис, который другой противопоставляет утверждаемому мнению в качестве своего мнения. Диалектическое возражение не имеет места там, где мнение противостоит мнению. Напротив, оно конституируется именно тем, что один и тот же разум должен признавать и мнение, и контрмнение».**

* Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер, 2005. С. 199,

** Гадамер Г.-Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 63.

Индивидуальный разум преодолевает порабощенность индивидуальной «доксой» только путем самопреодоления — именно такова задача диалектики и как особого режима разговора, и как особого режима работы ума.

Однако значительно раньше упомянутых работ была написана работа В. Ф. Эрн «Верхнее постижение Платона» (1917), в которой речи Сократа в «Федре» также были интерпретированы как «диалектическое посвящение» в горний мир, и в этом трактате дано не что иное, как содержание солярного культа, выраженное в философских категориях: «Услышав полуденный глас, Сократ пережил коренное изменение своего сознания».* В этом контексте весьма ценно определение В. Ф. Эрном сущности диалектики Платона:

Диалектика является не орудием познания, а орудием *кафолического истолкования*, т. е. орудием вторичного, в широком смысле рефлексивного «усвоения» и выражения постигнутого. Первоначальным, поистине коренным считается самопостижение, т. е. неразложимый факт внутреннего опыта. Сознание постигающего рассматривается здесь как своего рода внутренние Дельфы. Душа-«пророчица» имеет реальное сообщение с «нисходящим в нее божественным миром» и, впадая в «одержание» им, становится причастной тому высшему и безусловному ведению, которое для человеческого духа и для человеческого восприятия звучит глухо, темно и непонятно. Тогда-то и исполняют свою органическую роль «жрецы философской рефлексии», которые, приступая к темным вещаниям души, переживающей постижение, кафолически его истолковывают и при посредстве диалектики переводят в термины дневного «логического» универсального сознания.**

На основе такого понимания диалектики Платона В. Ф. Эрн также определяет её онтологические презумпции следующим образом:

* Эрн В. Ф. Верхнее постижение Платона // Его же. Соч. М.: Правда, 1991. С. 532.

** Там же. С. 531.

В природе человеческой душа есть нечто, объединяющее с горним миром истинного знания, истинной мудрости. Горний мир и человеческая душа имеют какое-то таинственное, пока неопределяемое, но живое сообщение, благодаря коему человек, выходя из обычного своего сознания, способен твердо и определенно знать некие важные истины о мире сверхъестественном.*

Соответственно, философия Платона есть диалектически истолкованная запись внутреннего опыта и в своем глубочайшем остове сводится к ряду значительных внутренних постижений».**

VITALIY DARENSKIY, DSc in Philosophy, Associate
Professor; Lugansk State Pedagogical University
(Lugansk, LPR, Russia), Professor

PLATO'S DIALECTIC AS A METHOD OF CONSCIOUSNESS CONVERSION

The classic work considering Plato's dialectic as a method of "conversion" (P. Hadot) of consciousness was the book by H.-G. Gadamer "Plato's Dialectical Ethics (Phenomenological interpretation of Philebus)" (1931). In it, the method of dialectics is considered not just as "the art of defining concepts," but as an ascent to the universal Logos of being. The individual mind overcomes the enslavement of the individual "doxa" only by self-overcoming — this is precisely the task of dialectics both as a special mode of conversation and as a special mode of mind work. The development of an understanding of Plato's dialectic as a method of self-knowledge — "initiation" (conversion), has value for modern philosophy not just as a "return to the origins," but also as an actual method of philosophical consciousness, its "awakening" from immersion in "doxa." In addition, V. F. Ern's original work "The Supreme Comprehension of Plato" (1917), previously almost unnoticed in the field of Plato's research, also requires study and actualization as a valuable experience of "initiation" understanding of Plato's dialectic.

Keywords: Plato, dialectics, conversion, P. Ado, V. F. Ern, H.-G. Gadamer

* Там же. С. 530.

** Там же. С. 531.

МОКИЕВСКИЙ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ОСОБЕННОСТИ И ЦЕЛЬ ПЛАТОНОВСКОГО «ГОСУДАРСТВА» В ВОСПРИЯТИИ ЛЕО ШТРАУСА

В работе рассматривается вопрос о том, как американский политический философ Лео Штраус интерпретировал диалог Платона «Государство». Автор рассматривает специфику восприятия Л. Штраусом структуры диалога, роли ключевых персонажей и основных мотивов произведения. Обозначена позиция Лео Штрауса о задаче «необходимого вымысла» в рассуждениях персонажей. Дана характеристика попыток Л. Штрауса проецировать «коммунизм» на рассуждения об упразднении частной собственности и всеобщности жён и детей. Продемонстрировано отношение Л. Штрауса к вопросам равенства полов и участия философов в управлении обществом. В данной работе также раскрываются особенности восприятия Лео Штраусом возможности построения более совершенного политико-общественного устройства, и прописаны основные факторы, которые согласно Л. Штраусу, делают политический проект Платона заведомо невозможным.

Ключевые слова: абсолютный коммунизм, благородный вымысел, «Государство», природа Города, классическая философия, Платон, политический идеализм, Сократ, утопия

SERGEI MOKIEVSKI, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Student

PERCEPTION OF PLATO'S *REPUBLIC* CHARACTERISTICS AND PURPOSE BY LEO STRAUSS

This thesis examines the question of how the American political philosopher Leo Strauss interpreted Plato's dialogue "Republic." The author examines the specifics of L. Strauss' perception of the structure of the dialogue, the role of key characters and the main motives of the work. The position of

Leo Strauss on the task of “necessary lie” in the reasoning of the characters is indicated. The characteristic of L. Strauss’ attempts to project “communism” on the arguments about the abolition of private property and the universality of wives and children is shown. The relation of L. Strauss on the issues of gender equality and the participation of philosophers in the management of society is demonstrated. This thesis reveals the peculiarities of Leo Strauss’ perception of the possibility of building a more perfect political and social structure, and outlines the main factors that, according to L. Strauss, make Plato’s political project impossible.

Keywords: absolute communism, noble fiction, the *Republic*, nature of City, classic philosophy, Plato, political idealism, Socrates, utopia

КОЖЕМЯКИН МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ, кандидат психологических наук; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), доцент

ЛАКАН ЧИТАЕТ ПЛАТОНА

Жак Лакан, как известно, не соглашался с тем, что его причисляли к философам, хотя последние довольно много его цитируют и на него ссылаются. При этом свой семинар он выстраивал вокруг философских категорий. Значительная часть оставшихся после него текстов изобилует отсылками к Платону, в особенности к «Пиру», который в том или ином контексте упоминается Лаканом на протяжении многих лет работы. Но «Пир» — далеко не единственный текст Платона, которым пользуется Лакан. Здесь будут представлены и другие работы, на которые Лакан ссылается в ходе своего семинара, шедшего ежегодно в течение двадцати шести лет. Также предпринята попытка сопоставления заявляемой Лаканом проблематики семинара с упоминаемыми работами Платона. Иными словами, это попытка ответить на вопрос — зачем Лакан читает Платона и преподаёт его в ходе дидактической практики?

Ключевые слова: Платон, Лакан, психоанализ, этика, Семинар

MAXIM KOZHEMYAKIN, CSc in Psychology; Immanuel
Kant Baltic Federal University (Kaliningrad,
Russia), Associate Professor

LACAN READS PLATO

Jacques Lacan didn't agree with the fact that he was ranked among philosophers, although modern philosophers quote him quite a lot and refer to him. At the same time, he built his seminar around philosophical categories. A significant part of the texts left after him is replete with references to Plato, especially to the *Symposium*, which in one context or another is mentioned by Lacan throughout many years of his work. But the *Symposium* is not the only text of Plato that Lacan uses. Here will be presented other works that Lacan refers to during his seminar, which has been held annually for twenty-six years. Also we made to compare the problems of the seminar claimed by Lacan with the mentioned works of Plato. In other words, this is an attempt to answer the question — why does Lacan read Plato and teach him in the course of didactic practice?

Keywords: Plato, Lacan, psychoanalysis, ethics, Seminar

МАКАРОВА НАДЕЖДА ПАВЛОВНА, Балтийский
федеральный университет им. Иммануила Канта
(Калининград, Россия), лаборант-исследователь;
Санкт-Петербургский государственный универ-
ситет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ТЕОРИЯ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» У ПЛАТОНА: ЧТО ЕСТЬ «САМ»?*

В докладе предпринимается попытка осмыслить и обобщить понятие «культуры себя» на примере диалогов Платона и посредством привлечения позиции французского мыслителя М. Фуко, разработавшего концепт

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

«заботы о себе» в рамках проблемы отношений между субъектом и играми истины, субъектом и практиками самости в конкретной исторической перспективе, а также избравшего в качестве исходной точки для анализа рассматриваемых античных практик и техник «сократо-платоновскую фазу, появление *epimeleia heautou* в философской рефлексии». Утверждается, что в «озабочение собой» включается аспект властных отношений, формы познания и самопознания, а также мотив попечения о душе и образования себя в попытке ответа на вопрос, что/кто есть тот «сам». В качестве платоновского принципа, установления и императива хорошо исследованная «забота о себе» в современном контексте обладает потенциалом для прояснения вновь открытых и трансформированных в частном плане соответствующих форм и практик «озабочения собой».

Ключевые слова: забота о себе, Платон, субъект, самопознание, М. Фуко

Периандру приписывали выражение: «Забота — все», или «Прежде всего — забота». Начертанная на храме Аполлона в Дельфах надпись, ставшее одним из принципов бесед Сократа изречение, гласит: «познай самого себя». Данные понятия выступают в тесной связи друг с другом. На это в XX в. указывает французский мыслитель М. Фуко:

Gnothi seauton («познай самого себя») вполне очевидным образом вписывается... в более широкий контекст *epimeleia heautou* (заботы о себе) как одна из форм, как одно из ее следствий, как что-то вроде конкретного, определенного, частного приложения общего правила.*

Каким же образом «забота о себе» восходит в план философского мышления в античности (на примере диалогов Платона)? Существуют ли положения древнегреческого принципа «культуры себя», воспринятые или трансформированные современностью?

* Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе в 1981–1982 учебном году. / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука. 2007. С. 17.

В попытке обобщения сущностных принципов теории «заботы о себе» Платона утверждается: *Epimeleia heautou* есть забота о себе, занятие собой, попечение о себе самом. Во-первых, «забота о себе» является установкой по отношению как к себе, так и к другим. Внимание к себе требует исключения сосредоточения на телесности, на том, что нам принадлежит, и включения прилежания, рассудительности в деле заботы о душе:

Значит, мой милый Алкивиад, и душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души — мудрость, или же в любой другой предмет, коему душа подобна.*

Значит, «...нужно отвести свой взгляд от внешнего, других, мира и т. д. и обратить его на себя самого. Забота о себе предполагает некий способ слежения за тем, о чем ты думаешь, что делается у тебя в душе».** Познание собственных свойств обуславливает знание свойств и других людей и понимание сущности деятельности. Помимо этого, рассматриваемая практика требует присутствия фигуры наставника-учителя, в чем реализуется ее воспитательный потенциал в виде самообразования. То есть «учитель — это тот, кто заботится о том, как заботится о себе его ученик, и для кого любовь к своему ученику — это способ позаботиться о его заботе о самом себе».**

Во-вторых, «забота о себе» сопряжена с актом преобразования себя, требованиями и практиками духовности: «технологией себя». Например, практики выносливости, сопротивления искушению в «Пире», практики отрешения, ухода в себя в «Федоне». Из этого проистекает аспект властного воздействия и возможность политического влияния:

Нельзя управлять другими, невозможно хорошо управлять другими, невозможно сделать свои привилегии орудием политического воздействия на других, разумного действия, не озаботившись самим собой.****

* Платон. Диалоги. М.: «Мысль». 1986. С. 262–263.

** Фуко М. Герменевтика субъекта. 2007. С. 23.

*** Там же. С. 75.

**** Там же. С. 51–52

Вопрос о заботе о самом себе у Платона связан с пониманием того, что есть тот «сам», кто осуществляет заботу, кто является предметом, субъектом и объектом вместе, практики. Безусловно, им является собственная душа, не сводимая ни к телу, его частям, ни к предметному инструментарию в аспекте пользования чем-либо: в аспекте манеры поведения, действия. В данном случае предполагается сторонняя позиция субъекта по отношению к себе и тому, что его окружает.

В настоящем, в медиальном пространстве особенно, принципу заботы о себе придается положительное значение. Если М. Фуко указывал в XX в. на слышимые в понятии вызов и браваду, «скандальное самоутверждение индивида», то современные цифровые масс-медиа развивают сократовско-платоновскую формулу в трансформированной форме. На место души поставлен идеал возвышающегося над собой субъекта, на место учителя — точно определенный гуру или скрытый масс-медиальный авторитет.

Сейчас в концепциях гиперболизированных сознательности, концентрации, сосредоточения и конструктивного влияния фигурирует представление о разделенности некоего «я» и «тела», вводится необходимость контроля за состоянием разделенности мысли/поведения и «я». К примеру, цифровой масс-медийный проект “The Idealist” приводит статью по обретению осознанности:

На протяжении всего процесса я постоянно практикую осознанность, чтобы убедиться, что я не трачу время впустую. Я постоянно наблюдаю за своими мыслями и поведением. Цель осознанности — быстро вмешаться, когда я отклоняюсь от вышеописанного процесса.*

Осознанность преимущественно заключается в возвышении над телом, умственной активностью организма и в персонализации универсальных принципов по обретению данного навыка. В итоге, современные практики «заботы о себе» представляют собой частную форму, сведенную

* Цифровой проект The Idealist: «Дариус Форо: навык осознанности изменит вашу жизнь». URL: <https://theidealist.ru/awahabit/>

к психологической, когнитивной установке на индивидуальном уровне; к актам внешней репрезентации самости в разнообразии конфигураций и точек представленности: к внешнему инструментарию.

NADEZHDA MAKAROVA, Immanuel Kant Baltic
Federal University (Kaliningrad, Russia), Research
Laboratory Assistant; Saint Petersburg State
University (Saint Petersburg, Russia), Student

**PLATO'S "THEORY OF THE CARE
OF THE SELF:" WHAT IS "THE SELF"?***

The report attempts to comprehend and generalize the concept of "culture of the self" on the example of Plato's dialogues and by attracting the position of the French thinker M. Foucault, who developed the concept of "care of the self" within the framework of the problem of relations between the subject and the games of truth, the subject and practices of the self in a particular historical perspective, and also chose as a starting point for the analysis of the ancient practices and techniques under consideration "the Socratic-Platonic phase, the emergence of epimeleia heautou in philosophical reflection." It is argued that "care of the self" includes the aspect of power relations, forms of cognition and self-knowledge, as well as the motive of caring for the soul and educating oneself in an attempt to answer the question of what/who is that "self." As a platonic principle and imperative, the well-researched "care of the self" in the contemporary context has the potential to elucidate newly discovered and privately transformed relevant forms and practices of "care of the self."

Keywords: care of the self, Plato, subject, self-knowledge, M. Foucault

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-18-00214 "Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol," <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

Володин Андрей Владимирович,
Балтийский федеральный уни-
верситет им. Иммануила Канта
(Калининград, Россия), студент

ПОЧЕМУ ЛЕО ШТРАУС ВОЗВРАЩАЕТ НАС К ПЛАТОНУ?*

Американский философ Лео Штраус (1899–1973) вошел в историю политической мысли как представитель консервативного крыла политической философии. Критика современности, выраженная беспощадной атакой на релятивистские убеждения, избыточный либерализм, позитивизм и экзистенциализм сопровождается у Штрауса обращением к Платону, Аристотелю, Фукидиду и Ксенофону, а также Библии и в особенности Спинозе. Философия греков и Откровение еврейского народа суть два атрибута исторического существования западного человека. Кризис современности, сопровождаемый деградацией политической философии имеет единственную альтернативу, а именно обращение к древности, ведь будущее еще не наступило, а параметры настоящего вызывают интеллектуальное отвращение. История политической мысли раскалывается на классику и модерн. Кризис современности обусловлен некорректными реформами философий модерна — Штраус утверждает, что уже Иммануил Кант «не был свободен от коммунизма». Радикальная ошибочность современной философии воплотилась в XX в. в государство Советов, то есть СССР, а «политическая философия исчезла». Западный человек может противопоставить основам идеологического мышления основы политической философии, открытые платоновским Сократом. Данный доклад призван осветить связь между Штраусовой критикой современности и его обращением к Пла-

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00214 «Сакрализация исторической памяти в культуре Византии и России: от события к символу», <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

тону, поставив вопрос: почему Штраус возвращает нас к Платону?

Ключевые слова: Лео Штраус, Платон, Сократ, политическая философия, американская философия, кризис современности, историцизм

ANDREW VOLODIN, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Student

WHY DOES LEO STRAUSS RETURN US TO PLATO?*

The American philosopher Leo Strauss (1899–1973) entered the history of political thought as a representative of the conservative wing of political philosophy. His critique of modernity, expressed in a ruthless attack on relativist beliefs, excessive liberalism, positivism and existentialism, is accompanied in Strauss by an appeal to Plato, Aristotle, Thucydides and Xenophonte as well as to the Bible and in particularly to Spinoza. The philosophy of the Greeks and the Revelation of the Jewish people are two attributes of the historical existence of Western man. The crisis of modernity, accompanied by the degradation of political philosophy, has only one alternative — a return to antiquity, for the future has not yet arrived and the parameters of the present are intellectually repugnant. The history of political thought splits into classical and modern. The crisis of modernity is caused by the wrong reforms of modernist philosophy — Strauss argues that even Immanuel Kant ‘wasn’t free from communism’. The radical fallacy of modern philosophy was embodied in the 20th century in the Soviet state, i. e. the USSR, and “political philosophy disappeared.” Western man can contrast the foundations of ideological thinking with the foundations of political philosophy discovered by Plato’s Socrates. The aim of this article is to highlight the connection between Strauss’

* The research was carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-18-00214 “Sacralization of historical memory in Byzantine and Russian cultures: From an event to a symbol,” <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

critique of modernity and his reference to Plato, posing the question: why does Strauss return us back to Plato?

Keywords: Leo Strauss, Plato, Socrates, political philosophy, American philosophy, crisis of modernity, historicism

КРУТОВ ДАНИЛ СЕРГЕЕВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-
Петербург, Россия), магистр

АКТУАЛЬНЫ ЛИ СЕГОДНЯ ПРИНЦИПЫ ЭТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ПЛАТОНА?

Согласно Платону, лишь философская диалектика учит анализировать, связывать, классифицировать неопределенные и сбивчивые чувственные впечатления и представления, и таким образом получать из их беспорядочной массы единство общего понятия, добывать из чувственных явлений сверхчувственную идею и, наоборот, из единства общего понятия выводить понятия о родах, видах, подразделениях видов и, по нисходящей градации, достигать до понимания индивидуальных предметов. Этими способами диалектика научает определять и анализировать отношения между понятиями и отношения элементов к частностям; диалектика — развитие мысли путем анализа и путем синтеза. В своем докладе, основываясь на платоновский «Филеб», а также, на работу Гадамера и других философов, я бы хотел проанализировать актуальность платоновских идей сегодня.

Ключевые слова: Платон, этика, диалектика, актуальность, Гадамер, «Филеб», нравственность

Основанием диалектики, как и основанием всей образованности, служит, по мнению Платона, музыкальное и гимнастическое воспитание; гармоническое соединение занятий музыкою и занятий гимнастикой производит правильное настроение души, охраняет ее и от грубости и от изнеженности, возбуждает и укрепляет любовь к прекрасному. Подготовлением к диалектике служат математические науки; знание их нужно для неё потому, что отношение идей к явлениям, движущих сил к движению, определяется числом, величиною и мерою.

На этих подготовительных сведениях основывается *философское*, а не наивно-непосредственное познание истины, которое, по выражению Платона в трактате «Государство», «поднимает человека из моря чувственности, очищает душу от наросших на нее раковин и морских трав».

Стиль историко-философских работ Гадамера — это уникальное сочетание конкретного анализа с новаторскими концептуальными обобщениями. Так, «Диалектическая этика Платона» включает в себя подробный разбор платоновского диалога «Филеб». Уверенный в том, что центральное для Платона учение об идеях — через обоснование всеобщей онтологической идеи добра — ведет к созданию «диалектической этики», Гадамер черпает из анализа «имманентного смысло-содержания» платоновского сочинения тот образ диалектики, который он противопоставляет распространенному объективистско-сциентистскому ее толкованию. Последнее скорее ориентировано не на платоновские диалоги, а на результаты интерпретации Аристотеля. «...Аристотелевскую науку отличает то, что она не нуждается в четко выраженном согласии партнеров; она есть указание на необходимость, не озабоченную проблемой фактического согласия других людей. Напротив, диалектика живет исходя из силы диалогического взаимопонимания, из понимающего сопровождения со стороны другого человека; и в каждом шаге этого движения его носителем является потребность убедиться в согласии партнера».

Главные вопросы, обсуждаемые в докладе: Насколько применимы идеи Платона в современной этике? Каковы основные идеи его этической диалектики по Гадамеру?

DANIL KRUTOV, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), MA

ARE THE PRINCIPLES OF PLATO'S ETHICAL DIALECTICS RELEVANT TODAY?

According to Plato, only philosophical dialectics teaches to analyze, connect, classify vague and confused sensory impressions and representations, and thus to obtain from their disordered mass the unity of a general concept, to extract a supersensible idea from

sensory phenomena and, conversely, from the unity of a general concept to derive concepts about genera, species, subdivisions of species and, according to descending gradation, reach to the understanding of individual subjects. In these ways dialectics teaches to define and analyze the relations between concepts and the relations of elements to particulars; dialectics is the development of thought through analysis and synthesis. In my report, based on Plato's Philebus, as well as on the work of Gadamer and other philosophers, I would like to analyze the relevance of Plato's ideas today.

Keywords: Plato, ethics, Dialectics, relevance, Gadamer, Philebus, morality

ХМЕЛЕВСКОЙ ДАНИИЛ ОЛЕГОВИЧ, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), магистрант

ДИАЛЕКТИКА И МИФ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МЕТАФИЛОСОФИИ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА*

Метафилософия — дисциплина, изучающая природу философии, а именно, истинность аргументации и утверждений в философских учениях. Этот термин был впервые употреблён М. Лазеровицем в XX веке, в контексте аналитической философии. Однако, это не означает того, что мыслители прошлого не пытались исследовать сущность философии. В докладе совершается попытка продемонстрировать, что диалектика и мифология Платона являются как пределами мысли, так пространством для метафилософии. Античный мыслитель, критикуя ранних греческих философов, а также отказываясь от исследования природы и поэзии, как формы изложения своих учений, изобретает новую форму философии, облечённую в форму диалог. В то же время в философии Платона можно определить пределы, достигая которых изыскание становится на уровень метафилософии — диалектика и миф.

Ключевые слова: диалектика, миф, метафилософия, онтология, идеи

* Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда 23-28-00023 «Метафилософия и история философии: концептуальные проблемы и case studies», <https://rscf.ru/project/23-28-00023/>

Как отмечал М. Лазеровиц, метафилософия — это исследование природы философии, главной целью которого является достижение удовлетворительного объяснения отсутствия неоспоримых философских утверждений и аргументов. Определение М. Лазеровица справедливо для современной философии и всё же, мыслители прошлого так же совершали попытки осмыслить философию как таковую, но доступными для них способами. Для изучения природы философии необходима дистанция от самих философских учений, чтобы проанализировать истинность аргументации мыслителя, в случае современной философии для этой цели была выбрана логика, утверждают англоязычные мыслители. В философии Платона сохраняется эта дистанция и она была задействована мыслителем для критики предшествующих мыслителей: Гераклита в диалоге «Тимей», Парменида в одноимённом диалоге. Античный мыслитель переопределяет философию, отделяя её от поэтического жанра, наблюдения за природой в поисках ἀρχή, и тем самым представляет философию в форме диалога.

Обращаясь к VI книге диалога «Государство», мы можем определить место диалектики в философии Платона. Философ представляет уровни деления сущего через образ линии, где первая половина отрезка посвящена материальным вещам, вторая часть описывает познание интеллигибельных сущностей. Однако, на этой линии диалектика занимает высшее положение, поскольку с её помощью душа может познавать идеи через идеи, без обращения к вещам. Тогда как, в ранних диалогах Платона собеседники Сократа, чаще всего, приходят к апории, в других случаях пиком их рассуждений являются мифы, например, диалоги «Федон» и «Федр». Соответственно, можно предположить, что мышление с помощью идей, беспредпосылочных начал, и обращение к мифотворчеству может давать возможность для метаисследования философии как таковой.

Иными словами, обращение мыслителя к диалектике и мифу, как пределу мышления и обращения к беспредпосылочным началам, представляет собой пространство для изучения и изобретения философии.

DANIIL KHMELEVSKOI, Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia), MA Student

DIALECTICS AND MYTH AS A SPACE FOR МЕТАФИЛОСОФИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА*

Metaphilosophy is a discipline that studies the nature of philosophy, namely, the truth of argumentation and statements in philosophical teachings. This term was first used by M. Lazerowitz in the XX century, in the context of analytical philosophy. However, this does not mean that the thinkers of the past did not try to explore the essence of philosophy. The report attempts to demonstrate that Plato's dialectics and mythology are both the limits of thought and the space for metaphilosophy. The ancient thinker, criticizing the early Greek philosophers, as well as rejecting the study of nature and poetry as a form of presentation of his teachings, invents a new form of philosophy, clothed in the form of dialogue. At the same time, in Plato's philosophy, it is possible to determine the limits, reaching which research becomes at the level of metaphilosophy — dialectics and myth.

Keywords: dialectics, myth, metaphilosophy, ontology, ideas

КУПРИЯНОВ ГЛЕБ ПАВЛОВИЧ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), студент

ПЛАТОНОВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ИЗЛИШНЕЕ В ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА 1920-Х ГОДОВ

В рамках деструкции истории онтологии Мартина Хайдеггера — так, как она изложена в «Бытии и времени», Платон и Аристотель часто возникают рядом, как главные создатели «античной онтологии». Однако в §6 Хайдеггер различает их позиции в связи с понятием «диалектики» у Платона и отказом, снятием её у Аристотеля. Это происходит из-за того, что диалектика

* The research was carried out at the Southern Federal University with the support of the Russian Science Foundation, project 23-28-00023 “Metaphilosophy and the History of Philosophy: Conceptual Problems and Case Studies,” <https://rscf.ru/en/project/23-28-00023/>

оказывается «излишней». Автор попытается дать ответ на вопрос, почему в интерпретации Хайдеггера диалектика оказывается таковой для Аристотеля и, шире — как соотносятся феноменология и диалектика Платона в философском проекте Хайдеггера вообще. Для этого докладчик обращается к курсу «“Софист” Платона» (1924) и хайдеггеровским интерпретациям Аристотеля 20-х годов, где проблема диалектики рассматривается немецким философом эксплицитно.

Ключевые слова: Хайдеггер, диалектика, феноменология, Аристотель, речь, λόγος

GLEB KUPRIYANOV, National Research University Higher
School of Economics (Moscow, Russia), Student

PLATONIC DIALECTICS AS SUPERFLUOUS IN MARTIN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY OF THE 1920S

Within the framework of the destruction of the history of ontology by Martin Heidegger — as it is set out in “Being and Time,” Plato and Aristotle often appear side by side as the main creators of the “ancient ontology.” However, in paragraph 6, Heidegger distinguishes between their positions in connection with the concept of “dialectics” in Plato and the rejection, sublation of it in Aristotle. This is due to the fact that dialectics turns out to be “superfluous.” The author will try to answer the question why, in Heidegger’s interpretation, dialectics turns out to be such for Aristotle and, more broadly, how Heidegger’s phenomenology and Plato’s dialectics correlate in general. To do this, the speaker refers to the course “Sophist“ Plato” (1924) and Heidegger’s interpretations of Aristotle of the 20s, where the problem of dialectics is explicitly considered by the German philosopher.

Keywords: Heidegger, dialectics, phenomenology, Aristotle, discourse, *logos*

СЕКЦИЯ 8: «ПЛАТОН В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ»

Чулков Олег Алексеевич, кандидат фило-
софских наук, доцент; Государственный
университет морского и речного
флота им. адмирала С. О. Макарова
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

Поэтика апорий

В докладе рассмотрены мифопоэтические истоки античной диалектики. На основании предположения о сущностной взаимосвязи двух стратегий концептуализации образов — теории и апории, предпринята попытка историко-философской реконструкции исходных мифологем и образов, явившихся предпосылками диалектического мышления. Теоретическая и «апорическая» направленности античной философии диалектически дополняют друг друга: теорема Парменида о едином, единственном, вечном и неподвижном бытии доказывается «от противного» апоремами Зенона, логическим следствием тривиальной интерпретации теории идей Платона оказывается апория «третьего человека», апория неподвижного Ума-перводвигателя замыкает на себе теоретическую конструкцию «четырёх причин» Аристотеля. В истории философии проблема согласования умозрительных построений (теорий) с неразрешимыми апориями станет неявной предпосылкой к выдвигению все новых теоретических конструкций («доказательства» бытия Бога, предустановленная гармония, трансцендентальное единство апперцепции) в их дополняющих апориях (апофатическое богословие, трансцендентальные паралогизмы, принцип неопределённости). Для иллю-

страции изложенных в докладе тезисов, представлена интерпретация рельефного изображения богини Афины (VI-V вв. до н. э.), найденного в ходе археологических раскопок на Афинском акрополе.

Ключевые слова: апории Зенона, метафизика движения, Гераклит Эфесский, Парменид Элейский, теория идей Платона

В докладе «Происхождение искусства и назначение мышления» (*Die Herkunft und die Bestimmung des Denkens*), представленном Афинской академии наук и искусств 4 апреля 1967 г., М. Хайдеггер обратил внимание слушателей на древнее изваяние покровительницы города, найденное в археологическом слое VI–V вв. до н. э. на Афинском акрополе. На мраморном барельефе изображена опирающаяся на копьё Афина, задумчиво и печально взирающая прямо перед собой. Складки ее пеплоса не ниспадают вертикально, но, вопреки земному тяготению следуют легкому наклону тела, пятка левой ноги приподнята, что могло бы соответствовать динамике незавершенного шага, но противоречит статическому положению фигуры. Богиня прикасается лбом к древку копья, наконечник которого уперт в основание прямоугольного камня. В ту же точку устремлен задумчивый взор богини.

Мнения искусствоведов расходятся в отношении смысла изображения. Камень, в основание которого упирается копьё Афины — межевой ли это знак или строительный блок, надгробие или скрижаль законов древних Афин? В этом камне Хайдеггер усматривал обозначение границы, за которой Афина ясно видит то, что лишь угадывается в деяниях смертных.

Через несколько лет после выступления в Афинах этот же барельеф упоминается в переписке Х. Аренд и М. Хайдеггера: «Под задумавшейся Афиной ты имеешь в виду небольшой барельеф, копия которого стоит у тебя на письменном столе?» (Аренд — Хайдеггеру, Тегна, 28 июля 1970 г.). «Барельеф Афины висит в Музее Акрополя» (Хайдеггер — Арендт, Фрайбург, 4 июля, 1970 г.). Слепок «Задумчивой Афины» на рабочем

столе философа (оригинал хранится в Новом музее Акрополя, инв. № 695) свидетельствует о значимости этой вещи для М. Хайдеггера: «в дальнюю близь, туда, где властно правит богиня Афина, — вот куда, вот до какой дали должны мы домыслиться».

Образ «Задумчивой Афины» раскрывает особенность античного восприятия божественного как такового. Греческие боги — существа теоретические, «созерцающие», — взирая из-за непреодолимой черты, они являют себя смертным. Взгляд Афины прям и неподвижен — на рельефе он устремлен вдоль древка копья, упирающегося острием в камень. В изображении фиксирован парадоксальный момент тождества движения и остановки — стремительность луча зрения («теория») наталкивается на непреодолимое препятствие («апорию») в виде непроницаемого камня.

«Апория» — общепринятое обозначение паралогизмов Зенона Элейского, демонстрирующих противоречивость понятий «движение» и «множество». Спектр коннотаций этого термина весьма широк: *aporéō* — иметь недостаток, нуждаться, быть в затруднительном положении, недоумевать, сомневаться: *apórema* — спорный пункт, сомнение; *áporos* — безысходный, непроходимый, трудный, нуждающийся. Перечисленные лексемы производны от *póros* — путь, переправа, переход, отверстие, póра, средство, доход. Этимологически и фонетически «поросу» (и его привативной форме *aporии*) близки слова, различающиеся лишь местом постановки ударения: *peirá* — острие, лезвие (на рельефе — упирающийся в камень наконечник копья Афины); *peíra* — предел, край (апейрон, «беспредельное» Анаксимандра).

Апорема — диалектическая противоположность теоретической архитектоники античной философии, своего рода у-топия, обратная сторона топики упорного теоретизирования. По аналогии с принципами неопределенности и дополненности, поэтика апорий и логика теорий, обнаруживает в философии не только систему самоочевидных суждений (теорем), но и последовательность открытых вопросов.

OLEG CHULKOFF, CSc in Philosophy, Associate Professor; Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

POETICS OF APORIAS

The report examines the mythopoetic origins of ancient dialectics. Based on the assumption of the essential relationship between the two strategies of conceptualization of images — theory (speculation) and aporia, an attempt was made to historical and philosophical reconstruction of the original mythologies and images that were the prerequisites for dialectical thinking. The theoretical and “aporic” orientations of ancient philosophy complement each other dialectically: Parmenides’ theorem on the one, only, eternal and motionless being is proved “by contradiction” by Zeno’s aporems, the logical consequence of the trivial interpretation of Plato’s theory of ideas is the aporia of the “third man,” the aporia of the motionless Mind — the prime mover closes the theoretical construction of the “four causes” of Aristotle. In the history of philosophy the problem of coordinating speculative constructions (theories) with insoluble aporias will become an implicit prerequisite for the promotion of ever new theoretical constructions (“proofs” of the existence of God, pre-established harmony, transcendental unity of apperception), as well as their complementary aporias. (apophatic theology, transcendental paralogsms, the uncertainty principle). To illustrate the main points, the report presents an interpretation of the relief image of the goddess Athena (VI-V centuries BC), found during archaeological excavations on the Acropolis of Athens.

Keywords: aporias of Zeno, metaphysics of motion, Heraclitus of Ephesus, Parmenides of Elea, theory of ideas

СЕРКОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ИРОНИЯ И ДИАЛЕКТИКА В ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Практика философствования Сократа представляет собой сложное соединение приемов, при помощи которых философу удавалось достичь своих целей: испытать знания какого-либо предмета на прочность и превратить эти знания в основу нравственной жизни. И если в первой части этой философской стратегии возможны были для Сократа бесконечные познава-

тельные маневры, включая сомнение, иронию и диалектику, то во второй действовали майевтические приемы «рождения души»: на основаниях истинного знания риторика и диалектика (как формы экспериментального знания) отступали и закреплялись в конкретном действии, — поступке, который как жизненная форма знания был необратимым, — нельзя сказать, что я отменяю свой поступок как неосмотрительный, он уже онтологически осуществился. В свете такого понимания становится понятной трагедия Сократа, его твердое решение до конца придерживаться нравственных обязательств перед собой в полном согласии с голосом, который подавал его «даймон».

Ключевые слова: диалектика, ирония, майевтика, сократический метод, практическая философия

Метод Сократа включает разнообразные приемы, представленные в диалогах Платона. Вообще методы ведения беседы зависят от отношений, которые складываются у Сократа с его протагонистами. Всех их условно можно разделить на три группы. К первой относятся маститые философы (диалоги «Парменид», «Софист», «Горгий», «Протагор»), ко второй — ученики Сократа, ищущие у него мудрости и знания («Теэтет», «Федр», «Федон», «Феаг»), третий тип собеседников представлен теми, кто не может стать ни первым, ни вторым («Гиппий Большой», «Гиппий Меньший», «Ион»). В третьем случае Сократ прибегает к всевозможным маневрам, чтобы избежать профанации предмета обсуждения: сам себе становится собеседником или «воскрешает» знаменитого философа, чтобы иметь в диалоге достойного протагониста. В соответствии с рангом и возможностями своих противников Сократ применяет тот или иной диалогический приём: иронию или диалектику. Если же с Сократом беседует неопытный в философском ремесле собеседник (например, Теэтет), то на начальной фазе диалога обыденный здравый смысл, за который только и держится «противник» Сократа и который представляет собой синкретическую смесь жизненных наблюдений, «ходячих истин», предрассудков и заблуждений, — подвергается ироническому испытанию, а заканчиваются такие диалоги, как правило, признанием участников диалога необходимости серьезно заняться философией.

Реплики ученика в подобных случаях ограничиваются вопросами: «Как может это быть возможным?»; «Как ты сумеешь все это?»; «К чему ты это сказал? Как это? Как это ты говоришь? Скажи яснее. Почему? Почему ты так это говоришь?» («Софист»). Или: «Что ты хочешь этим сказать?»; «И к чему это?»; «Как это?»; «Ну и что из этого?»; «Я еще не понимаю, что ты хочешь сказать»; «Как это возможно?» («Теэтет»). Диалектические принципы познания выдвигают на первый план сомнение в основательности или полноте рассуждения, разрешающегося в ходе постоянного соотношения собственных представлений с позицией своего противника.

При этом диалог набирает обороты, некоторые темы обсуждаются повторно, беседа обращается вспять, и все это для того, чтобы предмет исследования обретал всю возможную полноту смыслов. Диалогика подразумевает диалектику: общение строится на основе взаимного интереса и критической проверки суждений. Телеология диалога определяется следующими целями: разоблачение невежества оппонента, критический анализ собственных взглядов, преследование неочевидных, чаще всего этических следствий, оппозиция обыденным представлениям, контроль здравого смысла над спекулятивными конструкциями, — все это влияет на ход разворачивающегося агона. Сократовское майевтическое действие, растянутое на целые дни, является формой соблазна, но она же и учит освобождению, и в этом смысле порождает нового человека.

В этом состоит суть двусмысленной похвалы Алкивиада в диалоге «Пир»: Сократ проявляется и как порождающая причина и восприимчивая душа, и как соблазнитель моральной «невинности», под которой подразумевалась нравственная безответственность и беспечность, потому он оказывается воплощением самого Эрота. Совсем иное дело, когда Сократ беседует с искушенными в философии мужами. В таком философском контексте диалектика приобретает качество «*онтологического* иронизма».

В «Пармениде» мы имеем блестящие примеры подобного рода. Как известно, несохранившийся трактат Парменида состоял из двух частей. «Он сказал, что философий две, —

свидетельствует о Пармениде Диоген Лаэртций, — одна — сообразно истине, другая сообразно мнению».* Содержанием первой части философской поэмы, представляющей последовательное опровержение видимой картины мира, является основоположение «бытие есть, небытия нет» и признаки бытия: оно вечно, однородно, неподвижно, совершенно.

Поскольку Парменид полагает, что мышление тождественно бытию, он выводит из этого основания следствие о несуществовании небытия, поскольку небытие нельзя непротиворечивым образом ни помыслить, ни высказаться о нем. Платон показывает, что понятие бытия исключает не только множественность и движение, но и тождество, покой, временность и пространственность, а также единство и неделимость, т. е. оно оказывается невыразимым непротиворечивым образом, и, следовательно, оно не может быть основой истинного понимания. На месте картины мира, если следовать Пармениду, может зиять онтологическая дыра:

Следовательно, оно (единое — В. С.) [никем] не называется и [никто не может высказать его, ни составить о нем мнения, ни познавать его, и нет такого существа, которое могло бы чувственно воспринимать его.**

Противоположные подходы, которые Парменид соединяет в одном трактате, образуют даже не антиномическую систему, поскольку философ настаивает на «мире истины», а ироническую структуру.

Мы имеем странный, быть может, единственный случай. Один и тот же мыслитель строит две системы, из которых одна ложна, другая истинна — единственный, быть может, случай, когда сильный мыслитель создает целую сложную и гармоничную, полную еще не утративших значения открытий систему — и все это только для того, чтобы объявить ее ложной.***

Но, управляя планами онтологической проблематики, диалектика снимается в нравственном действии.

* *Маковельский А.* Досократики. Ч. 2. Казань, 1915. С. 21.

** Полное собрание творений Платона в 15 т. Т. 4. Пб., 1922. С. 48.

*** *Мандес М.* Элеаты. Одесса, 1911. С.109.

VERA SERKOVA, DSc in Philosophy, Professor; Peter
the Great St Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia), Professor

IRONY AND DIALECTIC IN PLATO'S DIALOGUES

The practice of Socrates' philosophizing is a complex combination of techniques by which the philosopher managed to achieve his goals: to test the knowledge of a subject and turn this knowledge into the basis of moral life. And if in the first part of this philosophical strategy Socrates' endless cognitive maneuvers were possible, including doubt, irony and dialectics, in the second part the maieutic techniques of "soul birth" were in effect: on the grounds of true knowledge, rhetoric and dialectics (as forms of experimental knowledge) retreated and were fixed in a concrete action, an action which as a vital form of knowledge was irreversible — one cannot say that I cancel my action as inconsiderate, it has already ontologically realized. In the light of this understanding, the tragedy of Socrates, his firm decision to adhere to his moral obligations to the end, in full accord with the voice that his "daimon" gave him, becomes understandable.

Keywords: dialectic, irony, maieutic, Socratic method, practical philosophy

ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, доктор филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ФИЛОСОФИЯ И ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЭТИКЕТ: ПЛАТОНОВСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ΕΥ ΠΡΑΤΤΕΙΝ В ПИСЬМАХ ПАЛЕОЛОГОВСКОЙ ЭПОХИ*

Ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν 'Такой-то такому-то [желает] радоваться' — античная формула эпистолярного приветствия, широко распространенная в византийской эпистолографии. Еще в античности на место глагола χαίρειν

* Исследование выполнено в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН за счет гранта Российского научного фонда 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.», <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

иногда подставлялось словосочетание εὖ πράττειν ‘благоденствовать’. Этот вариант приветствия считался нововведением Платона. Предмет настоящего доклада — бытование этой античной формулы в греческих письмах поздневизантийского периода. В эпистолографии XIII–XV вв. используются оба варианта — и с глаголом χαίρειν, и со словосочетанием εὖ πράττειν. Ставится вопрос о том, чем определялся выбор между двумя вариантами. Демонстрируется, что выбор того или другого глагола мог быть связан с различными факторами, среди которых — и приверженность идеям Платона, и принадлежность определенной социальной группе или кружку, и иные мотивы.

Ключевые слова: византийская эпистолография, эпистолярный этикет, формулы приветствия, Платон, Виссарийон Никейский, Феодор Газа, Франческо Филельфо

Ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν ‘Такой-то такому-то [желает] радоваться’ — формула эпистолярного приветствия, которая вошла в употребление еще в классической античности и использовалась на протяжении всей византийской эпохи. Формула известна в разнообразных вариантах. В частности, на место нейтрального глагола χαίρειν подставлялись иные глаголы или словосочетания, напр.: ὑγιαίνειν ‘здоровствовать’, πολλὰ φρονεῖν ‘быть благоразумным’, φιλοσοφεῖν ‘философствовать’ и т. д. Наиболее распространенный из этих альтернативных вариантов — εὖ πράττειν ‘благоденствовать’, который еще в древности оценивался как нововведение Платона. Действительно, в своих письмах философ последовательно использует это приветствие, а в одном из них разъясняет, почему такое приветствие представляется ему правильным.

Предмет настоящего доклада — приветственные формулы в греческих письмах поздневизантийского периода. Авторы XIII–XV вв. активно используют античное salutatio в обоих его основных вариантах — и с глаголом χαίρειν, и со словосочетанием εὖ πράττειν. В письмах XV в. приветствие с пожеланием εὖ πράττειν встречается намного чаще, чем в античной и, тем более, в ранне- и средневизантийской традиции — его можно найти в письмах Мануила Хрисолоры, Виссария Никейского,

Феодора Газы, Димитрия Халкокондила, Мануила Адрамиттина и др. авторов. В докладе делается попытка выяснить, на каком основании авторы предпочитали ту или другую формулу приветствия. Ставится вопрос о том, в какой мере выбор в пользу платоновской формулы εὖ πρᾶττεῖν мог быть обусловлен приверженностью автора (или адресата) платоновской философии.

Демонстрируется, что выбор формулы мог быть связан с различными факторами, среди которых — и приверженность идеям Платона, и принадлежность определенной социальной группе или кружку, и другие мотивы. Напр., в письме Франческо Филельфо, где он просит султана Мехмеда II о милости, пожелание εὖ πρᾶττεῖν может быть понято двояко — и как «благоденствовать», и как «творить благодеяния». Особое внимание уделяется письму конца XIII в., написанному иеромонахом Михаилом митрополиту Апамейскому: в предыдущем письме автор приветствовал митрополита словами εὖ πρᾶττεῖν и этим вызвал его гнев, и теперь он просит прощения и объясняет, почему εὖ πρᾶττεῖν показалось ему уместнее, чем χαίρειν, и это разъяснение не восходит к письму Платона, отстаивавшего то же самое обращение. Письмо показывает, что и в XIII в. античная формула становится предметом рефлексии и новых интерпретаций, не связанных с античным источником.

DMITRI CHERNOGLAZOV, DSc in Philology; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**PHILOSOPHY AND EPISTOLARY ETIQUETTE:
PLATONIC SALUTATION ΕΥ ΠΡΑΤΤΕΙΝ IN THE
LETTERS OF THE PALAIOLOGAN PERIOD***

Ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν ‘So-and-so to so-and-so [wishes] to rejoice’ is an ancient formula of letter salutation, widely used in Byzantine epistolography. In antiquity, the phrase

* The research was carried out at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th–15th Centuries,” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

εὖ πράττειν 'to fare well' was sometimes substituted for the verb χαίρειν. This version of the salutation was considered an innovation of Plato. The subject of this paper is the use of this ancient formula in Greek letters of the late Byzantine period. In 13th–15th c. letters, both variants are used, with the verb χαίρειν and with the phrase εὖ πράττειν. The question is raised as to what determined the choice between the two options. It is demonstrated that the choice of one or another verb could be caused by various factors, among which are author's adherence to the ideas of Plato, belonging to a certain social group or circle, and other motives.

Keywords: Byzantine letter writing, epistolary etiquette, salutation formulae, Plato, Bessarion of Nicaea, Theodore Gazes, Francesco Filelfo

САВИНОВ РОДИОН ВАЛЕНТИНОВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПЛАТОН СРЕДИ «СПОРА О ДРЕВНИХ И НОВЫХ»

Доклад посвящен той роли, которую Платону отводили представители различных течений в знаменитом «Споре о древних и новых», который разгорелся в середине XVII века. Знаменуя переход от консервативного к прогрессивному типу понимания культуры, «Спор о древних и новых», инициированный значительным поэтом эпохи классицизма и крупным мыслителем Шарлем Перро, выявил фундаментальные исторические противоречия и поставил вопрос о значении античных авторитетов в разных областях культуры. Проблема того, превзошел ли современный мир древность, отразилась и на оценках значения Платона, который неизменно рассматривался как непревзойденный философ *par excellence*. В представлении участников спора как с одной стороны (консерваторов), так и с другой (модернистов), роль Платона в истории европейской культуры оказывается вовсе не однозначной.

Ключевые слова: Спор о древних и новых, Платон, Античность, Новое время

RODION SAVINOV, CSc in Philosophy; St. Petersburg
State University of Veterinary Medicine (Санкт-
Петербург, Russia), Associate Professor

PLATO AMONG ANCIENS AND MODERNES

The report is devoted to the role that representatives of various currents assigned to Plato in the famous “Querelle des Anciens et des Modernes,” which flared up in the middle of 17th century. Marking the transition from a conservative to a progressive type of understanding of culture, the Querelle des Anciens et des Modernes, initiated by the great classicist poet and thinker Charles Perrault, revealed fundamental historical contradictions and raised the question of the significance of ancient authorities in different areas of culture. The problem of whether the modern world has surpassed antiquity is also reflected in the assessments of the importance of Plato, who was consistently regarded as the unsurpassed philosopher par excellence. In the view of the participants in the dispute, both on the one hand (conservatives) and on the other (modernists), the role of Plato in the history of European culture is very ambiguous.

Keywords: Querelle des Anciens et des Modernes, Plato, Antiquity, Early Modern

СИНИЦЫН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат
исторических наук, доцент; Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург), доцент

ДВЕ «ПРИВИВКИ» ОБРАЗА ЭЛЛИНСКОГО МУДРЕЦА СОКРАТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Представлен обзор двух начальных опытов восприятия древнегреческого философа Сократа в отечественной литературе, которые связаны с двумя одновременными попытками «привить» античную культуру на русской почве. Первый источник о классических древностях в XI–XIV веках — с Востока, от «империи греков», второй исходил с Запада, от латинской Европы. На первом

этапе («византийская прививка») Сократ воспринимается в ряду других античных философов. Литературные источники акцентируют внимание на нравственном аспекте его учения; от православной Византии русская культура заимствовала православного Сократа. В XVIII столетии («европейская прививка») в русской культуре складывается многоаспектный образ Сократа. В эпоху «европеизации» миф о Сократе формируется в первую очередь через поэзию. Сначала через переводы немецких и французских стихотворцев, а затем и в оригинальных произведениях русской лирики.

Ключевые слова: Сократ, русская литература, христианство, Византия, русские поэты XVIII века, Сумароков, Херасков, Хвостов, Петров, Державин, Карамзин, поэтические переводы, Просвещение

ALEXANDER SINITSYN, CSc in History, Associate Professor;
F. M. Dostoevsky Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

TWO “INCULCATIONS” OF THE IMAGE OF THE HELLENIC SAGE SOCRATES IN RUSSIAN CULTURE

The report surveys the Russian experience gained at two different times in comprehending the Ancient Greek philosopher (on the example of Socrates), when attempts were made to “inculcate” Ancient culture in the Russian mind. The initial knowledge of Socrates came with the adoption of Christianity in ancient Rus. The second “inculcation” of ancient culture occurred as a result of the impact the new, enlightened Europe of the 18th century had on Peter the Great, who aspired to radically transform Russia by ‘Europeanizing’ the Russian culture. The Russian verse features Socrates as a multifaceted person — as the myth of Socrates.

Keywords: Socrates, Old Russian literature, Christianity, Byzantine Empire, Russian poets of the 18th century, Sumarokov, Kheraskov, Khvostov, Petrov, Derzhavin, Karamzin, poetic translations, Enlightenment

В данной работе рассмотрим два начальных опыта восприятия образа древнегреческого философа Сократа в отечественной литературе. Они связаны с двумя одновременными попытками привнести античную культуру извне и привить ростки оной на русской почве.

Ранние сведения о Сократе пришли в Древнюю Русь от православной Византии как следствие принятия христианства. Знакомство русской культуры с античной литературой шло не напрямую от античных источников, а через переводы средневековых византийских текстов, которые представляли рецепцию античности в византийской культуре. В первых русских переводах византийских памятников среди многих великих имен «еллинских мудрецов» встречается и имя афинского мудреца Сократа. В статье «Образ Софии Премудрости в русской философии и культуре» (2014) историк русской философии М. Н. Громов пишет:

Тот вдохновенный платоновский эрос, который побуждал античную мысль стремиться к горнему знанию как высшему выражению прекрасного, проник через византийское посредничество на Русь и послужил мощным творческим импульсом в становлении древнерусской мудрости.

Петербургский антиковед Э. Д. Фролов в монографии «Русская наука об античности» (1999; 2006) отмечал:

Читатель (Древней Руси. — А. С.) мог также *вынести определенное впечатление о существовании в древности богатой и содержательной литературы* — художественной, исторической и философской (например, в хрониках Малалы и Амартола встречаются упоминания о Гомере и Гесиоде, Фукидиде, *Сократе*, Платоне, Аристотеле и др.) (курсив мой. — А. С.).

О месте Сократа в древнерусской образованности, о его восприятии в нашей культуре в первые века христианской Руси говорить сложно. Определенно, образованная элита русской древности знала о «Сократе, еллинском мудреце». Правда, представление об античных философах было тогда специфическим и наивным. Судя по сохранившимся источ-

никам, сведения об античной культуре были ненаучными, фрагментарными и скудными, а круг сведущих лиц — весьма ограниченным.

Если первый исток знаний о классических древностях в XI–XIV вв. исходил с Востока, от «империи греков», то другой источник, спустя столетия, имел западный вектор, он шел от латинской Европы. Вторая «прививка» античной культуры от новой просвещенной Европы XVIII в. стала следствием глобальных петровских преобразований, нацеленных на обновление России, что, по замыслу Петра Великого, могла принести обновляющая «европеизация» русской культуры. Ставились задачи воспитания высшего дворянства Российской империи в гуманитарном духе европейской цивилизации. Для этого в молодую империю были приглашены иноземные профессора и академики, художники и деятели науки. Этому же содействовало и образование, которое получали русские студенты в европейских университетах. Для русской музы XVIII в. в восприятии Сократа было особо существенным не столько английское и германское, сколько французское влияние *par excellence*. И тут уже были не скудные реплики древнерусской литературы о Сократе, а складывается рецепция образа прославленного афинского мудреца и подвижника.

В докладе собран материал с упоминанием о Сократе в поэтических переводах и оригинальных стихотворениях русских поэтов XVIII века: М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, А. И. Дубровского, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, Д. И. Хвостова, Н. П. Николева, Н. М. Карамзина, Н. С. Смирнова и других служителей Эвтерпы. В русской поэзии второй половины XVIII в. Сократ представляется «героем добра», *благодетелем*: «С Сократом вместе обитаю / Благодетелем людей» (ода Д. И. Хвостова «Реке Кубре»); *учителем и олицетворением добродетели*: «Друг Аспазии любезной, / Что Сократ (иль добродетель / Воплощенна) в честь вменяет / За учителя имети» («Песнь историческая» А. Н. Радищева) и так же в стихотворении Н. М. Карамзина «Протей, или несогласия стихотворца»: «Не в поле, не в лесах святая добродетель / Себе воздвигла храм: Сократ в Афинах жил»; *образцом пове-*

дения: «И Сократов пример нас может научить» (стихотворение А. И. Дубровского «На ослепление страстями»); «Трудный во свете быть Сократом / И молча смертных одолжать» («На сочинение нового уложения» В. П. Петрова); *пророком*: «Пророк афинский, — ты, Сократ!» (баллада С. С. Боброва «Могила Овидия, славного любимца муз»); *целителем души* человеческих: «Кто ж духом заболел, такому б от Сократа / Долг помощи желать, оставив Гиппократа» (стихотворение В. К. Тредиаковского «В крайностях терпение пользует»).

Имя Сократа появляется в сатирических сочинениях, где обличаются современные пороки, например, в «Сатире на развращенные нравы нынешнего века» Н. П. Николева или его же «Раздумья пииты»:

Увы! где в почести злодейства,
Там нравоучителям беда;
Где на степенях лицемеры,
Там ходят по миру Гомеры,
Сократы принимают яд.

Сократа называют «божественным» (например, Н. М. Карамзин в «Приношении Грациям»), «мудрым» (он же в «Послании к Дмитриеву»), «мудрецом», что «милее всех прочих мудрецов», учение которого «Приятнее других, приятнее, сильнее / Нас к мудрости влечет» (он же в «Послании к женщинам»); а самые сильные карамзинские строки о герое-философе, которому приписывали сентенцию «Я знаю, что ничего не знаю» мы находим в сочинении в говорящем названии «Гимн глупцам»:

Сократ, мудрец славнейший
Но в славе всех других скромнейший,
Всю жизнь наукам посвятив,
Для них и жизни не щадив,
За тайну людям объявляет,
Что все загадка для него.

Многие поэты связывают Сократа с мудрой гетерой Аспасией. Иногда рядом стоят имена Сократа и Катона — одного из прославленных героев Римской республики, например, в

оде В. П. Петрова «Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, генваря 25 дня 1771 года»:

Уже Катоновы во прах истлели кости,
Сократов пепл давно в ничто преобращен;
Но добродетель их поныне процветает,
Как солнце, к нам блистает
Из мрачности времен.

Традиционно Сократ изображается демократом, противником высоких чинов и должностей; так, например, в той же оде В. П. Петрова, посвященной Г. Г. Орлову: «С высоким саном дух Сократов не совместен». Имя Сократа поэты неоднократно рифмуют с именем Герострата. Как, например, в оде Г. Р. Державина «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского»:

Ты можешь сам себе решить:
Почтенну ль быть тебе с Сократом
Или презренну с Геростратом?
Героем иль злодеем слыть?

Здесь указаны антиподы, гений и злодей: Сократ как созидатель, родоначальник моральной философии, противопоставляется разрушителю Герострату. Есть и пассажи, где Сократ и Герострат связаны без созвучия их имен. Например, в «Благодарности» Н. С. Смирнова имя человека, спалившего храм Артемиды в Эфесе, не названо, но ясно, о каком злодее («скоте») идет речь:

Ни лютый зверь,
Сократу смертный яд разведший;
Ни скот, Эфесский храм сожегший...

Русский Сократ противопоставляется «заморским Сократам», как, например, в «Хоре к превратному свету», дошедшим под именем одного из крупнейших русских поэтов XVIII столетия А. П. Сумарокова (в собрании его сочинений, подготовленных известным издателем, писателем, журналистом и просветителем Н. И. Новиковым), хотя высказывались предположения, что автором стихотворения могли быть теа-

тральный деятель Ф. Г. Волков или поэт и драматург М. М. Херасков (обсуждение см. в статье П. Н. Беркова «“Хор ко превратному свету” и его автор», 1935). Описывая превратности собирательной иноземной (европейской) цивилизации, автор «Хора» отмечает *cum grano salis*:

За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы выдаем,*
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.

Важно, что имя Сократ здесь дано как собирательное для философа. Все эти заморские мудрилы (Сократы) правильные и правдивые, они не чета *нашим*. Только есть одно «но»: сатирическая заостренность этого стихотворения.

С 1750-х гг. в русской литературе складывается жанр *бесед с Сократом* в поэзии и прозе. Во второй половине XVIII в. переводятся сократические сочинения Платона и Ксенофонта, переводятся и создаются «разговоры», в которых главным героем является прославленный афинский мудрец, а в качестве его собеседников выступают древние и современные деятели политики, науки, культуры. В этих новых «сократических разговорах» обсуждаются моральные темы, затрагиваются актуальные политические и социальные проблемы.

Итак, на первом этапе («византийская прививка») Сократ обычно представлен в ряду других античных философов. Литературные источники акцентируют внимание на нравственном аспекте его учения, от православной Византии русская культура заимствовала православного Сократа. Его образ культивировался столетиями, однако в источниках древнерусской и средневековой литературы он возникает лишь sporadически.

В XVIII веке («европейская прививка») в русской культуре сразу складывается многоликий образ Сократа. Афинский философ выступает противником тирании, патриотом,

* В другой редакции эта строка дана иначе, причем смысл противопоставления нашего Сократа чужим Сократам здесь выражен яснее: «Каковых мы здесь *не выдаем*».

истинным гражданином, галантным кавалером, мудрецом, героем, жертвой, учителем, пророком, добронравным и справедливейшим из людей. В эпоху «европеизации» миф о Сократе формируется в первую очередь через поэзию. Сначала через переводы немецких и французских стихотворцев, а затем и в оригинальных произведениях русской лирики.

НАРОВЕЦКИЙ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ, кафедра философии
ДВО РАН (Владивосток, Россия), аспирант

В ПОИСКАХ САМОГО ЗАВЕТНОГО: ДИАЛЕКТИКА ЖЕЛАНИЙ ПЛАТОНА И К. С. ЛЬЮИСА

Непостоянство человеческого превозмогаемое обретением постоянства делает нас по-настоящему счастливыми. Платон полагает, что счастье, хотя и является состоянием имманентным субъекту, одним лишь состоянием оно не определяется. Мы не будем по-настоящему счастливыми до тех пор пока не обретем меру: порядок в мышлении и в поступках, которому должен соответствовать порядок в чувствах. Порядок в мышлении — эта истина, а порядок в поступке — благо. Порядок в мышлении и поступке обретается благодаря созерцанию меры; благодаря приобщению к мере обретается гармония в чувствах. Для того чтобы приобщиться к мере или к прекрасному, необходимо с ним столкнуться. Клайв Льюис считает, что у каждого из нас есть безотказные предпосылки для такого столкновения — человеческие желания. И поскольку у любого желания всегда есть трансцендентный ему источник, то желания направляют нас к завязыванию отношений с этим источником. Если источник желания прекрасен, то желания ведут к прекрасному, а если нет, то к иному. Для того чтобы желание вело к прекрасному необходимо, чтобы к прекрасному были привязаны лучшие чувства. Прекрасное должно вызывать сообразный чувственный ответ, оно должно — быть приятным, а безобразное — ненавистным. Таким образом, если будут сообразны прекрасному, то желания станут проводниками к счастью.

Ключевые слова: желание, чувство, Платон, К. С. Льюис, теория познания, этика, реализм, ценности

Платон полагает, что непреодолимым препятствием счастливой жизни является непостоянство всего человеческого. Но, несмотря на непостоянство человеческого, счастливой жизни всегда присущи два важных момента: счастьем всегда сопутствует удовольствие, и препятствует страдание, — иначе и быть не может. При этом не всякое удовольствие и отсутствие страдания ведет к счастью. В этой связи желание одного лишь удовольствия, не приведет нас в итоге к счастью. Счастью нельзя обрести посредством несправедливых поступков, поскольку их целью всегда является что-то другое, от счастья отличное: безграничная власть, блага сверхмеры, служащие удовлетворению эгоистических желаний.

Если мы не свяжем свои желания с мерой, то мы не связываем себя ни чем, кроме желания. Но может ли ничем не связанное желание привести нас к счастью? Нет, поскольку сущность желания в другом. Льюис выделяет два сущностных признака желания. Первый — направленность на ценностный объект или предмет: на что-либо ценное. Желание — это всегда желание чего-то отличного от желания, инструмент для завязывания отношений объектом или предметом. И второй — желание никогда не бывает чувственно-нейтральным, и связано с определенным чувственным переживанием, желание окрашено чувственным переживанием объекта и предмета как реального.

Между желанием и чувством существует связь. Если умственный труд вызывает неприятные чувства — мы будем его сторониться, если он не вызывает никаких чувств — мы будем к нему безразличны и у нас не будет желания им заниматься, а если он связан с удовольствием — мы будем к нему стремиться.

Таким образом, желание и чувства связаны особой связью. Если чувство может быть предметом желания, то чувство желание вызвать не может. Мы не можем пожелать удовольствие, и от одного лишь желание его испытать. И Льюис, и Платон считают, что связующим звеном желания и чувства является благо: ценность или объект, обладающий ценностным свойством. Благо или ценностный объект — причина или источник чувства и желания: именно это и доказывает Сократ своему оппоненту Евтифрону, оспаривая, тезис сводимости блага к желанному.

Ценностный объект является источником желания. А по Платону, чем более этот объект прекрасен, тем сильнее желание и тем большее удовольствие доставляет его чувственное переживание, — а самое ценное удовлетворяет желание сполна.

Льюис считает, что в земной жизни нет таких объектов, которые могли бы удовлетворить наше желание сполна. За что бы мы ни брались, мы не можем получить полного удовлетворения. Помехой тому является человеческое естество и условия человеческой жизни. Все к чему бы мы не тянулись не может удовлетворить нас сполна: человек вообще не может сполна наслаждаться чем-то, наши желания и чувства слишком слабы, выражаясь языком Льюиса, чтобы пить из настоящего источника, и все прекрасное, чем нам приходится довольствоваться — самые лучшие чувства и желания являются всего лишь каплями их настоящего источника.

Но несмотря на все ограничения, жажда завязывания отношений с тем, что возможно нас утолит у нас всегда остается, — нами движет присущий каждому эрос, блуждающее чувственное желание, возникающее вновь и вновь. Наш поиск заветного не совсем слепой, в нем есть одна общая всем желаниям черта: мы любим то, что мы ищем, а любить можно лишь то, что прекрасно.

А чтобы прекрасное предстало пред нами как таковое, оно должно вызвать нужный чувственный ответ, и стать таким образом желанной целью. Чувства должны подготовлены к встрече с благом, от этого говорит Льюис в своем трактате Человек отменяется и именно об этом, повествуя о различных типах искусства и о предметах, и Платон повествует в Государстве. Перед тем, как заветный предмет станет предметом диалектики, он должен стать предметом желания, а чтобы стать таковым, к нему должны быть привязаны благие чувства.

Таким образом, чтобы прекрасное явилось нам в сообразном чувственном виде, такой чувственный ответ должен быть сформирован или предварен, — чувства должны обрести меру. Но для того чтобы чувства стали соразмерными, они должны с мерой столкнуться: на пути к прекрасному мы должны столкнуться с прекрасным.

Но кроме чувств, меру должны обрести и наши желания. Все то, что не ведет нас к счастью должно уступить место тому, что к счастью ведет. Самым заветным предметом желания должно быть лишь то, что удовлетворит нас сполна. И, поскольку наш ждет вечность, этот предмет не может быть тленным, временным и условным. Он должен быть вечным и неиссякаемым источником радости. Желание такого предмета должно затмить все другие альтернативы и стать самым сильным.

Когда наши желания и чувства обретут меру, они перестанут быть препятствием счастливой жизни — мы будем счастливы.

МАКСИМ НАРОВЕТСКИЙ, Department of Philosophy,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of
Sciences (Vladivostok, Russia), Researcher

SEARCH FOR THE MOST DESIRABLE: THE DIALECTIC OF DESIRES OF PLATO AND C. S. LEWIS

Plato believes that happiness, although it is a state immanent to the subject, it is not determined by the state alone. We will not be truly happy until we find harmony: order in thinking and in actions, which should correspond to the order in feelings. The impermanence of the human, overcome by the acquisition of constancy, makes a person truly happy. The beautiful in thinking is the truth, and the beautiful in action is the good. A person finds harmony in thinking and acting through contemplation of the beautiful; and through communion with the beautiful, a person finds harmony in feelings. In order to join the beautiful, it is necessary to face it. Clive Lewis believes that each of us has reliable prerequisites for such a collision — human desires. And since every desire always has a source that is transcendent to it, then desires direct us to establish a relationship with this source. If the source of desire is beautiful, then they will lead to the beautiful, but if not, then to something else. In order for desire to lead to the beautiful, it is necessary that the best feelings be attached to the beautiful. The beautiful should evoke a corresponding sensual response — to be pleasant,

and the ugly — hateful. Thus, if feelings are consistent with the beautiful, then desires will become guides to happiness.

Keywords: desire, feeling, Plato, C. S. Lewis, theory of knowledge, ethics, realism, value

СЕСКУТОВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ДИАЛОГИ ПЛАТОНА И БАХТИНА

Платон как никто понимал диалогичность мышления, поскольку диалектика обретает наиболее адекватное выражение в диалоге. Один из ключевых вопросов, задающих начало этому моховику мысли, — «иной раз простой, иной раз трудный» вопрос о познании самого себя. С ним наиболее прямо из всех платоновских героев сталкивается Алкивиад. Для того чтобы начать искать ответ, необходим другой для дружеского общения (φιλία), как Алкивиаду нужен Сократ. М. Бахтин также ощущал диалог как единственное место обретения себя. Разработанное им понятие полифонического романа ориентировано на множественность сознаний, сталкивающихся между собой и формирующих само пространство жизни. Особенный взгляд на мир героев Достоевского выражается именно в диалоге с другими героями. На этом пути допущения отношения множества образуется ситуация возможности безумия, как говорит Алкивиад: «Я похожу на помешанного». В нем сталкиваются утверждения, различные по времени и источникам. Все они стремятся друг друга исключить, среди них легко потеряться и никогда не выйти к определенности себя. Поэтому особо важно утешение Сократа: не терять смелости и продолжать поиск. Сократ создает собой место, задающее целостность и потенцию развития, его майевтика удерживает Алкивиада от тупика и отчаяния. Но в интерпретации Достоевского Бахтиным преобладает чувство неустойчивости, отсутствие итоговой точки, где сошлись бы все позиции, «в лучшем случае они могли бы образовывать, не теряя своей индивидуальности... статическую фигуру». Но и у Платона нет снятия напряжения диалектики:

за согласием Алкивиада и Сократа становится лучше следует замечание об Афинах, которые окажутся сильнее в стремлении обрести себя. Итак, нет знания о себе как τέχνη, где за одними операциями следует один результат — его каждый раз нужно проблематизировать и выводить через диалогическое взаимодействие.

Ключевые слова: диалог, Бахтин, Платон, Алкивиад, субъективность, диалектика

DARYA SESKUTOVA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

DIALOGUES OF PLATO AND BAKHTIN

Plato understood dialogic thinking like no one else, since dialectics finds the most adequate expression in dialogue. One of the key questions that give rise to this mass of thought is the question of self-knowledge. Alcibiades confronts him most directly of all Platonic heroes. In order to start looking for an answer, another one is needed for friendly communication (φιλία), as Alcibiades needs Socrates. Mikhail Bakhtin also felt dialogue as the only place to find himself. On this path of assuming the relation of the multitude, a situation of the possibility of insanity is formed. In it, statements that differ in time and sources collide. They all strive to exclude each other, it is easy to get lost among them and never come out to the certainty of themselves. Socrates' consolation is especially important: do not lose courage and continue the search. Socrates creates a place that sets the integrity and potency of development, his mayeutics keeps Alcibiades from deadlock. But in Bakhtin's interpretation of Dostoevsky, a sense of instability prevails, the absence of a final point where all positions would converge. But Plato also doesn't relieve the tension of dialectics: the agreement of Alcibiades and Socrates to become better is followed by a remark about Athens, which will be stronger in the quest to find itself. So, there is no knowledge of oneself as a τέχνη, where one operation is followed by one result — it needs to be problematized every time and output through dialogic interaction.

Keywords: dialogue, Bakhtin, Plato, Alcibiades, subjectivity, dialectic

СЕКЦИЯ 9: «ПЛАТОНОВСКИЙ СЛЕД: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИДЕИ»

АЛЫМОВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СОФИСТИКА КАК *ALTER EGO* ФИЛОСОФИИ

Доклад посвящен отношению/соотношению двух интеллектуальных позиций: философии и софистике. Софистика в традиционной интерпретации этого феномена, которая восходит к Платону, не стала бы софистикой как особым интеллектуальным явлением. Однако и философия, платоновская, по крайней мере, не самоопределилась бы, не «отмежевавшись» от софистики. Отмежевалась ли? Мы попадаем в своеобразный круг. Вот это и будет ключевой темой нашего доклада. Отправным пунктом для нас послужит диалог Платона «Софист» (235d–236c).

Ключевые слова: Платон, диалог, Софист, философия, софистика

ELENA ALYMOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

SOPHISTRY AS AN *ALTER EGO* OF PHILOSOPHY

The report is devoted to the relation/correlation of two intellectual positions: philosophy and sophistry. Sophistry in the traditional interpretation of this phenomenon (which

goes back to Plato) would not become sophistry as a special intellectual phenomenon. However, philosophy, (Platonic at least) would not have self-determined if it had not “dissociated itself” from sophistry. But did it dissociate? We are in a kind of circle. This will be the key topic of our report. The starting point for us will be Plato’s *Sophist* (235d–236c).

Keywords: Plato, dialogue, the *Sophist*, philosophy, sophistry

БОТКА ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

КОНЦЕПТ ДИАЛЕКТИКИ В ДОКСОГРАФИИ ДИОГЕНА ЛАЭРТСКОГО

В докладе рассматриваются различные значения термина диалектика, которые Диоген Лаэртский использует в своем произведении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» при описании учений различных авторов. Данные значения сравниваются между собой. Делается вывод о том, как понимал значение термина диалектика сам Диоген Лаэртский, а также, как он интерпретировал значение диалектики для учений различных философов. На основании интерпретации Диогеном Лаэртским термина диалектика в разных философских учениях делается вывод о характере его историко-философского метода. Историко-философский метод Диогена Лаэртского рассматривается в контексте истории культуры поздней античности. Произведение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» сравнивается с другими позднеантичными произведениями биографического жанра.

Ключевые слова: Диоген Лаэртский, диалектика, история философии, биографический жанр, доксография

Диоген Лаэртский в своем произведении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» использует понятие диалектики во множестве различных значений. Отсутствие какой-либо точности и упорядоченности в использовании терминологии характерно для манеры изложения Диогена Лаэртского.

В первой книге своего сочинения Диоген Лаэртский называет диалектику одной из трех частей философии. Той ее частью, которая служит инструментом для остальных частей философии. Он пишет: «Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо всем, что в нем содержится; этика — о жизни и о свойствах человека; диалектика же заботится о доводах и для физики, и для этики».* Диоген Лаэртский признает родоначальником диалектики в этом значении Зенона Элейского.

В третьей книге Диоген пишет о Платоне, как о философе, который впервые использовал понятие диалектики. Платоновскую диалектику Диоген Лаэртский характеризует как искусство ведения спора. Он пишет: «Диалектика же есть искусство доводов, служащее утверждению или опровержению в вопросах и ответах собеседников».**

В седьмой книге, в которой Диоген Лаэртский излагает учение стоиков, он дает несколько различных определений диалектики. Сначала он цитирует определения диалектики, используемые Посидонием и Хрисиппом: «Диалектика, по словам Посидония, — это наука о том, что есть истина, что ложь, а что — ни то ни другое; а по словам Хрисиппа, это наука об обозначениях и обозначаемом»***. Однако, в этой же книге Диоген пишет о стоическом понимании мудреца как диалектика, который определяет все предметы при помощи их логического рассмотрения.

Таким образом, мы можем заключить, что у Диогена Лаэртского нет одного постоянного значения термина диалектика. Отсутствие последовательного и определенного изложения учений различных философов является одной из важнейших черт историко-философского метода Диогена Лаэртского. Как писал об этом А. Ф. Лосев, характеризуя произведение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»: «Его трактат — это, можно сказать,

* *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* М.: Мысль, 1979 С. 68.

** Там же. С. 164.

*** Там же. С. 287–288.

любопытнейшая и интереснейшая античная смесь всего важного и неважного, первостепенного и второстепенного, всего серьезного и забавного».*

Подобная отрывочность и увлечение занимательными деталями вместо теоретического анализа философских учений характерны для литературы поздней античности, примером чему могут служить «Аттические ночи» Авла Геллия. Для Диогена Лаэртского более важным является не историческая достоверность философской биографии и не верное и подробное изложение философских учений, а скорее создание яркого и положительного либо отрицательного образа философа как литературного героя. В этом отношении сочинение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» схоже с такими образцами биографического жанра в позднеантичной литературе как «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата или «Жизни софистов» того же автора. Подобный уклон в сторону создания интересного героического образа, а не биографической точности в произведениях авторов этого периода может быть связан с влиянием на литературные произведения «высокой культуры» произведения, так называемой, «низовой» литературы относящихся к жанру «ареталогий», «деяний» и «житий», ставших особенно популярными в I–II веках н. э.

GEORGI BOTKA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE CONCEPT OF DIALECTIC IN THE DOXOGRAPHY OF DIOGENES LAERTIUS

The paper examines the different meanings of the term dialectic which Diogenes Laertius uses in his work *On the Lives, Doctrines and Sayings of the Famous Philosophers* when describing the teachings of different authors. These meanings are compared with each other. The conclusion is made how Diogenes Laertius understood the meaning of

* Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский — историк античной философии. М.: Наука, 1981. С. 188.

dialectics himself, as well as how he interpreted the meaning of dialectics for the doctrines of different philosophers. On the basis of Diogenes Laertius' interpretation of the term dialectic in different philosophical doctrines the conclusion is made about the nature of his historical-philosophical method. The historical-philosophical method of Diogenes Laertius is considered in the context of the cultural history of late antiquity. Diogenes Laertius' work "On the Life, Teachings and Sayings of the Famous Philosophers" is compared with other late antique works of biographical genre.

Keywords: Diogenes Laertius, dialectics, history of philosophy, biographical genre, doxography

ВАСИЛЬЕВА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), магистрант

ХАЛДЕЙСКИЕ ОРАКУЛЫ КАК ПАМЯТНИК НЕОПЛАТОНИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Неоплатонизм — мистико-философское движение, зародившееся в последних столетиях Римской империи, которое впитало в себя идеи пифагорейцев, философии Аристотеля, а также частично стоицизма. Неоплатонизм также испытал большое влияние различных мистических учений — гностицизма, герметизма — и языческих магических практик. Ключевой идеей неоплатонизма стала идея о первоначале всего сущего — о Едином, которое постижимо только в единении, в слиянии с ним через экстаз. Проработанная и логическая философская система неоплатоников сочеталась с магическими практиками, целью которых было общение и единение с богами для очищения и возвышения духа (теургия). Впервые этот термин, означавший «божественную работу» появляется в «Халдейских оракулах» — сборнике текстов конца 2 века н. э, ставших священными для неоплатоников. «Халдейские оракулы» раскрывают и расширяют основные идеи неоплатонизма, обрамляя их в мистическое движение и доводя до пика. Целью теургии является воссоединение с Божественным и полу-

чение гнозиса. Теургия включала в себя большое количество магических практик, благодаря которым адепт постепенно эволюционирует, дух очищается и проходит трансформации и приближается к божественному.

Ключевые слова: неоплатонизм, Халдейские оракулы, теургия, Геката, Мировая душа, Прокл

Неоплатонизм необходимо рассматривать в контексте времени, когда он сформировался как учение. Как философское течение неоплатонизм возник на сломе эпох, когда мистическое познание мира превалировало над рациональным. Это существенно повлияло на неоплатонизм, который впитал идеи многих мистических учений (пифагорейство, герметизм, гностицизм и пр).

Ключевой идеей неоплатонизма стала идея о первоначале всего сущего — о Едином, которое постижимо только в единении, в слиянии с ним через экстаз. Единое эманурует в Божественный ум (*νοῦς*), который в свою очередь, изливается в Мировую Душу (*ψυχή*). Философская система неоплатоников сочеталась с магическими практиками, целью которых было общение и единение с богами для очищения и возвышения духа (теургия). Впервые этот термин, означавший «божественную работу» появляется в «Халдейских оракулах».

«Халдейские оракулы» — основной памятник неоплатонического мистицизма и неоплатонической мысли. Создателем «Халдейских оракулов» считается некто Юлиан Теург (по свидетельствам Михаила Пселла, который опирался на Прокла). Юлиан Теург получил оракулы медиумическим путем — якобы оракулы надиктовала душа Платона. Записал их и снабдил комментариями его отец, Юлиан Халдей.

Халдейские оракулы никем никогда не критиковались — потому что кто будет критиковать душу Платона? Начиная с Ямвлиха, «Халдейские оракулы» становятся священным текстом неоплатонизма.

Основу мироздания — по Халдейским оракулам — составляет божественная триада: трансцендентный непознаваемый Отец, Второй ум — Демиург и женское божественное начало — Геката (Мировая душа). Халдейские оракулы создают

мощную мистическую базу для занятия теургией, практикой «очищения души» и слияния ее с Единым.

OLGA VASSILJEVA, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), MA Student

CHALDEAN ORACLES AS A MEMORIAL OF NEOPLATONISM

Neoplatonism is a strand of Platonic philosophy that emerged in the 3rd century AD against the background of Hellenistic philosophy and religion, Pythagorean influences, also with influences of esoteric systems like gnosticism and hermetism. Among the common ideas it does maintain is that of monism, the doctrine that all of reality can be derived from a single principle, “the One.” In late neoplatonism, the spiritual universe is regarded as a series of emanations from the One. From the One emanated the Divine Mind (Nous) and in turn from the Divine Mind emanated the World Soul (Psyche). Neoplatonists insisted that the One is absolutely transcendent and in the emanations nothing of the higher was lost or transmitted to the lower, which remained unchanged by the lower emanations. Neoplatonists also insisted that magical work, called theurgy, helps human soul to reach the One. Theurgy means “divine working.” The first recorded use of the term is found in the mid-second-century neoplatonist work the Chaldean Oracles, corpus of texts which became sacred for neoplatonic mysticism and concentrated the ideas of neoplatonism.

Keywords: Neoplatonism, Chaldean oracles, theurgy, Hekate, World Soul, Proclus

ШЕМЯКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), магистрант

ДИАЛЕКТИКА ПЛАТОНОВСКОГО НАРРАТИВА

Анализ повествования, который представлен в текстах Платона, выполнен на примере анализа диалога «Кратил». В текстах Платона диалогическая форма обычно помещена в повествовательную рамку «рассказа в рас-

сказе», что, во-первых, создаёт временную дистанцию между событиями рассказа и актом рассказывания, во-вторых, создаёт напряжение между достоверностью воспоминаний очевидцев и субъективностью интерпретации рассказчика, в-третьих, на уровне повествования создает систему подобию, отсылая к теории эйдосов. В диалоге «Кратил» нарративная рамка редуцирована, потому что диалог изображает непосредственный процесс присвоения имён вещам. Основная проблема диалога — соотношение знака (слова) и смысла в контексте теории эйдосов. Согласно авторской позиции, правильность соответствия слова образу вещи определяет диалектик. Задача философа — вернуть словам их природный смысл через создание авторского философского языка. При этом языковое подражание может быть как истинным, так и ложным, поскольку метод един для выражения и Логоса, и мнения. Следовательно, проблема познания находится вне дискурса, так как познание происходит в результате созерцания вещей самих по себе. Однако для полисного воспитания необходима адекватная дискурсивная форма выражения познанного. Такой формой является диалектика платоновского нарратива, которая выражена в двух проекциях: во-первых, диалектика отношений между завершающим сознанием автора-творца и изображаемой точкой зрения героя (М. Бахтин «Автор и герой в эстетической деятельности»); во-вторых, диалектика исторического и художественного дискурсов, которая образует концептуальное поле живой философской метафоры (П. Рикёр «Живая метафора», «Время и рассказ»). Представленный в диалоге метод сократовской этимологии становится средством создания философской метафоры.

Ключевые слова: Платон, Кратил, нарратив, диалектика, живая философская метафора, референция, автор-творец, эстетическое завершение

Основная проблема диалога «Кратил» — соотношение знака (слова) и смысла. Выраженная Сократом позиция — это метафизическая концепция языка: наименование вещей не может быть произвольным и не может выражать изменчи-

вость вещей. Имя (ὄνομα) дано законом, творец имён — законодатель, его цель — создать слово, которое бы выражало вечную сущность вещи. Ссылаясь на поэмы Гомера, Сократ утверждает, что есть истинные имена, которые используют боги, и есть имена, которые придуманы и используются людьми. Язык богов недоступен человеку, при этом человеческий язык может с разной степенью достоверности отражать природу вещей. Правильность соответствия слова образу (εἶδος) вещи определяет тот, кто умеет задавать вопросы, чтобы получить правильные ответы — диалектик. Задача философа — вернуть словам их природный смысл, то есть указать на переход от знака вещи к эйдосу вещи и к Логосу через создание авторского философского языка.

Диалектика типа повествования, который представлен в диалогах Платона, выражена в двух проекциях: во-первых, диалектика отношений между завершающим сознанием автора-творца и изображаемой точкой зрения героя (М. Бахтин «Автор и герой в эстетической деятельности»); во-вторых, диалектика исторического и художественного дискурсов, которая образует концептуальное поле живой философской метафоры (П. Рикёр «Живая метафора», «Время и рассказ»).

В Диалоге «Кратил» авторская позиция преимущественно выражена на уровне системы персонажей, так как редуцированы фабульное событие диалога и пространственно-временная организация обстановки. Персонажи являются историческими личностями, художественные образы которых используются в функции олицетворения необходимых автору-творцу идей. Сократ воплощает подлинного философа и диалектика, который устанавливает связь между смыслом и его словесным выражением. Кратил — последователь теории текучести Гераклита: в одну реку нельзя войти даже один раз; образ Кратила воплощает концепцию вечного становления вещей, которые постоянно возникают и исчезают. Гермоген — родовитый афинянин, следующий учению софиста Протагора: человек — мера всех вещей; образ Гермогена воплощает конвенциональную концепцию языка: релятивизм связи между знаком и значением. Номинация Гермогена по-

казывает неистинное использование имени: имя Ἑρμοῦγένης — рождённый Гермесом, богом торговли, удачи и толкования — не соответствует свойствам Гермогена, который разорил богатое наследство отца и не искусен в слове, как герменевт. Авторский смысл образа Гермогена выражен на пересечении исторического дискурса (факты о личности) и умозрительного дискурса (значение имени) через создание художественного образа, статус которого как персонажа определяется напряжением между системой ценностей и идей Гермогена и наличием у автора-творца завершающего избыточного знания по отношению к целому герою.

П. Рикёр разделяет два типа метафор: художественные и философские. Живая художественная метафора создаёт ситуацию переходности онтологического статуса того, о чем говорится: когда означаемое одновременно есть и не есть в модусе «быть как», возможно приращение смысла и познание. Живая философская метафора основана на оживлении мёртвой (стёртой) метафоры, ставшей понятием — это создание метафоры метафоры, которая открывает метафизическое измерение языка, поскольку обладает «расщеплённой референцией», при которой переносное значение формируется в корреляции с буквальным значением, воспринимаемым как не соответствующее контексту.

Сократ приводит многочисленные примеры интерпретации происхождения и значения слов. Большинство этих примеров неверно с точки зрения лингвистики, при этом авторская этимология составляет центральную и самую объёмную часть диалога (вопрос о правильности имен). В этимологическом анализе Сократа совмещены исторический дискурс (интенция к частичной реконструкции истории языка) и художественный дискурс, что выражено в создании образов, которые указывают на новые общие качества сравниваемых объектов — этимология языка устанавливает аналогии между разным сущим. При разборе понятий, связанных с добродетелью и мышлением, Сократ концентрируется на доказательстве концепции вечного становления, способом выражения которой является философская метафора потока (ῥοή): под-

линное — то, что соответствует движению потока вещей, неподлинное — то, что противостоит этому потоку. Метафора потока выражает авторскую иронию над идеями гераклитовцев (текучесть), атомистов (движение атомов), софистов (релятивизм), поскольку аналогичные по методу анализа происхождения слов приводят Сократа к противоположным выводам: с одной стороны, мышление ($\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$) — это такое движение души, которое соответствует движению вещей, улавливание нового ($\nu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\ \xi\sigma\iota\varsigma$) есть вечное возникновение; с другой стороны, мышление — это фиксация неизменных качеств вещей, выраженных в определённой словесной форме, потому что неизменное имя не может выразить знание сущности изменяющейся вещи.

Противоположность выводов выражает авторскую позицию: языковое подражание ($\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma$) может быть как истинным, так и ложным, поскольку метод един для выражения и Логоса, и мнения ($\delta\acute{o}\xi\alpha$). Проблема познания находится вне дискурса, так как словесное повествование отражает интерпретацию реальности, а не саму реальность: имя — это подражание свойствам вещей, которое не может стать самой вещью. Познание происходит в результате созерцания вещей самих по себе, но для полисного воспитания ($\pi\alpha\iota\delta\epsilon\iota\alpha$) необходима адекватная дискурсивная форма выражения познанного, чтобы вышедший из пещеры философ мог вывести остальных людей к свету Логоса. Такой формой является рассмотренная диалектика платоновского нарратива.

MARIA SHEMYAKINA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), MA student

THE DIALECTICS OF PLATO'S NARRATIVE

The analysis of the narrative, which is presented in the texts of Plato, is made on the example of the analysis of the dialogue "Cratylus." The main problem of the dialogue is the correlation of the sign (word) and meaning in the context of the theory of eidos. According to the author's position, the correctness of the correspondence between word and image

of a thing is determined by the dialectician. The task of the philosopher is to return to words their natural meaning through the creation of the author's philosophical language. While linguistic imitation can be both true and false, since the method is the same for expressing both Logos and opinion. Consequently, the problem of cognition is outside the discourse, since cognition occurs as a result of the contemplation of things in themselves. However for polis education it is necessary to have an adequate discursive form of expression of the cognized. Such a form is the dialectics of the Plato's narrative which is expressed in two projections: firstly, the dialectics of the relationship between the finalising consciousness of the author-creator and the depicted point of view of the hero (M. Bakhtin "Author and Hero in Aesthetic Activity"); secondly, the dialectics of historical and artistic discourses, which forms the conceptual field of a living philosophical metaphor (P. Ricoeur "Living Metaphor," "Time and Narrative"). Socrates' etymological method presented in the dialogue becomes a means of creating a philosophical metaphor.

Keywords: Plato, Cratylus, narrative, dialectics, living philosophical metaphor, reference, author-creator, aesthetic final

КОВАЛЕВА Алёна Максимовна, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия), студент

РЕЦЕПЦИИ ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА В СЕМИНАРАХ ЖАКА ЛАКАНА

В связи с темой о рецепциях Платона в творчестве Лакана (безусловно, главным образом в диалогах) я бы хотела поговорить о том, как некоторые понятия или концепты известного древнегреческого учёного мужа находят отражение в некоторых семинарах французского психоаналитика. К примеру, в восьмом семинаре Лакан рассматривает понятие *amalgama* для объяснения слушателям семинара понятия «частичного объекта» в психоаналитической теории.

Ключевые слова: Платон, диалог, Лакан, психоанализ, история философии

ПЕТРЕНКО МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ, Русская
христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), студент

ПЛАТОНОВСКИЙ МИФ О ПЕЩЕРЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИИ

В докладе планируется краткое приведение основных интерпретаций и вариаций платоновского мифа о пещере и попытка собственного прочтения как мифа через Лакановкий концепт Университетского дискурса, так и наоборот; с привлечением иных теорий по необходимости. Траектория интерпретации же проходит через место идеи Блага у Платона, философе в связи с ним, и также возможно окажется излишним представить в этой оптике его отношение к софистам — как «философа», так и Платона.

Ключевые слова: Платон, диалог, Лакан, интерпретация

ЛУКОШНИКОВ МАКСИМ РИНАТОВИЧ,
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), студент

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПЛАТОН СОВРЕМЕННЫМ ФИЛОСОФОМ МОРАЛИ?

О сущности философии можно рассуждать с многих позиций: создание новых концепций, обеспечение терминологией естественных наук, поиск первопричин, служба теологии и т. д. Однако наиболее распространенной стратегией описания философии является описание классических вопросов, которые возникали перед философами многих эпох. В круг этих вопросов входят вопросы о природе нравственности и правил морали. В данном докладе будет поднят вопрос о том возможно ли включить Платона как самостоятельного мыслителя в дискурс современной философии морали и является ли возможным применять данные им рецепты в решении моральных вопросов.

Ключевые слова: Платон, философия, мораль, этика

МАКСИМ ЛУКОШНИКОВ, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Student

IS PLATO A MODERN MORAL PHILOSOPHER?

One can argue about the essence of philosophy from many positions: the creation of new concepts, the provision of terminology for the natural sciences, the search for root causes, the service of theology, etc. However, the most common strategy for describing philosophy is to describe the classic questions that philosophers of many eras have faced. The range of these questions includes questions about the nature of morality and moral rules. This report will raise the question of whether it is possible to include Plato as an independent thinker in the discourse of modern moral philosophy and whether it is possible to accept his decisions for solving moral issues.

Keywords: Plato, philosophy, ethics

МАХНОВ АРСЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ, Русская
христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), аспирант

О ТИРАНИИ КСЕНОФОНТА В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О СВОБОДЕ

В диалоге Ксенофонта «Гиерон» речь идет об участии тирана. Ксенофонт рассматривает фигуру тирана как «публичную», а не «частную»; спрашивает о его счастье и несчастье, удовольствии и неудовольствии. Парадоксально, что тиран в отношении граждан своего города оказывается как бы заложником, отчего любое счастье, удовольствие невозможны. Мы думаем, что в диалоге Ксенофонта показан не только вопрос о судьбе тирана, но вопрос о свободе, которая может быть раскрыта как самостоятельность, независимость и стремление к благу.

Ключевые слова: Ксенофонт, Гиерон, тирания, свобода, благо

ARSENIJ MAKHNOV, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Postgraduate

THE TYRANNY OF XENOPHON AND THE PROBLEM OF FREEDOM

In Xenophon's dialogue *Hiero* we are talking about the fate of a tyrant. Xenophon views the figure of the tyrant as "public" rather than "private;" asks about his happiness and unhappiness, pleasure and displeasure. It is paradoxical that the tyrant turns out to be a hostage in relation to the citizens of his city, which makes any happiness, pleasure impossible. We think that Xenophon's dialogue shows not only the question of the fate of the tyrant, but the question of freedom, which can be revealed as independence, independence and striving for the good.

Keywords: Xenophon, Hiero, tyranny, freedom, good

ПЕРЕСЛАВЦЕВА ЕЛИЗАВЕТА МАКСИМОВНА,
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), студент

ПЛАТОНОВСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ

В докладе рассматривается подход к знанию, сформировавшийся в контексте его понимания как истинного и обоснованного мнения и его институционального производства с помощью философской школы. Путём анализа платоновского корпуса («Теэтет», «Менон» и др.) и практик обучения, использовавшихся в Академии, формулируются общие черты эпистемологии, характерной для того времени. Они также сопоставляются с направлениями современной теории познания для выявления сохранившегося наследия.

Ключевые слова: Платон, знание, эпистемология, диалог

ELIZAVETA PERESLAVTCEVA, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Student

A PLATONIC VIEW ON THE PRODUCTION OF KNOWLEDGE

The report examines the approach to knowledge, which was formed in the context of its understanding as a true and justified opinion and its institutional production with the help of a philosophical school. By analyzing the Platonic corpus (the *Theaetetus*, *Meno*, etc.) and the teaching practices used at the Academy, the general features of the episteme characteristic of that time are formulated. They are also compared with the directions of modern theory of knowledge to identify the surviving heritage.

Keywords: Plato, knowledge, epistemology, dialogue

САВОНЕНКОВ ДАНИЛА МАКСИМОВИЧ,
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), студент

СУДЬБА (НЕΙΜΑΡΜΕΝΕ) В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Будущий доклад будет посвящён анализу используемого Платоном в своих диалогах понятия εἰμαρμένη, которое от случая к случаю переводят как «судьба», «рок» или «фатум». Задачей нашего доклада, помимо озвученного выше анализа, также является выяснение связи между εἰμαρμένη и такими платоновскими концептами, как участь (μοῖρα), промысел (πρόνοια), необходимость (ἀνάγκη) и другими. В конечном итоге нам хотелось бы приблизиться к наиболее полному пониманию того, как работает система судьбы и предопределения в философии Платона, и как в неё вписывается человек.

Ключевые слова: Платон, диалог, судьба, промысел, необходимость

DANIIL SAVONENKOV, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Student

THE FATE (HEIMARMENE) IN THE PHILOSOPHY OF PLATO

The future report will be devoted to the analysis of the concept of 'fate' (heimarmene) in the dialogues of Plato. The task of our report, in addition to the above analysis, is also to clarify the connection between *heimarmene* and such Platonic concepts as *moira*, *pronoia*, *ananke*, and others. Ultimately, we would like to approach the most complete understanding of how the system of fate and predestination works in Plato's philosophy, and how a person fits into it.

Keywords: Plato, dialogue, fate, providence, necessity

ШИРОКОВ ПАВЕЛ ДЕНИСОВИЧ, Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия), студент

ЗНАЧЕНИЕ ДРАМАТИЧНОЙ ФИГУРЫ ПЛАТОНОВСКОГО СОКРАТА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ С. КЬЕРКЕГОРА И СРАВНЕНИЕ С «РЫЦАРЕМ ВЕРЫ»

В работе проводится анализ влияния платоновского Сократа на датского философа Серена Кьеркегора. Являясь основателем экзистенциальной традиции в философии, Кьеркегор был очень сильно вдохновлён фигурой Сократа, часто в своих текстах выражая симпатию к античному философу. Экзистенциальная философия является относительно недавно возникшей традиции мысли, а так как основной её представитель Кьеркегор был во многом вдохновлён Сократом показывает, что мысль не имеет «срока годности». Также немало важным для рассмотрения влияния платоновского Сократа на Кьеркегора будет разбор кьеркегоровского «рыцаря веры» и сравнение его с трагическим героем Сократом.

Ключевые слова: Платон, Сократ, Кьеркегор, рыцарь веры, экзистенциализм

PAVEL SHIROKOV, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Student

THE DRAMATIC CHARACTER OF PLATO'S SOCRATES IN THE EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF SØREN KIERKEGAARD COMPARED WITH THE "KNIGHT OF FAITH"

The paper analyzes the influence of Plato's Socrates on the Danish philosopher Søren Kierkegaard. As the founder of the existential tradition in philosophy, Kierkegaard was very strongly inspired by the figure of Socrates, often expressing sympathy for the ancient philosopher in his texts. Existential philosophy is a relatively recent tradition of thought, and since its main representative, Kierkegaard was largely inspired by Socrates, shows that thought has no "shelf life." Also important for considering the influence of Plato's Socrates on Kierkegaard will be the analysis of Kierkegaard's "knight of faith" and his comparison with the tragic hero Socrates.

Keywords: Plato, Socrates, Kierkegaard, Knight of Faith, existential philosophy

Шишлятников Иван Игоревич,
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-
Петербург, Россия), аспирант

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА

Диалоги Платона не первый год подвергаются тщательному философскому анализу. В результате многочисленных исследований появляются и интересные, и противоречивые интерпретации. Однако, не стоит забывать и о том, что философская деятельность Платона может стать подспорьем для философского терапевта, а всё благодаря большому терапевтическому потенциалу текстов Платона. Диалоги часто исследуют такие темы как духовный рост, рефлексия и нравственное поведение, которые также рассматриваются в ходе философских консультаций. И потому нельзя не отметить, что диалоги Платона

могут стать серьёзным терапевтическим инструментом. Этот подход основан на вовлечении индивидов в диалог с философским консультантом, разбирающимся в философских концептах и методиках. С помощью диалогов Платона индивиды смогут исследовать собственное мировоззрение, ценности и цели в структурированной и организованной манере. Что касается дальнейших исследований в данной области, то они помогут расширить наши знания о потенциале диалогов Платона в философско-терапевтической практике.

Ключевые слова: философия как терапия, сократовский диалог, майевтика, диалектический метод, самопознание, этика добродетели

IVAN SHISHLYANNIKOV, Russian Christian
Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Postgraduate

THE THERAPEUTIC POTENTIAL OF PLATO'S DIALOGUES

Plato's dialogues have been subjected to rigorous philosophical analysis for many years. Numerous studies have resulted in both interesting and controversial interpretations. However, it should not be forgotten that Plato's philosophical work can be of assistance to the philosophical therapist, all thanks to the great therapeutic potential of Plato's texts. Dialogues often explore themes such as spiritual growth, reflection and moral behavior, which are also addressed in philosophical counseling. And so it cannot be overlooked that Plato's dialogues can be a serious therapeutic tool. This approach is based on engaging individuals in dialogue with a philosophical counselor who understands philosophical concepts and techniques. Through Plato's dialogues, individuals will be able to explore their own worldview, values and goals in a structured and organized manner. As for further research in this area, it will help to expand our knowledge of the potential of Plato's dialogues in philosophical and therapeutic practice.

Keywords: philosophy as therapy, Socratic dialogue, maieutics, dialectic method, self-knowledge, virtue ethics

КУЗНЕЦОВА АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ДИАЛЕКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО, ИЛИ ПРИРОДА ПОЛИСА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Вопрос о познании в диалоге «Государство» Платона связан с диалектикой как методом и с устройением полиса, в котором собираются многие люди. Но что их действительно соединяет? Этой проблемой единства занимается правитель или диалектик(философ), который двигаясь в своем познании доходит до абсолютного единства, на основании которого он и соединяет всех людей. Это начало Платон называет благом. Восхождение к нему совершается по определенным ступеням, то есть через воспитание. Благо является и началом движения, и его целью. Познание конкретного человека и единство полиса взаимно обуславливают друг друга, одно без другого не может существовать. То есть человек становится человеком только через общность, внутри полиса. Собрание многих держится на идее блага, которая соединяет все окружающее в единство, которая движет развитие человека, даже если он сознательно ее не обнаруживает. Идея блага является основой связи мыслей, а также людей. Онтология неразрывно связана с этикой.

Ключевые слова: диалектика, благо, полис, познание, воспитание

ANTONINA KUZNECOVA, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Student

DIALECTICS OF THE POLITICAL, OR THE NATURE OF THE STATE IN PLATO'S PHILOSOPHY

The question of cognition in Plato's dialogue "The State" is connected with dialectics as a method and with the organization of the polis, in which many people gather. But what really connects them? This problem of unity is dealt with by the ruler or dialectician (philosopher), who, moving in his

knowledge, reaches absolute unity, on the basis of which he unites all people. Plato calls this beginning a blessing. The ascent to it is accomplished by certain steps, that is, through education. The good is both the beginning of the movement and its goal. The cognition of a particular person and the unity of the policy mutually condition each other, one cannot exist without the other. That is, a person becomes a person only through community, within the policy. The assembly of many is based on the idea of the good, which unites everything around into unity, which drives the development of a person, even if he does not consciously discover it. The idea of the good is the basis of the connection of thoughts, as well as people. Ontology is inextricably linked with ethics.

Keywords: dialectics, good, polis, cognition, education

**СЕКЦИЯ 10: «ПАЛЕСТИНА — МЕСТО, ГДЕ ЧЕЛОВЕК
СЛЫШИТ БОГА: КОНЦЕПТЫ ПРОФЕТИЗМА,
МЕССИАНИЗМА И ЭСХАТОЛОГИИ В ПОЗДНЕЙ
АНТИЧНОСТИ И ИХ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РУССКОЙ
МЫСЛИ XIX–XX ВВ.»**

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),
Заведующий кафедрой еврейской культуры

**ЭСХАТОЛОГИЗМ
ПСЕВДОЭПИГРАФОВ ИЗ КУМРАНА***

В докладе особое внимание уделено сравнительному анализу позиционирования эсхатологических сотериологических фигур, описываемых в двух обнаруженных в Кумране и не известных ранее псевдоэпиграфах: тексте, условно называемом «Мессеианский апокалипсис» (4Q 521) и созданном в недрах Кумранской общины, и манускрипте, условно, называемом «Псевдо-Даниил^d», или же «Арамейский апокалипсис» (4Q 246), и принесенном в общину извне. В то время как в Книге Даниила указывается на *подобие* трансцендентного и предсуществующего вселенского Царя человеку, а автор Древнего

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

Греческого перевода данной книги в своей интерпретации пассажа 7:13, видимо, стремится подчеркнуть двойственную природу этой фигуры — «... на облаках небесных словно Сын человеческий шел и словно Древний Днями подходил...», — автор «Псевдо-Даниила» делает акцент на том, что эсхатологический Царь — скорее, *земная* личность, достигшая божественного достоинства и почитания — его «назовут», т. е. признают, «Сыном Бога» и «его владычество (будет) вечным владычеством». Как представляется, аналогичным образом интерпретируется эсхатологическая мессианская фигура в кумранском «Мессианском апокалипсисе», автор которого, предрекая на основе релевантных библейских пассажей миссию эсхатологического Мессии, которому «будут внимать небеса и земля» и который в итоге воссядет на «троне вечного Царства», «параллельно» говорит о сотериологических деяниях *Адоная*-Господа на земле; так что создается впечатление, что автор имплицитно деифицирует Мессию в его земной сотериологической миссии.

Ключевые слова: эсхатология, мессианизм, апокалиптицизм, сотериология, теология, Кумран.

Среди фрагментов псевдэпиграфов, обнаруженных в пещерах Хирбет-Кумрана, присутствуют части как уже известных до кумранских находок произведений, так и обнаруженных впервые, как принесенные в Кумран извне тексты, так и созданные самими кумранитами. В частности, в Кумране были найдены уже известные ранее: Псалом 151 (на древнееврейском языке), фрагменты книг Товита на арамейском и еврейском языках, Иисуса, сына Сирахова, на еврейском языке; Послание Иеремии (Барух) на греческом; арамейские и крохотный еврейский фрагменты книг Еноха (без «Книги притч» [Ен. 37–71], но с реконструируемой не известной ранее «Книгой гигантов»), Юбилеев на еврейском языке (и неизвестные ранее дополнения к ней; 4Q225–227), возможно, Даниила, гл. 13 («Сусанна»; 4Q551) по-арамейски; отдельные фрагменты Завещаний 12 патриархов: Левия, Иуды, Иосифа, Нафтали, Вениамина. Среди неизвестных ранее псевдэпиграфов (числом около 50)

можно выделить Завещания Кехата и Амрама, Апокриф Иосифа, многочисленные псевдэпиграфы, приписываемые Моисею, Псалмы Иисуса Навина и другие апокрифические Псалмы, Молитву вавилонского царя Набонида, Прото-Эстер. Отдельные псевдоэпиграфы или, по крайней мере, их значительные части, могли быть созданы в ессейско-кумранской среде. Во всяком случае, религиозно-догматические и ритуальные установления, содержащиеся из них, близки соответствующим воззрениям и религиозной практике кумранитов.

В докладе особое внимание уделено сравнительному анализу позиционирования эсхатологических сотериологических фигур, описываемых в двух обнаруженных в Кумране и не известных ранее псевдоэпиграфах: тексте, условно называемом «Мессианский апокалипсис» (4Q 521) и созданном в недрах Кумранской общины, и манускрипте, условно называемом «Псевдо-Даниил^d», или же «Арамейский апокалипсис» (4Q 246), и принесенном в общину извне. В то время как в Книге Даниила указывается на *подобие* трансцендентного и предсуществующего вселенского Царя человеку, а автор Древнего Греческого перевода данной книги в своей интерпретации пассажа 7:13, видимо, стремится подчеркнуть двойственную природу этой фигуры — «... на облаках небесных словно Сын человеческий шел и словно Древний Днями подходил...», — автор «Псевдо-Даниила» делает акцент на том, что эсхатологический Царь — скорее, *земная* личность, достигшая божественного достоинства и почитания — его «назовут», т. е. *признают*, «Сыном Бога» и «его владычество (будет) вечным владычеством». Как представляется, аналогичным образом интерпретируется эсхатологическая мессианская фигура в кумранском «Мессианском апокалипсисе», автор которого, предрекая на основе релевантных библейских пассажей миссию эсхатологического Мессии, которому «будут внимать небеса и земля» и который в итоге воссядет на «троне вечного Царства», «параллельно» говорит о сотериологических деяниях *’Адоная*-Господа на земле; так что создается впечатление, что автор имплицитно деифицирует Мессию в его земной сотериологической миссии.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Chairman of the Department of Jewish Culture

ESCHATOLOGY IN THE PSEUDEPIGRAPHA FROM QUMRAN*

The paper focuses on a comparative analysis of the positioning of eschatological soteriological figures described in two pseudepigrapha discovered at Qumran and not previously known: a text tentatively called the Messianic Apocalypse (4Q 521) and created in the Qumran community, and a manuscript called the Pseudo-Daniel^d (4Q 246; “Aramaic Apocalypse”), and brought to the community from outside. Whereas the Book of Daniel points to the likeness of a transcendent and pre-existent universal King to man, and the author of the Ancient Greek translation of this book in his interpretation of passage 7:13 apparently seeks to emphasize the dual nature of this figure — “...on the clouds of heaven it was as if the Son of man was coming and as if the Ancient of Days were approaching...” — the author of Pseudo-Daniel emphasizes that the eschatological King is rather an *earthly* person who has attained divine dignity and veneration — he will be “called,” i. e., *recognized*, as “Son of God” and “his dominion (will be) an eternal dominion.” The eschatological Messianic figure in the Qumran “Messianic Apocalypse” seems to be interpreted in a similar way: its author, foreshadowing on the basis of relevant Biblical passages the mission of the eschatological Messiah, to whom “heaven and earth will give heed” and who will eventually sit on the “throne of the eternal Kingdom,” speaks “in parallel” about the soteriological acts of *’Adonai*-the Lord on earth; so that one gets the impression that the author implicitly deifies the Messiah in his earthly soteriological mission.

Keywords: eschatology, messianism, apocalypticism, soteriology, theology, Qumran

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Заведующий кафедрой еврейской культуры

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ «ПРОФЕТИЗМА» В КУМРАНСКИХ КОММЕНТАРИЯХ-ПЕШАРИМ*

К концу персидского периода в Иудее заканчивается пророчество. В ортодоксальном иудаизме место пророков занимают мудрецы, законоучители, «строящие ограду вокруг Торы», т. е. по преимуществу создающие методики и системы ее интерпретации и истолковывающие ее содержание применительно к изменяющимся религиозно-политическим, социально-экономическим и другим условиям жизни иудеев в Стране Израиля и в диаспоре. Что касается Кумранской общины — гетеродоксального течения, вероятно, ессеиско-кумранского толка, — то здесь полагали, что в эпоху конечных дней, в которые они, как им представлялось, жили, пророчество должно возродиться, в частности, в форме «вскрытия» самими кумранитами глубинного смысла уже записанных пророчеств и псалмов и актуализации сокрытых в этих текстах предсказаний в отношении современных Кумранской общине событий, ее собственных религиозно-политических и исторических вех и коллизий, доктринальных аспектов, судеб мира, Эсхатона, мессианизма и др. Такого рода «пророчества» строились по преимуществу как «истолкования» (евр. *пешарим*), как бы «расшифровки», книг библейских Пророков и Псалмов. Кроме того, лидер Кумранской общины, обозначаемый в дошедших до нас источниках как Учитель праведности и Истолкователь Торы, рассматривался своими адептами как пророк, подобный Моисею, как автор своего рода

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

нового Учения для конечных дней — для общины «Нового Завета» (как кумраниты себя называли).

Ключевые слова: пророчество, Кумранская община, кумранские комментарии-пешарим, библейские интерпретации

К концу персидского периода в истории Иудеи исполнение установлений Торы (Учения, Закона) становится обязательным для всех иудеев *по закону*, со всеми вытекающими за их неисполнение судебными последствиями. С этого момента следование Торе Господа становится нормой жизни иудея — а это и было сутью израильско-иудейских пророчеств, на это и была направлена деятельность пророков. Поставленная еврейскими пророками цель была достигнута, их миссия осуществлена — и именно в это время в Израиле заканчивается пророчество. В заключение к книге последнего иудейского пророка, Малахии, служащим одновременно и заключением ко всему библейскому разделу Пророков, заповедуется:

Помните Закон Моисея, раба Моего,
который заповедал Я ему
на Хореве для всего Израиля,
и предписания, и уставы.

В ортодоксальном иудаизме место пророков занимают мудрецы, законоучители, «строящие ограду вокруг Торы», т. е. по преимуществу создающие методики и системы ее интерпретации и истолковывающие ее содержание применительно к изменяющимся религиозно-политическим, социально-экономическим другим условиям жизни иудеев в Стране Израиля и в диаспоре.

Что касается Кумранской общины — гетеродоксального течения, вероятно, ессеиско-кумранского толка, — то здесь полагали, что в эпоху конечных дней, в которые они, как им представлялось, жили, пророчество должно возродиться, в частности, в форме «вскрытия» самими кумранитами глубинного смысла уже записанных пророчеств и псалмов и актуализации сокрытых в этих текстах предсказаний в отношении современных Кумранской общине событий, ее собственных

религиозно-политических и исторических вех и коллизий, доктринальных аспектов, судеб мира, Эсхатона, мессианизма и др. Такого рода «пророчества» строились по преимуществу как «истолкования» (евр. *пешарим*), как бы «расшифровки», книг библейских Пророков и Псалмов. Кроме того, лидер Кумранской общины, обозначаемый в дошедших до нас источниках как Учитель праведности и Истолкователь Торы, рассматривался своими адептами как пророк, подобный Моисею, как автор своего рода нового Учения для конечных дней — для общины «Нового Завета» (как кумраниты себя называли).

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Chairman of the Department of Jewish Culture

FEATURES OF THE CONCEPT OF 'PROFETISM' IN THE QUMRAN COMMENTARIES-*PESHARIM**

By the end of the Persian period prophecy ends in Judea. In orthodox Judaism, the place of prophets is occupied by sages, teachers of the law, who “build a fence around the Torah,” i. e., who create methods and systems of its interpretation and interpret its content in relation to the changing religious-political, socio-economic, etc. conditions of Jewish life in the Land of Israel and in the Diaspora. As for the Qumran community — a heterodox sect, probably of the Essene-Qumran persuasion — they believed that prophecy should be revived in the era of the end days, in which they, as it seemed to them, lived, — in particular, in the form of “uncovering” by the Qumranites themselves the deep meaning of the already recorded prophecies and psalms and actualization of the predictions hidden in these texts in relation to the contemporary events of the Qumran community, its own reli-

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

gious-political and historical milestones and collisions, doctrinal aspects, the fate of the world, the Eschaton, messianism, etc. These kinds of “prophesies” were constructed mainly as “interpretations” (Heb. *pesharim*), as if “deciphering,” of the books of the Biblical Prophets and Psalms. In addition, the leader of the Qumran community, designated in the extant sources as the Teacher of Righteousness and the Interpreter of the Torah, was regarded by his adherents as a prophet like Moses, as the author of a kind of new Teaching for the end days — for the community of the “New Covenant” (as the Qumranites called themselves).

Keywords: prophecy, Qumran community, Qumran commentaries-*pesharim*, Biblical interpretations

РЕДЬКИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

ПАЛЕСТИНА — МЕСТО СИНТЕЗА ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ И ВОЗЗРЕНИЙ*

Палестина на протяжении тысячелетий была перекрестком культур и народов, местом рождения мировых религий, формирования и синтеза философских школ. В период халифата был продолжен процесс переосмысления, развития и сохранения духовного наследия благодаря переводу на арабский язык античных, иудейских и христианских философов. Формирование новых философских течений получило импульс после возвращения части диаспоры в Святую землю в конце XV — начале XVI вв. В новое и новейшее время на развитие оригинальных школ в Палестине оказала влияние русская

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, messiанизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

философская мысль. В настоящее время арабские и мусульманские философы все чаще обращаются к античному наследию, например, к трудам Платона для поиска путей решения конфликтов на Святой земле.

Ключевые слова: философия, Палестина, синтез, наследие, культура

Палестина и Иерусалим, где, по определению одного из арабских поэтов — Н. Каббани, воздух пропитан «духом пророков» и где «самый короткий из путей к небу» на протяжении тысячелетий были перекрестком культур и народов, местом рождения мировых религий, а также формирования и синтеза научных и философских школ.

В античный период восприятие идей античной философии связанных с политеизмом со стороны представителей иудаизма в значительной мере было ограничено. Данное обстоятельство, впрочем, не помешало формированию школ еврейской эллинистической философии, но уже за пределами Палестины.

После завоевания Иерусалима в 637 г. вторым праведным халифом Омаром (634–644) был начат процесс переосмысления, развития и сохранения духовного наследия цивилизаций Восточного Средиземноморья. Этому в значительной мере способствовали переводы на арабский язык текстов произведений классических авторов, в том числе античных философов — Платона и Аристотеля, а также иудейских и христианских ученых. Хотя переводческая деятельность в рамках научного, а также мультинационального и многоконфессионального по своей форме проекта, получившего название «Дом мудрости», и шла в Багдаде, значительное число рукописных книг античных авторов поступало из Палестины, а над переводами в столице Аббасидского халифата вместе с арабскими трудились еврейские, иранские и индийские ученые.

В этот период арабский язык становится основным языком философской мысли на всей территории халифата, в том числе и на Святой земле. Интересно, что в этот период в Палестине сформировалось бытовавшее в среде еврейских общин

особое коине, известное в дальнейшем как еврейско-арабский язык, на котором и создавались труды по различным областям знания, в том числе и труды по философии.

Синтез культуры и философских течений получил новый импульс после издания Гранадского (Альгамбрского) эдикта 1492 года, когда значительная часть евреев была вынуждена покинуть Испанию и переселиться в Северную Африку, на юг Франции, в Италию и Османскую империю, в том числе, и в Палестину. Это, в свою очередь, стало импульсом для развития средневековой еврейской философии на новых территориях.

В новое и новейшее время, когда Палестина в русском общественном мнении стала ассоциироваться с поисками «града грядущего», «Небесного Иерусалима», чему, в частности, способствовали рост православного паломничества к святым местам и, позднее, начало процесса репатриации. Именно в этот период был отмечен рост влияния русской философской мысли (в том числе, и идей Н. Бердяева) на формирование местных философских концепций.

В настоящее время арабские и мусульманские философы все чаще обращаются к античному наследию, например, к трудам Платона, для осмысления противоречий и конфликтов на Святой земле и поиска путей их решения.

OLEG REDKIN, DSc in Philology, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair

PALESTINE — A PLACE OF SYNTHESIS OF PHILOSOPHICAL IDEAS AND VIEWS*

For thousands of years Palestine has been a crossroad of cultures and peoples the birthplace of world religions, the formation and synthesis of philosophical schools. During

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

the rule of the caliphate, the process of rethinking, developing and preserving the spiritual heritage was continued, thanks to the translation into Arabic of ancient, Jewish and Christian philosophers. The formation of new philosophical currents received an impetus after the return of part of the diaspora and repatriates to the Holy Land. In modern and recent times, the development of original schools in Palestine was influenced by Russian philosophical thought. Currently, Arab and Muslim philosophers are increasingly turning to ancient heritage, such as the works of Plato, to find ways to resolve conflicts in the Holy Land.

Keywords: philosophy, Palestine, synthesis, heritage, culture

БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), доцент

«ПРОТОАПОФАТИКА» ГЕСИОДА: НЕ ТОЛЬКО ХАОС?*

Доклад обращен к проблеме начала апофатической проблематики в греческой философии. Рассматриваются мифологические образы в космологии и космогонии Гесиода. Обосновывается положение о том, что не только Хаос, но и Ночь, и Эреб, а также «пределы и начала» (πῦρα καὶ πείρατ') наделены апофатическими характеристиками. Кроме того, негативные характеристики наличествуют и при описании Тартара. При этом Хаос, безусловно, имеет особый статус, поскольку именно он порождает другие негативные образы — Ночь, Эреб. Следовательно, три мифологических образа находятся в родо-видовых отношениях, а значит являются отличными друг от друга видами негативности. «Начала и пределы», также

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

имеющие свои апофатические характеристики, суть то, что содержится внутри Хаоса. Таким образом, в мифе Гесиода содержится не только протоапофатическая проблематика, но имплицитно наличествует различие в понимании негативности.

Ключевые слова: протоапофатика, Гесиод, «Теогония», небытие, негативность

ALEXEY BOGOMOLOV, CSc in Philosophy; Immanuel
Kant Baltic Federal University (Kaliningrad,
Russia), Associate Professor

HESIOD'S "PROTO-APOPHATICS:" NOT ONLY ΧΑΟΣ?*

The report addresses the problem of the beginning of apophatic problematics in Greek philosophy. Mythological images in Hesiod's cosmology and cosmogony are considered. The thesis is substantiated that not only Chaos, but also Night and Erebus, as well as "limits and beginnings" (πῆλαι καὶ πείρατ) are endowed with apophatic characteristics. In addition, negative characteristics are also present when describing Tartarus. At the same time, Chaos certainly has a special status, since it is he who generates other negative images — Night, Erebus. Consequently, the three mythological images are in genus-species relations, which means they are different types of negativity from each other. The "beginnings and limits," which also have their apophatic characteristics, are what is contained within Chaos. Thus, Hesiod's myth contains not only an apophatic problematic, but there is an implicit difference in the understanding of negativity.

Keywords: proto-apophatics, Hesiod, *Theogony*, non-being, negativity

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 "Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries."

АФОНАСИН ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), главный научный сотрудник; Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), профессор

ЛЕГЕНДА О «ВАВИЛОНСКОМ ГЕРМЕСЕ» В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В докладе представлены ключевые результаты исследования автора, посвященного выявлению представления древних о межкультурном взаимодействии. Вслед за изучением легенды о путешествии Пифагора на восток** и «библейских заимствованиях» в греческой философии*** в данном исследовании речь идет о «персидском» следе в средневековом герметизме. Первая часть доклада касается харранской астрологии, вторая — греко-персидской алхимии сасанидских времен. Учитывая состояние наших свидетельств, мы не можем сказать, как дела обстояли на самом деле. Однако некоторые наблюдения, сделанные в докладе, должны прояснить, как представляется, те пути, по которым шла и обычно идет межкультурная трансформация знания.

Ключевые слова: Греция и восток, Вавилон, герметизм, Енох, Идрис, тайное знание, профетизм

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

** *Afonasin E. V., Afonasina A. S. Pythagoras Traveling East: An Image of a Sage in Late Antiquity // Archai, vol. 27 (2019), pp. 1–23. <https://periodicos.unb.br/index.php/archai/article/view/26566/23229>*

*** *Афонасин Е. В. Moses Attikidzon: философия и религиозная политика в античной Александрии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 16.1 (2022). С. 276–294*

EUGENE AFONASIN, DSc in Philosophy,
Professor; Institute of Philosophy and Law
of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia), Head of
Department; Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russia), Professor

THE LEGEND OF THE “BABYLONIAN HERMES” IN LATE ANTIQUE LITERATURE*

The report continues the author’s research on the ancients’ perceptions of intercultural interaction. Following the study of the legend of Pythagoras’ journey to the East** and “biblical borrowings” in Greek philosophy,*** this paper deals with the “Persian” trace in medieval Hermeticism. The first part of the paper deals with the Harranian astrology, the second with Greco-Persian alchemy of Sassanid times. Given the state of our evidence, we cannot say how things really were. However, some of the observations made in the presentation should clarify what seems to be the ways in which the intercultural transformation of knowledge has been, and usually is, taking place.

Keywords: Greece and the East, Babylon, Hermeticism, Enoch, Idris, secret knowledge, propheticism

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

** *Afonasin E. V., Afonasin A. S. Pythagoras Traveling East: An Image of a Sage in Late Antiquity // Archai, vol. 27 (2019), pp. 1–23. <https://periodicos.unb.br/index.php/archai/article/view/26566/23229>*

*** *Afonasin E. V. Moses Attikidzon: philosophy and religious politics in ancient Alexandria // Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. Vol. 16.1 (2022). pp. 276–294. (in Russian)*

ЕВЛАМПИЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ОБ ОДНОЙ ИДЕЕ ПЛОТИНА В ТРАКТАТЕ «ПРОТИВ ГНОСТИКОВ» КАК КРИТЕРИИ РАЗЛИЧЕНИЯ НЕОПЛАТОНИЧЕСКИХ И ГНОСТИЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ В ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ФИЛОСОФИИ*

В трактате «Против гностиков» Плотин признает гностиков наследниками Платона, но одновременно утверждает, что они резко искажают в нескольких пунктах его философию. Одно из важных разногласий касается оценки Космоса и небесных тел: Плотин считает Космос в целом относительно совершенным, а небесные тела — божественными существами; он категорически отвергает мнение гностиков о радикальном несовершенстве земного мира и небесных тел. Это различие оказывается достаточно существенным для оценки истоков некоторых важных концепций в последующей философии. Стефан Бар Судайли в «Книге святого Иерофея» заявляет, что ад простирается до тверди звезд, это наглядно демонстрирует, что он основывает свою систему на гностических, а не на неоплатонических идеях. Такая оценка книги Стефана позволяет говорить о гностических истоках корпуса Ареопагитик в силу внутренней связи этих текстов. Точно такое же утверждение о том, что преисподняя простирается до тверди звезд есть в космологии Макробия, изложенной в его «Комментарии к “Сну Сципиона”»; это означает, что Макробия нужно причислять к гностической традиции, а не считать наследником неоплатонизма. Исследователи считают, что неоплатонические влияния в средневековой философии в VIII и в последующие века во многом обусловлены по-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

пулярностью сочинения Макробия. Если мы признаем основой этого сочинения гностические системы, гностические влияния должны быть признаны в ранней средневековой философии гораздо более сильными, чем неоплатонические. Прежде всего это относится к учению Иоанна Скота Эриугены, которое можно считать классической системой гностического типа.

Ключевые слова: Плотин, гностические и неоплатонические влияния, Эриугена

В трактате «Против гностиков» Плотин признает гностиков наследниками Платона, но одновременно утверждает, что они резко искажают в нескольких пунктах его философию. Одно из важных разногласий касается оценки Космоса и небесных тел: Плотин считает Космос в целом относительно совершенным, а небесные тела — божественными существами; он категорически отвергает мнение гностиков о радикальном несовершенстве земного мира и небесных тел. Это различие оказывается достаточно существенным для оценки истоков некоторых важных концепций в последующей философии. Стефан Бар Судайли в «Книге святого Иерофея» заявляет, что ад простирается до тверди звезд, это наглядно демонстрирует, что он основывает свою систему на гностических, а не на неоплатонических идеях. Такая оценка книги Стефана позволяет говорить о гностических истоках корпуса Ареопагитик в силу внутренней связи этих текстов. Точно такое же утверждение о том, что преисподняя простирается до тверди звезд есть в космологии Макробия, изложенной в его «Комментарии к “Сну Сципиона”»; это означает, что Макробия нужно причислять к гностической традиции, а не считать наследником неоплатонизма. Рассматривая, как душа падает из несовершенного мира в земную реальность он утверждает, что она переживает столько смертей, сколько проходит небесных сфер, причем каждая сфера делает свой вклад в формирование ее несовершенного земного тела. Это представление является вполне характерным для гностических учений (особенно наглядно сходство с трактатом Пистис София), но не может быть оправданным в рамках неоплатонической космологии. Иссле-

дователи считают, что неоплатонические влияния в ранней средневековой философии были во многом обусловлены популярностью сочинения Макробия. Если мы признаем основой этого сочинения гностические системы, гностические влияния должны быть признаны в ранней средневековой философии гораздо более сильными, чем неоплатонические. Прежде всего это относится к учению Иоанна Скота Эриугены, которое можно считать классической системой гностического типа.

IGOR EVLAMPYEV, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

**ON ONE IDEA OF PLOTINUS IN THE TREATISE
“AGAINST THE GNOSTICS” AS A CRITERION FOR
DISTINGUISHING BETWEEN NEOPLATONIC AND
GNOSTIC INFLUENCES IN SUBSEQUENT PHILOSOPHY***

In the treatise *Against the Gnostics*, Plotinus recognizes the Gnostics as the heirs of Plato, but at the same time claims that they sharply distort his philosophy in several points. One of the important disagreements concerns the assessment of the Cosmos and the celestial bodies: Plotinus considers the Cosmos as a whole to be relatively perfect, and the celestial bodies as divine beings; he categorically rejects the opinion of the Gnostics about the radical imperfection of the earthly world and heavenly bodies. Stefan Bar Sudaily in *The Book of St. Hierotheus* states that hell extends to the firmament of the stars, which clearly demonstrates that he bases his system on Gnostic, and not on Neoplatonic ideas. Such an assessment of Stephen's book allows us to speak about the Gnostic origins of the *Areopagitic* corpus. Exactly the same statement that the underworld extends to the firmament of the stars is in the cosmology of Macrobius, set out in his *Commentary on the “Scipio's Dream;”* this means that Mac-

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

robis should be included in the Gnostic tradition, and not considered the heir of Neoplatonism. Researchers believe that the Neoplatonic influences in medieval philosophy in the 8th and subsequent centuries are largely due to the popularity of the work of Macrobius. If we accept the Gnostic systems as the basis of this work, the Gnostic influences in early medieval philosophy must be recognized as much stronger than the Neoplatonic ones. First of all, this refers to the teachings of John Scotus Eriugena.

Keywords: Plotinus, Gnostic and Neoplatonic influences, Eriugena

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич, кандидат философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), старший научный сотрудник; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

МОТИВ ВОЙНЫ «СЫНОВ СВЕТА ПРОТИВ СЫНОВ ТЬМЫ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОРИГЕНА*

В трактате «О началах» Ориген вводит различие трёх видов мудрости, среди которых «мудрость мира сего» и «мудрость князей мира сего». Под эти две категории попадают различные науки и искусства, которые считались необходимыми к изучению во времена Оригена. Часть из них — традиционные области знания: арифметика, геометрия, музыка, астрономия, грамматика, — вошедшие в число обязательных ещё со времён платоновской Академии. Другая часть — астрология, магия, учение о заклинаниях и т. п. предстаёт в описании Оригена как области

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

знания, которыми его современники интересовались не в меньшей степени, чем науками «классическими». Более того, их происхождение возводили к Древнему Египту, Вавилону и другим странам Востока, что придавало им таинственность и авторитет. Однако для Оригена эти знания приобретаются человеком способом, который принципиально отличается от способа приобретения традиционных научных знаний. В основе этого противопоставления стоит противоборство ангельских сил — благих ангелов, служащих Богу, и борющихся с ними и с людьми падших ангелов. В построениях Оригена хорошо прослеживаются мотивы ангелологии иудейской среды II в. до н. э. — I в. н. э., и особенно ангелологии кумранской, а также раннехристианской литературы «двух путей». При этом, однако, Ориген, так же, как и его учитель Климент Александрийский, предлагают превосходящий это разделение путь «третьего типа» мудрости, основанный на учении новозаветного христианства.

Ключевые слова: Ориген Александрийский, премудрость, ангелология, наука, образование

DMITRY KURDYBAYLO, CSc in Philosophy; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Researcher; Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), Senior Research Fellow; Herzen State Pedagogical University of Russia (St Petersburg, Russia), Senior Research Fellow

THE CONCEPT OF THE “WAR OF THE SONS OF LIGHT AGAINST THE SONS OF DARKNESS” IN THE EDUCATIONAL MODEL OF ORIGEN*

In the treatise *De principii*, Origen introduces a distinction between three types of wisdom, among which are “the wisdom of this world” and “the wisdom of the princes of this world.” These two categories embrace the various sciences and

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 “Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries.”

arts which were considered compulsory for study in the time of Origen. Some of them are traditional sciences: arithmetic, geometry, music, astronomy, grammar, i. e. those considered mandatory since the days of the Platonic Academy. The other part is astrology, magic, the art of incantation, etc. Origen describes them no less interesting for his contemporaries than the “classical” sciences. Moreover, their origin was attributed to Ancient Egypt, Babylon and other Eastern countries, which imparted them mysteriousness and authority. However, for Origen, this knowledge is acquired in a way fundamentally different from that of traditional scientific knowledge. This opposition is grounded on the confrontation between the angelic forces — the good angels serving God, and the fallen angels. In the writings of Origen, one can easily trace the motives of Jewish angelology of the 2nd century BC — 1st century AD, and especially the angelology of Qumran, as well as early Christian literature of “the two ways.” At the same time, Origen (as well as his teacher Clement of Alexandria) offers a “third type” of wisdom that transcends this division, being based on the teachings of New Testament Christianity.

Keywords: Origen of Alexandria, wisdom, angels, angelology, science, education

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Заведующий кафедрой еврейской культуры

БИБЛЕЙСКАЯ СОТЕРИОЛОГИЯ, УЧЕНИЕ НЕОПЛАТОНИКА МАРСИЛИО ФИЧИНО

О «ПИТАЮЩЕЙ ДУШЕ» И СОНЕТ 146 ШЕКСПИРА*

Сонет 146 не просто стоит особняком в ряду сонетов Шекспира, но, по сути, является цельным философско-теологическим поэтическим памфлетом. Говоря

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

о его сотериологическом контексте, репрезентирующей идею об отказе от забот о теле и спасении души за счет ее «питания» телом: Then soul, live thou upon thy servant's (*i. e.* thy body's. — *I. T.*) loss... Buy terms divine in selling hours of dross; Within be fed, without be rich no more. So shalt thou feed on Death... — то здесь прежде всего можно отметить новозаветные пассажи из Посланий апостола Павла об «умерщвлении» плоти и плотских страстей во имя спасения души: *Рим.* 8:13 (ср. также: 7:5; 8:7), *Кол.* 3:5 (ср. далее: *1 Кор.* 3:1, 3), *Гал.* 5:24. Но вот что касается метафоры спасения души за счет ее «питания» плотью — вместо того, чтобы кормить плоть, как это обычно делают люди, которыми «кормятся» Смерть, — то здесь можно усмотреть рефлексия и своего рода «реверсное» переосмысление доктрины М. Фичино о «питающей/кормящей душе» (*anima nutritiva*), которое тот развивает в своей «Платоновской теологии». (Об этом учении автор сонета 146 мог знать не непосредственно из трактата Фичино, а слышать от знакомых ему «университетских умов».) В данной связи представляются репрезентативными, прежде всего, пассажи из «Платоновской теологии» VII, 9; XIII, 5; VI, 12. Ср. также: XVIII, 9 и *Ос.* 13:14 (см. также: *1 Кор.* 15:55; ср.: *Откр.* 21:4), *Исаия* (25:8 [ср.: *1 Кор.* 15:54]; ср. также, например: *Ис.* 26:19, 41:14; *Дан.* 12:2, 13). С пассажем из Фичино XVIII, 9 коррелирует последняя строка сонета 146: “And Death once dead, ther's no more dying then.”

Ключевые слова: сонет 146 Шекспира, Еврейская Библия, Новый Завет, неоплатонизм, «Теология Платона» Марсилио Фичино

Сонет 146 не просто стоит особняком в ряду сонетов Шекспира, но, по сути, является цельным философско-теологическим поэтическим памфлетом. Многократно отмечалось влияние на данное произведение Библии и неоплатонизма (вряд ли автор данного сонета читал платоновский трактат «Федон» непосредственно). Известно, например, что в пьесах Шекспира насчитывается около 1350 ссылок на Библию (по преимуществу Женевскую; далее: ЖБ) и даже прямых цитат. Отдельные библейские аллюзии и реминисценции встречаются и в сонетах.

Что касается сотериологического контекста сонета 146, репрезентирующего идею об отказе от забот о теле и спасении души за счет ее «питания» телом:

Then soul, live thou upon thy servant's
(i. e. "thy body's. — I. T.) loss...
Buy terms divine in selling hours of dross;
Within be fed, without be rich no more.
So shalt thou feed on Death... —

то здесь прежде всего можно было бы отметить новозаветные пассажи из Посланий апостола Павла об «умерщвлении» плоти и плотских страстей во имя спасения души: *Рим.* 8:13 (εἰ γὰρ κατὰ σάρκα ζῆτε μέλλετε ἀποθνήσκειν, εἰ δὲ πνεύματι τὰς πράξεις τοῦ σώματος θανατοῦτε, ζήσεσθε [ср. также: 7:5; 8:7]; «Если по плоти живете, то готовитесь умирать, если же духом дела плотские умерщвляете, то живы будете»; ЖБ: For if ye live after the flesh, ye shall die: but if ye mortify the deeds of the body by the Spirit, ye shall live), *Кол.* 3:5 (νεκρώω οὖν ὁ μέλος ὁ ἐπὶ ὁ γῆ ...; «Умертвите всё, что есть в вас земного...»; ЖБ: Mortify therefore your members which are on the earth [ср. далее, например: *1 Кор.* 3:1, 3]), *Гал.* 5:24 (οἱ δὲ τοῦ Χριστοῦ τὴν σάρκα ἐσταύρωσαν σὺν τοῖς παθήμασιν καὶ ταῖς ἐπιθυμίαις; «Кто (принадлежит) Христу, те распяли плоть (свою) со страстями (ее) и влечениями»; ЖБ: For they that are Christ's, have crucified the flesh with the affections and the lusts).

Но вот что касается метафоры спасения души за счет ее «питания» плотью — вместо того, чтобы кормить плоть, как это обычно делают люди, которыми «кормится» Смерть, — то здесь можно усмотреть рефлексии и своего рода «реверсное» переосмысление доктрины М. Фичино о «питающей/кормящей душе» (*anima nutritiva*), которое тот развивает в своей «Платоновской теологии». (Об этом учении автор сонета 146 мог знать не непосредственно из трактата Фичино, а, например, слышать от знакомых ему «университетских умов».) Согласно автору сонета 146, чем меньше душа человека будет «питать» его телесные начала, тем ближе она будет к спасению.

В частности, Фичино замечает (пер. А. Я. Тыжова):

Душа сама создает свое тело, сохраняет уже созданное тело и восстанавливает его, когда оно начинает приходить в упадок. Душа связывает воедино противоборствующие стихии. С уходом души тело умирает, и невозможно удержать прежнего телесного соединения и вида. Питающая душа, в силу своей особенности, единственно способна создавать инструменты питания... Душа является субстанцией по той причине, что она есть создательница тела, а вовсе не его прислужница (VII, 9).

Мы со всей очевидностью видим, что процесс перемещения тела и управления телом порой может ослабевать и даже прерываться. Когда наша душа испытывает ущерб от чрезмерно возбужденной фантазии, обязанность питания и увеличения тела уменьшается по причине слишком интенсивных поисков, предпринимаемых нашим рациональным началом. Вот почему люди, занимающиеся философией, страдают плохим пищеварением... Когда под воздействием разума возникает столь значительное отвлечение души (*abstractio animi*) от тела, что в результате прекращают работать и фантазия, и природное рациональное начало, которые и сами имеют обыкновение ослаблять питание и управление членами тела, то, что в этом случае может воспрепятствовать прекращению питания и упадку тела? Итак, я полагаю, что тело полностью отвлеченного от него человека в то самое кратчайшее время, в которое наш дух становится ангельским духом, не движется, не поддерживается, и даже не удерживается в своем единстве с помощью прежде ставшего привычным качественного превосходства образа души (XIII, 5).

...В душе являют себя примеры таких телесных движений, как например рождение, когда душа присоединяется к божественным началам; порча (*corruptio*), когда душа льнет к смертным началам; возрастание (*augmentum*), когда душа вспоминает о божественном; убывание (*decrementum*), когда душа забывает о Боге (VI, 12).

Далее, в XVIII, 9 Фичино пишет:

Если в настоящее время жизнь составного человека подчиняется условиям его подверженного разрушению тела, то в будущем она будет следовать условиям бессмертной души. В результате смерть уступит место жизни в согласии с совершеннейшим видом природных начал. Смерть, утратившая свою силу, как вещают пророки, будет поглощена жизнью... Восстанут... вечные тела.

Под «пророками» здесь подразумеваются, прежде всего, Осия (13:14), которого цитирует апостол Павел (1 Кор. 15:55; ср. также: 1 Кор. 15:26, Откр. 21:4), и Исайя (25:8 [ср.: 1 Кор. 15:54]; ср. также, например: Ис. 26:19, 41:14; Дан. 12:2, 13). С процитированным пассажем из Фичино (XVIII, 9) коррелирует последняя строка сонета 146:

And Death once dead, ther's no more dying then.*

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

**BIBLICAL SOTERIOLOGY, THE NEOPLATONIST
MARSILIO FICINO'S DOCTRINE OF ANIMA
NUTRITIVA, AND SHAKESPEARE'S SONNET 146****

Sonnet 146 not only stands apart from Shakespeare's sonnets, but, in fact, is a complete philosophical and theological poetic pamphlet. As for the soteriological context of Sonnet 146, which represents the idea of abandoning the concerns of the body and saving the soul by "feeding" it with the body,

* Ср.: сонеты 55, строка 13; 60, строка 13; 122, строка 4.

** The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 "Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries."

one could, first of all, note the NT passages from Apostle Paul about “mortification” of the flesh and fleshly passions for the salvation of the soul: *Rom.* 8:13 (cf. also: 7:5; 8:7); *Col.* 3:5 (cf. further, e. g.: *1 Cor.* 3:1, 3); *Gal.* 5:24. But as for the metaphor of the soul’s salvation through its “feeding” on the flesh — instead of feeding the flesh, as it is usually done by the people that Death “feeds” on — one can see here a reflection and a kind of “reverse” reinterpretation of M. Ficino’s doctrine of the “nutritive [= feeding] soul” (*anima nutritiva*), which he develops in his “Plato’s Theology.” Passages of “Plato’s Theology” VII, 9; XIII, 5; VI, 12; XVIII, 9 are particularly representative in this regard. The last passage (XVIII, 9) means by “prophets” primarily Hosea (13:14), whom the apostle Paul quotes (*1 Cor.* 15:55; cf. also: *1 Cor.* 15:26, *Rev.* 21:4), and Isaiah (25:8 [cf.: *1 Cor.* 15:54]; cf. also, e. g.: *Isa.* 26:19, 41:14; *Dan.* 12:2, 13). The last line of Sonnet 146 correlates with the quoted passage from Ficino: “And Death once dead, ther’s no more dying then” (cf.: Sonnets 55, line 13; 60, line 13; 122, line 4).

Keywords: Shakespeare’s Sonnet 146, Hebrew Bible, New Testament, Neoplatonism, “Plato’s Theology” by Ficino

СЛОБОДКОВСКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РЕЦЕПЦИЯ МЕССИАНСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ*

Доклад посвящен рассмотрению развития философских, политических и религиозных концепций в русской культуре, под влиянием римских и иудейских идей мессианства. В частности, уделено большее внимание не столько

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

вопросу пересечения или схожести мессианских мотивов Рима и Палестины, сколько их рецепции в русской мысли. На примере работ В. С. Соловьева мы постараемся показать, что ряд концепций из римской культуры, нашедших свое отражение в поэзии и философии Рима, при их синтезе с иудейскими идеями позволил сформировать оригинальный, религиозно-философский взгляд на понимание развития русского общества. Такой подход позволяет рассмотреть концепцию мессианства в древнем мире с новой стороны и также более углубленно проанализировать мессианские идеи в Русской и Европейской культуре

Ключевые слова: мессианство, Палестина, Рим, Соловьев, культура, философия

SERGEY SLOBODKOVSKY, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

RECEPTION OF MESSIANIC IDEAS IN RUSSIA*

The report is devoted to the development of philosophical, political, and religious concepts in Russian culture, under the influence of Roman and Jewish ideas of messianism. We intend to pay particular attention not so much to the question of the intersection or similarity between the messianic motives of Rome and Palestine as to their reception of their ideas by Russian thinkers. Using works written by V. Solovyov as an example, we will try to show that the synthesis of Roman and Jewish ideas made it possible to form an original, religious, and philosophical perception of the development of Russian society.

Keywords: messianism, Palestine, Rome, Solovyov, culture, philosophy

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for the Basic Research, project 21-011-41005 "Palestine as the Place where Man Hears God: Concepts of Prophetism, Messianism, and Eschatology in Religious Texts of Late Antiquity (2nd century B. C. — 5th century A. D.) and Their Reminiscences in Russian Thought in the 19th and 20th Centuries."

СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия), директор Высшей школы философии, истории и социальных наук

ЮЛИАН ОТСТУПНИК В РОМАНЕ Д. МЕРЕЖКОВСКОГО «СМЕРТЬ БОГОВ»*

Юлиан Отступник в романе Мережковского — олицетворение внутреннего разрыва, свойственного определенной части российской интеллигенции конца XIX — начала XX веков: разрыва между «двумя градами» — земным и небесным. Писатель рассматривает императора-апостата как трагическую фигуру, потрясенную надмирной и анти-мирной истиной христианства и ее противоречием с истиной «этого» мира: противоречием его красоте и драме жизни, его печальям и моментам счастья. Попытки синтеза двух «градов» — столь чаемые самим Мережковским в какой-то период его творчества — оказываются невозможны. Собственно говоря, в Юлиане как персонаже данного романа, сталкиваются две оптики: оптика признания греховности мира и оптика восхищения его противоречивым и драматическим, вечно незавершенным единством. Мы знаем, что Юлиан в сущности не реставрировал языческую культуру, но осуществлял ее фундаментальную «реинженерию». Его личная драма заключалась в том, что он вписывал поверх имеющихся еще следов античного мира и все более распространявшегося мира нового, христианского, нечто третье, не сводимое ни к первому, ни к второму. Мережковский проинтерпретировал жизненный проект Юлиана, как и его «политическую теологию» в духе эпохи Модерна в ее специфическом российском «изводе». И эта интерпретация оказалась достаточно влиятельной на восприятие Апостата в отечественной культуре.

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

**СЕКЦИЯ II: «ДИАЛОГ ИДЕОЛОГИЙ: ФОРМАЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ
В РАМКАХ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ В АНТИЧНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»**

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),
Заведующий кафедрой еврейской культуры

**ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ИУДЕЕ
В ОТРАЖЕНИИ АПОКРИФОВ И ПСЕВДОЭПИГРАФОВ,
ОБНАРУЖЕННЫХ В ПЕЩЕРАХ КУМРАНА***

В докладе исследуются особенности идеологических коллизий, засвидетельствованные между авторами обнаруженных в пещерах Хирбет-Кумрана апокрифов и псевдоэпиграфов (как собственно созданных в недрах Кумранской общины, так и привнесенных извне, но идеологически близких мировоззрению кумранитов) и идеолого-политическими установками современных им иудейских правителей и иерусалимского клира. Особое внимание уделено анализу и выявлению *Sitz-im-Leben* мессианско-эсхатологических, апокалиптико-со-териологических и других релевантных теологических концептов в исторических и общественно-политических аспектах жизни тогдашней Иудеи. При этом привлека-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

ются также данные из сочинений иудейских античных авторов — Филона Александрийского и Иосифа Флавия, прежде всего те части, которые касаются ессеев, фарисеев и их радикальных ответвлений — zelотов и сикариев, саддукеев.

Ключевые слова: апокрифы и псевдоэпиграфы, Кумранская община, Иудея в эпоху эллинизма и раннеримский период

В докладе исследуются особенности идеологических коллизий, засвидетельствованные между авторами обнаруженных в пещерах Хирбет-Кумрана апокрифов и псевдоэпиграфов (как собственно созданных в недрах Кумранской общины, так и привнесенных извне, но идеологически близких мировоззрению кумранитов) и идеолого-политическими установками современных им иудейских правителей и иерусалимского клира. Особое внимание уделено анализу и выявлению *Sitz-im-Leben* мессианско-эсхатологических, апокалиптико-сотериологических и других релевантных теологических концептов в исторических и общественно-политических аспектах жизни тогдашней Иудеи. При этом привлекаются также данные из сочинений иудейских античных авторов — Филона Александрийского и Иосифа Флавия, прежде всего те части, которые касаются ессеев, фарисеев и их радикальных ответвлений — zelотов и сикариев, а также саддукеев.

Особое внимание в докладе уделено тому факту, что до наступления так называемого эллинистического кризиса в Иудее, то есть до начала антииудаистских гонений, инспирированных Антиохом IV Епифаном в 167–164 гг. до н. э. и поставивших на грань истребления правоверных иудеев, в иудейском обществе не получила развития доктрина о загробной жизни и загробном воздаянии. Например, Дж. Х. Чарлзуорт замечает:

Ученые обычно согласны в том, что ветхозаветные писания не содержат эксплицитных указаний на воскресение мертвых, возможно, за исключением Исаии, гл. 26 и Даниила, гл. 12. По смерти индивидуум просто оказывается в месте вечного упокоения, своей (или родовой) гробнице. Шеол

и преисподняя ('eres) [куда нисходят духи] описываются как обитель мертвецов, а не как местопребывание людей, продолжающих жить после смерти. Только доброе имя человека и сын напоминают о нем на земле в мире живых.

Однако смертельные гонения на иудаизм со стороны эллинистов и эллинизаторов способствовали тому, что доктрины бессмертия души, воскресения тел и загробного воздаяния буквально в течение нескольких десятилетий получили интенсивное развитие в иудейском обществе, что нашло свое отражение в кумранских рукописях, а также иудейских апокрифах и псевдоэпиграфах.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

IDEOLOGICAL CONFRONTATION IN JUDAISM IN THE REFLECTION OF APOCRYPHA AND PSEUDOEPIGRAPHA DISCOVERED IN THE QUMRAN CAVES*

The paper examines the peculiarities of the ideological collisions attested between the authors of the apocrypha and pseudepigrapha found in the caves of Khirbet Qumran (both those created in the depths of the Qumran community and those brought from outside, but ideologically close to the worldview of the Qumranites) and the ideological-political attitudes of the contemporary Jewish rulers and the Jerusalem clergy. Special attention is paid to the detection and analysis of *Sitz-im-Leben's* identification of messianic-eschatological, apocalyptic-soteriological and other relevant theological concepts in the historical and socio-political aspects of the life of Judea at that time.

Keywords: apocrypha and pseudepigrapha, Qumran community, Judea in the Hellenistic and early Roman periods

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 "Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages," <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор
философских наук, профессор; Санкт-
Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), Заведующий
кафедрой еврейской культуры

**РОЖДЕНИЕ ЧУДО-РЕБЕНКА КАК АЛЛЕГОРИЯ
УСТАНОВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОГО НОВОГО МИРА
В БЛАГОДАРСТВЕННЫХ ГИМНАХ КУМРАНСКОГО
УЧИТЕЛЯ ПРАВЕДНОСТИ И ЭКЛОГЕ IV ВЕРГИЛИЯ:
АРХЕТИПИЧЕСКИ-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ***

Автор одного из кумранских Благодарственных гимнов (вероятно, середина — вторая половина II в. до н. э.; Иудея), по-видимому, тождественный с лидером Кумранской общины — Учителем праведности, в тексте *IQH^a* 11:7–10 аллегорически изображает установление нового справедливого и благодатного мирового порядка как порождение персонифицируемым им праведным сообществом, иносказательно изображаемым как роженица в муках (NB: еврейский термин *'dh*, «(со)общество», «община», — женского рода), чудесного «Мужа» — с явной аллюзией на *Ис.* 9:5[6] (ср. также: *Ис.* 7:14; гл. 11). С аналогичной «архетипически»-типологической аллегорией мы встречаемся, например, у Вергилия. Так, в своей эклоге IV «Буколик» (около 41/39 г. до н. э.) римский поэт иносказательно описывает наступление благодатного золотого века («золотого рода»; *gens aurea*) «Сатурного царства» как порождение (ср. особенно строки 8, 60–61) «Девой» (*Virgo*; также: «молодая женщина») «Мальчика» (*puer*; «ребенок», «дитя»), который будет приобщен к жизни «богов» и «героев» (15–16). Сей «Муж» (*vir*; 37) «будет править страной в мире» (*pacatumque reget patriis*) (17); мир же полностью преобразиться, станет благодатным и справедливым не только в отношении людей, но и жи-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

вотного мира и природы (19–30, 38–45). Отметим, что в античной поэтической традиции до Вергилия золотой век всегда позиционировался в прошлом. У Вергилия же здесь мы встречаемся с элементами эсхатологизма.

Ключевые слова: аллегория рождения нового мира, чудо-младенец, кумранские Благодарственные гимны, Эклога IV Вергилия

Автор одного из кумранских Благодарственных гимнов (вероятно, середина — вторая половина II в. до н. э.; Иудея), по-видимому, тождественный с лидером Кумранской общины — Учителем праведности, аллегорически изображает установление нового справедливого и благодатного мирового порядка* как порождение персонифицируемым им праведным сообществом, иносказательно изображаемым как роженица в муках (NB: еврейский термин *‘dh*, «(со)общество», «община», — женского рода), чудесного «Мужа» (с явной аллюзией на *Ис.* 9:5[6]**):

Я — в тяготе, как женщина перворождающая,
к которой подступили схватки,
и резкая боль в устье матки
вызывает содрогания в «горниле» беременной —
ибо (должны) проходить дети сквозь проходы
(досл.: «устье матки». — *И. Т.*) смерти.
И чреватая Мужем (*gbr*) стиснута болями своими,
ибо сквозь проходы смерти она
высвобождает Мужчину (*zkr*);
и с болями Шеола вырвется
из «горнила» беременной
Чудо-Советник (*yw’s pl’*) со своим могуществом,
и высвободится Муж (*gbr*) из проходов.***

Параллельно автор Благодарственного Гимна упоминает и «чреватую Змием» (*IQH^a* 11:12), имея в виду, вероятно, современное ему нечестивое, с точки зрения кумранитов, общество.

* Вероятно, во главе с мессианской фигурой.

** Ср. также: *Ис.* 7:14; гл. 11.

*** *IQH^a* 11:7–10. Ср.: *1 Ен.* 62:4–9; ср. также: 4Q428 (4QH^b), фр. 2, 4Q432 (*par* 4QH^f), фр. 4, кол. 1.

С аналогичной «архетипически»-типологической аллегорией мы встречаемся, например, и у Вергилия.* Так, в своей эклоге IV «Буколик» (около 41/39 г. до н. э.) римский поэт иносказательно описывает наступление благодатного золотого века («золотого рода»; gens aurea) «Сатурного царства» как порождение (ср. особенно строки: 8, 60–61) «Девой» (Virgo; также: «молодая женщина»)** «Мальчика» (puer; «ребенок», «дитя»), который будет приобщен к жизни «богов» и «героев» (15–16). Сей «Муж» (vir; 37) «будет править страной в мире» (pacatumque reget patriis)” (17); мир же полностью преобразиться, станет благодетным и справедливым не только в отношении людей, но и даже животного мира и природы (19–30, 38–45).

Отметим, что в античной поэтической традиции до Вергилия золотой век всегда позиционировался в прошлом. У Вергилия же здесь мы встречаемся с элементами эсхатологизма.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

**THE BIRTH OF THE MIRACLE CHILD AS AN ALLEGORY
OF THE ESTABLISHMENT OF A GRACIOUS NEW WORLD
IN THE THANKSGIVING HYMNS OF THE QUMRAN
TEACHER OF RIGHTEOUSNESS AND VIRGIL'S ECLOGUE IV:
ARCHETYPAL-TYOLOGICAL PARALLELISM*****

The author of one of the Qumran Thanksgiving Hymns (probably mid — to second half of the 2nd century B. C. E.; Judea), apparently identical with the leader of the Qumran

* Политические контакты иудеев с римлянами установились с середины II в. до н. э. В 63 г. до н. э. Помпей взял Иерусалим.

** В мифологии: Справедливость; дочь Юпитера и Фемиды. В золотой век «Сатурного царства» жила на земле; с наступлением железного века превратилась в звезду в созвездии Девы.

*** The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

community, the Teacher of Righteousness, in the text of *IQH*^a 11:7–10 allegorizes the establishment of a new righteous and gracious world order as being brought about by the righteous community personified by him, allegorically depicted as a woman in travail (NB: the Hebrew term ‘*dh*, “(co)society,” “community,” is feminine), of a miraculous “Man” — with an obvious allusion to *Is.* 9:5 (cf. also: *Is.* 7:14; ch. 11). We meet a similar “archetypical”-typological allegory in Virgil. Thus, in his eclogue IV of “Bucolics” (ca. 41/39 B. C. E.), the Roman poet allegorically describes the advent of the bountiful golden age (“golden generation;” *gens aurea*) of the “Saturnian reign” as the birth (cf. especially lines 8, 60–61) by the “Virgin” (*Virgo*; also: “young woman”) of the “Child” (*puer*; “boy”) who will be get involved to the life of “gods” and “heroes” (15–16). This “Man” (*vir*; 37) “will rule the country peacefully” (*pacatūque reget patriis*) (17); the world will be completely transformed, becoming benevolent and just not only in relation to people, but also to the animal world and nature (19–30, 38–45). Note that in the ancient poetic tradition before Virgil, the golden age was always positioned in the past. In Virgil, however, we meet with elements of eschatology.

Keywords: allegory of the new world’s birth, the Qumran Thanksgiving Hymns, Virgil’s Eclogue IV

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Заведующий кафедрой еврейской культуры

ВОЗМОЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В ИУДЕЙСКОЙ СРЕДЕ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ «КНИГИ СОЗИДАНИЯ»*

«Книга Созидания (*Сефер Йецира*)» представляет собой своего рода комментарий на первую главу книги Бытия

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

(евр. название *Берешит*, «В начале», — с этого слова начинается книга и вся Библия). Она рассматривает процесс творения мироздания Господом «тридцатью двумя чудесными путями Мудрости», которые суть десять *сефирот*-«чисел» «без ничего» и «двадцать две буквы основания» — двадцать две буквы еврейского алфавита; именно эти сущности оказываются глубинными основаниями, принципами и первоэлементами мироздания. Выявляя и анализируя возможное неиудейское влияние и параллели к «Книге Созидания», вероятно, следует учитывать египетское учение о творческой силе различных звуков, нашедшем свое ранее выражение еще в «Мемфисском теологическом трактате». В Вавилонии имело место мистическое использование чисел. Целесообразно также учитывать работу Филона Библского о финикийских буквах, в которой они интерпретируются как символы (египетских) богов и одновременно как космические «элементы»; отдельные аспекты эллинистических фонетических учений; релевантные доктрины неопифагорейцев, неоплатоников (особенно Плотина и Прокла); «Проповеди» Псевдо-Клементя, сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита; греческие магические папирусы; гностический трактат «Пистис София». Тем не менее, если мистика чисел и букв в «Книге Созидания» и испытала определенное внешнее влияние, то, с другой стороны, произведение содержит и *аутентичные* еврейские идеи о тайне букв и языка.

Ключевые слова: иудейский мистицизм, восточносредиземноморский мистицизм, позднеантичная философия, гностицизм, «Книга Созидания».

Написанная на древнееврейском языке «Книга Авраама, обычно именуемая «Книгой Созидания» (*Сефер Йецира*)» представляет собой своего рода комментарий на первую главу книги Бытия (евр. название *Берешит*, «В начале», — с этого слова начинается книга и вся Библия) и является центральным произведением еврейской эзотерической космогонической традиции — *Ма'асе Берешит*, sc. «Деяния (здесь: Описание) Творения». «Книга Созидания» претендует на выявление сущностных элементов космогенеза и антропогенеза, открытие

глубинных основ мироздания, описание фундаментальных принципов функционирования вселенной и человека. Более конкретно, она рассматривает процесс творения мироздания Господом «тридцатью двумя чудесными путями Мудрости», которые суть десять *сефирот*-«чисел» «без ничего» и «двадцать две буквы основания» — двадцать две буквы еврейского алфавита; именно эти сущности оказываются глубинными основаниями, принципами и первоэлементами мироздания. На основании содержания заключительной (пятой) главы данного сочинения его авторство традиционно приписывается патриарху Аврааму — отсюда полное название книги: «Книга букв Авраама, отца нашего» или просто «Книга Авраама, отца нашего».

По языковому стилю произведение сближается с Мишной и отчасти сочинениями еврейской мистики *Меркавы*, sc. Божественной «Колесницы», так что по лингвистическим особенностям ее возникновение вряд ли могло иметь место ранее II в. н. э. Допускается, что «Книга Созидания» была создана в диапазоне между II и VIII/IX вв., вероятнее всего, в III–VI вв. палестинским евреем (в ней, видимо, присутствуют и постталмудические интерполяции). Книга дошла до нас в краткой версии (от 1300 слов), ближе всего стоящей к первоначальному тексту произведения, пространной версии, а также в т. н. версии Саадии Гаона (882–942 гг.), легшей в основу его философского комментария на «Книгу Созидания».

Выявляя и анализируя возможное неиудейское влияние и параллели к «Книге Созидания», вероятно, следует учитывать египетское учение о творческой силе различных звуков, нашедшем свое ранее выражение еще в «Мемфисском теологическом трактате». В Вавилонии имело место мистическое использование чисел. Целесообразно также учитывать работу Филона Библского о финикийских буквах, в которой они интерпретируются как символы (египетских) богов и одновременно как космические «элементы»; отдельные аспекты эллинистических фонетических учений; релевантные доктрины неопифагорейцев, неоплатоников (особенно Плотина и Прокла); «Проповеди» Псевдо-Клементя, сочинения Псевдо-Дио-

нисия Ареопагита; греческие магические папирусы; гностический трактат «Пистис София». Тем не менее, если мистика чисел и букв в «Книге Созидания» и испытала определенное внешнее влияние, то, с другой стороны, произведение содержит и *аутентичные* еврейские идеи о тайне букв и языка.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

**POSSIBLE ELEMENTS OF WORLDVIEW DEBATES IN
THE JEWISH MILIEU IN LATE ANTIQUITY USING
THE EXAMPLE OF *THE BOOK OF CREATION****

“The Book of Creation” (*Sefer Yetzirah*) is a kind of commentary on the first chapter of the Book of Genesis. It examines God’s creation of the universe by “thirty-two marvelous paths of Wisdom,” which are the ten *sefirot*-“numbers” “without anything” and the “twenty-two letters of the foundation”-the twenty-two letters of the Hebrew alphabet; it is these entities that prove to be the deep foundations, principles, and primal elements of the universe. Identifying and analyzing possible non-Judean influence and parallels to the “Book of Creation,” it is probably necessary to take into account the Egyptian doctrine of the creative power of various sounds, which found its earlier expression in the “Memphis Theological Treatise.” In Babylonia there was a mystical use of numbers. It is also reasonable to take into account the work of Philo of Byblos on Phoenician letters, in which they are interpreted as symbols of the (Egyptian) gods and at the same time as cosmic “elements;” certain aspects of Hellenistic phonetic doctrines; relevant doctrines of the Neopythagoreans, Neoplatonists (especially Plotinus and Proclus); the “Sermons” of Pseudo-Clement, the writings of Pseudo-Dionysius the Areopagite; Greek magical papyri; and the Gnostic treatise Pistis

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

Sophia. Nevertheless, if the mysticism of numbers and letters in the “Book of Creation” has experienced a certain external influence, on the other hand, the work also contains authentic Jewish ideas about the mystery of letters and language.

Keywords: Judean mysticism, Eastern Mediterranean mysticism, Late Antique philosophy, Gnosticism, “The Book of Creation”

СМИРНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), старший преподаватель; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник
ТАНТЛЕВСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА ИГОРЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), инженер-исследователь

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
РЕЛИГИОЗНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ НА ПРИМЕРЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ,
ОТРАЖЕННЫХ В КУМРАНСКИХ *ПЕШАРИМ****

Так называемые комментарии (евр. *пешарим*) на библейские тексты составляют особую группу рукописей Мертвого моря. Кумраниты полагали, что пророческие тексты Библии предвещают в иносказательно-аллегорической и метафорической формах исторические события периода жизнедеятельности их общины и, прежде всего, факты, непосредственно связанные с ее судьбой, и что, следовательно, «адекватное» истолкование соответствующих библейских текстов позволяет предвидеть будущее. Среди дошедших до нас кумранских рукописей мы встречаем комментарии на отдельные пророческие

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

книги (Исайи, Осии, Михея, Наума, Аввакума, Софонии) и Псалмы (37-й, 68-й, 127-й), в которых получили зашифрованное выражение значительные пласты религиозно-политических и теологических дискуссий в Иудее эпохи эллинизма и раннеримского периода, нюансы мировоззренческих диспутов, коллизий, полемических диалогов и т. д. В докладе обсуждается опыт построения теоретико-игровых и сетевых моделей отдельных идеологических диспутов и противостояний, а также методология дальнейшего исследования этих моделей.

Ключевые слова: кумранские комментарии на библейские тексты, теология раннего иудаизма, эллинизм в Иудее, теория игр, сетевые модели

Комментарии (евр. *пешарим*; своего рода «истолкования») на библейские тексты составляют особую группу рукописей Мертвого моря. Кумраниты полагали, что пророческие тексты Библии предвещают в иносказательно-аллегорической и метафорической формах исторические события периода жизнедеятельности их общины и, прежде всего, факты, непосредственно связанные с ее судьбой, и что, следовательно, «адекватное» истолкование соответствующих библейских текстов позволяет предвидеть будущее. Среди дошедших до нас кумранских рукописей мы встречаем комментарии на отдельные пророческие книги (Исайи, Осии, Михея, Наума, Аввакума, Софонии) и Псалмы (37-й, 68-й, 127-й), в которых получили зашифрованное выражение значительные пласты религиозно-политических и теологических дискуссий в Иудее эпохи эллинизма и раннеримского периода, нюансы мировоззренческих диспутов, коллизий, полемических диалогов и т. д. между представителями Кумранской общины (обозначающими себя «общиной Нового Завета», «сынами Света», «простоцами», «домом Йехуды»), фарисеями («толкователи скользкого», «Эфраим») и саддукеями («Менашше»). Важнейшими темами полемики были не только вопросы религиозно-идеологические, теолого-философские, политические, но и связанные с проблемами лунного и солнечного календарей, ритуальной чистоты, религиозных обрядов и т. п. Особое место

занимали дискуссии в отношении роли в обществе цадокидского священства и первосвященника, функционирования Иерусалимского Храма и храмовых жертвоприношений, места светской власти и появления правителя-Давида, Конца дней, потустороннего мира, бессмертия, загробного воздаяния.

В докладе обсуждается опыт построения теоретико-игровых и сетевых моделей отдельных идеологических диспутов и противостояний, а также методология дальнейшего исследования этих моделей.

NADEZHDA SMIRNOVA, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russia),
Senior Lecturer; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Research Fellow

ELIZAVETA TANTLEVSKAYA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Researcher Engineer

**EXPERIENCE IN CONSTRUCTION OF MATHEMATICAL
MODELS OF RELIGIOUS AND THEOLOGICAL CONFLICTS
AND IDEOLOGICAL DISCUSSIONS ON THE EXAMPLE
OF RECONSTRUCTION OF HISTORICAL EVENTS
REFLECTED IN THE QUMRAN *PESHARIM****

The so-called commentaries (Heb. *pesharim*) on biblical texts constitute a special group of Dead Sea manuscripts. The Qumranites believed that the prophetic texts of the Bible foretell in allegorical and metaphorical forms the historical events of the period of their community's life and, above all, the facts directly related to its fate, and that, therefore, "adequate" interpretation of the relevant Biblical texts allows them to foresee the future. Among the extant Qumran manuscripts we find commentaries on individual prophetic books (Isaiah, Hosea, Micah, Nahum, Habakkuk, Zephaniah) and Psalms (37th, 68th, 127th), in which significant layers of

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 "Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages," <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

religious-political and theological discussions in Judea of the Hellenistic and early Roman periods, nuances of worldview disputes, conflicts, polemical dialogues, etc. received coded expression. The paper discusses the experience of building game-theoretic and network models of some ideological disputes and confrontations, as well as the methodology of their further research.

Keywords: Qumran pesharim, theology of early Judaism, Hellenism in Judea, game theory, network models

СМИРНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), старший преподаватель; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник
ТАНТЛЕВСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА ИГОРЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), инженер-исследователь

О МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫХ МНОГОШАГОВЫХ МОДЕЛЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ДИАЛОГА*

В докладе представлены новые методы исследования многошаговых моделей идеологического противостояния и диалога на примере древнееврейских литературных, религиозно-философских и легислативных нарративов периода Второго Храма. Для исследования выделены два случая. В первом — взаимодействующие стороны ориентируются на один (основной) критерий, то есть модель противостояния представлена в виде однокритериальной игры. Во втором случае модель противостояния представлена в виде многокритериальной игры, то есть учтено наличие у взаимодействующих сторон нескольких целевых критериев. Для второго случая

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

изучен способ сведения модели к классической однокритериальной игре, что упрощает поиск равновесных и коалиционных решений. Предложены механизмы постепенного сглаживания противостояния и реализации компромисса в случае трансферабельной / нетрансферабельной полезности по отдельным целевым критериям.

Ключевые слова: многокритериальные модели, идеологическое противостояние, равновесие Парето, целевые критерии

В докладе представлены новые методы исследования многошаговых моделей идеологического противостояния и диалога на примере древнееврейских литературных, религиозно-философских и легислативных нарративов периода Второго Храма.

Предполагается, что стороны конфликта имеют несколько переговорных показателей (критериев), ценность которых для каждой из сторон различна. В качестве компромиссного решения взаимодействующие стороны будут стремиться прийти к равновесному по Парето исходу. Мотивацией к применению этого решения служит тот факт, что не существует другого компромиссного решения, лучшего по всем показателям. То есть, ни одна из сторон не сможет предложить другое решение, которое улучшит положение любой из сторон по всем показателям.

Для исследования выделены два случая.

В первом — взаимодействующие стороны ориентируются на один (основной) критерий, то есть модель противостояния представлена в виде однокритериальной игры. Во втором случае модель противостояния представлена в виде многокритериальной игры, то есть учтено наличие у взаимодействующих сторон нескольких целевых критериев. Для второго случая изучен способ сведения модели к классической однокритериальной игре, что упрощает поиск равновесных и коалиционных решений. Предложены механизмы постепенного сглаживания противостояния и реализации компромисса в случае трансферабельной / нетрансферабельной полезности по отдельным целевым критериям.

Представление модели противостояния в виде многокритериальной игры позволяет выявить новые аспекты в поведении сторон и дать им соответствующую интерпретацию (в сравнении с однокритериальной игрой).

Несмотря на то, что использование компромиссного решения в многокритериальном случае улучшает позиции игроков, дополнительно исследован вариант, при котором один из игроков может отклониться от реализации компромиссного решения. Рассмотрены различные сценарии для обеспечения устойчивости компромисса, в том числе основанные на использовании стратегий наказания.

NADEZHDA SMIRNOVA, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russia),
Senior Lecturer; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Research Fellow

ELIZAVETA TANTLEVSKAYA, Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Researcher Engineer

ON MULTICRITERIA MULTISTAGE MODELS OF CONFRONTATION AND DIALOGUE*

The paper presents new methods of research of multistage models of ideological confrontation and dialogue on the example of Jewish literary, religious-philosophical and legislative narratives of the Second Temple period, taking into account the presence of several goal criteria of the interacting parties. Two cases were selected for the research. In the first one, the interacting parties are guided by one (main) criterion, that is, the confrontation model is presented in the form of a single-criterion game. In the second case, the model is presented in the form of a multicriteria game, that is, the presence of several target criteria for the interacting parties is taken into account. The method of reducing the model to

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

a classical single-criteria game is studied, which simplifies the search for equilibrium and coalitional solutions. Mechanisms for gradual smoothing of controversies and the compromise implementation in case of transferable / non-transferable utility of separate goal criteria are proposed.

Keywords: multicriteria models, ideological confrontation, Pareto equilibrium, goal criteria

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Заведующий кафедрой еврейской культуры

ТАНТЛЕВСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА ИГОРЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), инженер-исследователь

**ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОЛОГО-ФИЛОСОФСКОЙ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ КУМРАНИТОВ В КОНТЕКСТЕ
ИУДЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ
В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА***

В докладе сделана попытка показать, что обретение кумранитами «Знания» носило по преимуществу характер непосредственного интуитивного «духовного» постижения, однако включало и отдельные элементы «ноэтики». Данный когнитивный феномен подчас прямо описывался в кумранских рукописях (прежде всего в Благодарственных гимнах) как озарение. С другой стороны, кумранское учение о том, что Бог «создал разумение для всех стремящихся к знанию» и что «всякий разум — извечен» предполагает, что разум человека изначально оказывается сопричастен к вечному Разуму Бога. Как одно из следствий этого, у человека есть потенциальный дар непосредственно приобщаться к элементам «Знания», содержащего в Божественном

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

Разуме. Существовал и мистическо-«гностический» путь познания. Вероятно, кумраниты практиковали своего рода мистические небесные «вояжи» в некоем экстатическом состоянии — по сути, вероятно, подразумевавшем мистическую «смерть» и последующее «возрождение», предполагавшие обретение небесного Знания. Сделана также попытка реконструировать элементы теологической эпистемологической системы общинников и выявить некоторые особенности кумранского креационистского учения и тесно связанной с ним доктрины о предопределении; воззрений на историю, эсхатологию и созидание нового мира; дуалистические концепции в корреляции с сотериологией; кумранскую теологию Света и Тьмы в этико-гносеологическом и сотериологическом аспектах.

Ключевые слова: Кумран, теология, креационизм, предопределение, дуализм, сотериология

Авторы доклада стремятся показать, что обретение кумранитами «Знания» носило по преимуществу характер непосредственного интуитивного «духовного» постижения, однако включало и отдельные элементы «ноэтики». Данный когнитивный феномен подчас прямо описывался в кумранских рукописях (прежде всего в Благодарственных гимнах) как озарение. С другой стороны, кумранское учение о том, что Бог «создал (*yṣr*) разумение (*bynh*) для всех стремящихся к знанию (*d't*)» и что «всякий разум — извечен» (*kwl skl m'wlm hw'*) (4Q299 4QMysteries^a, фр. 8, 7–8), предполагает, что разум человека изначально оказывается сопричастен к вечному Разуму Бога (иначе он не может быть *извечен*). Как одно из следствий этого, у человека есть потенциальный дар непосредственно приобщаться к элементам «Знания», содержащего в Божественном Разуме. Существовал и мистическо-«гностический» путь познания. Вероятно, кумраниты практиковали своего рода мистические небесные «вояжи» в некоем экстатическом состоянии — по сути, вероятно, подразумевавшем мистическую «смерть» и последующее «возрождение», предполагавшие обретение небесного Знания. Сделана также попытка реконструировать элементы теологической эпистемологической системы

общинников и выявить некоторые особенности кумранского креационистского учения и тесно связанной с ним доктрины о предопределении; воззрений на историю, эсхатологию и со-зидание нового мира; дуалистические концепции в корреляции с сотериологией; кумранскую теологию Света и Тьмы в этико-гносеологическом и сотериологическом аспектах.

Дополнительно обсуждается возможность построения подходящих теоретико-игровых и/или сетевых моделей иудейской идеологической полемики в эпоху эллинизма.

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Chairman of the Department of Jewish Culture

ELIZAVETA TANTLEVSKAYA, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Researcher Engineer

**ELEMENTS OF QUMRANITES' THEOLOGICAL
AND PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY IN
THE CONTEXT OF JEWISH IDEOLOGICAL
POLEMICS IN THE HELLENISTIC PERIOD***

The paper attempts to show that the acquisition of “Knowledge” by the Qumranites was mostly of the nature of direct intuitive “spiritual” comprehension, but also included some elements of “noetics.” This cognitive phenomenon was sometimes directly described in Qumran manuscripts (first of all in the Thanksgiving Hymns) as an insight. On the other hand, the Qumran doctrine that God “created understanding for all who seek knowledge” and that “all reason is eternal” implies that the human mind is initially in communion with the eternal Mind of God. As one consequence of this, man has the potential gift of directly accessing the elements of “Knowledge” contained in the Divine Mind. There was also a mystical-“gnostic” way of knowledge. Probably, the Qumranites practiced a kind of mystical celestial “voyages” in some kind of ecstatic state — in essence, probably, implying mys-

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

tical “death” and subsequent “rebirth,” implicating the acquisition of celestial Knowledge. We also attempt to reconstruct the elements of the theological epistemological system of the community and reveal some features of the Qumran creationist doctrine and the closely related doctrine of predestination; views on history, eschatology, and the creation of the new world; dualistic concepts in correlation with soteriology; Qumran theology of Light and Darkness in ethical, gnosiological, and soteriological aspects.

Keywords: Qumran, theology, creationism, predestination, dualism, soteriology

КУЗЮТИН ДЕНИС ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, кандидат физико-математических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Заведующий кафедрой еврейской культуры

СМИРНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), старший преподаватель; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ИУДЕЙСКИХ СЕКТ В ПЕРИОД РАННЕГО ИУДАИЗМА*

В докладе исследуется возможность применения формализованных моделей для описания и анализа противостояния, взаимовлияния и диалога основных идеологических течений и религиозно-политических сект в период раннего иудаизма — прежде всего фарисеев, саддукеев и ессеев, головным центром которых, по всей вероятности, являлась Кумранская община. Рассматриваются три типа формаль-

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

ных моделей: многошаговые теоретико-игровые модели стратегического взаимодействия, модели сетевого взаимодействия, основанные на теории знаковых социальных сетей, и модели динамики изменения мнений. Проводится сравнительный анализ особенностей построения и дальнейшего исследования математических моделей трех типов. Отдельное внимание уделено возможности учета нескольких целевых критериев у каждой из сторон, то есть применению аппарата многокритериальных игр, а также построению равновесных и коалиционных решений.

Ключевые слова: Кумран, идеологическое противостояние и диалог, ранний иудаизм, сетевое взаимодействие

В докладе исследуется возможность применения формализованных моделей для описания и анализа противостояния, взаимовлияния и диалога основных идеологических течений и религиозно-политических сект в период раннего иудаизма — прежде всего фарисеев, саддукеев и ессеев, головным центром которых, по всей вероятности, являлась Кумранская община. Рассматриваются три типа формальных моделей: многошаговые теоретико-игровые модели стратегического взаимодействия, модели сетевого взаимодействия, основанные на теории знаковых социальных сетей, и модели динамики изменения мнений. Проводится сравнительный анализ особенностей построения и дальнейшего исследования математических моделей трех типов. Отдельное внимание уделено возможности учета нескольких целевых критериев у каждой из сторон, то есть применению аппарата многокритериальных игр, а также построению равновесных и коалиционных решений.

Данный подход является новым этапом в развитии направления, предложенного ранее,* где представлена попытка

* См. работу: *Tantlevskij I. R., Gromova E. V., Gromov D. Network Analysis of the Interaction between Different Religious and Philosophical Movements in Early Judaism // *Philosophies* 2021, 6(1), 2; <https://doi.org/10.3390/philosophies6010002>; см. т.ж. с исправлениями: *Tantlevskij I. R. et al. Network Analysis of the Interaction between Different Religious and Philosophical Movements in Early Judaism // *Philosophies* 2021, 6 (2), 104. <https://doi.org/10.3390/philosophies6040104>**

системного описания и интерпретации эволюции различных религиозно-политических движений в Иудее в период Второго храма с использованием методов теории социальных сетей; здесь были подробно проанализированы взаимоотношения между основными иудейскими сектами: фарисеями, саддукеями, ессеями (кумранитами), а позднее и зелотами; было показано, что эволюция отношений между этими сектами согласуется с теорией социального равновесия и их отношения развивались в сторону более социально сбалансированных структур.

DENIS KUZYUTIN, CSc in Physics and Mathematics,
Associate Professor; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; Saint
Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
Chairman of the Department of Jewish Culture

NADEZHDA SMIRNOVA, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russia),
Senior Lecturer; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Research Fellow

**FORMALIZED MODELS OF CONFRONTATION
AND MUTUAL INFLUENCE OF JUDEAN SECTS
IN THE PERIOD OF EARLY JUDAISM***

The paper explores the possibility of using formalized models to describe and analyze the confrontation, mutual influence and dialogue of the main ideological currents and religio-political sects in the period of early Judaism — first of all, the Pharisees, the Sadducees and the Essenes, the head center of which, in all probability, was the Qumran community. Three types of formal models are considered: multi-stage game-theoretic models of strategic interaction, models of network interaction based on the theory of sign social networks, and models of opinion dynamics. A com-

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

parative analysis of the peculiarities of construction and further research of mathematical models of the three types is carried out.

Keywords: Qumran, ideological confrontation and dialogue, early Judaism, social networks

Федчук Дмитрий Аркадьевич, доктор философских наук, доцент; Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ РАЦИОНАЛИСТАМИ, ТРАДИЦИОНАЛИСТАМИ В ЕВРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIII–XIV ВЕКОВ И ХРИСТИАНСКОЙ СХОЛАСТИКОЙ*

В результате сопоставления схоластической и еврейской философии XIII–XIV веков становится очевидным различие в двух взглядах на смысл отношения между познанием Бога и познанием мира. Такого рода дистинкция опирается во многих своих аспектах на неоплатонизм. С точки зрения христианской схоластики между этими двумя способами познания Бога и мира нет противоречия, в то время как еврейские рационалисты выдвинули тезис двойственной концепции истины: истинное для философии может быть ложным с точки зрения теологии. У истоков рационалистических и традиционалистских учений средневековой еврейской и христианской естественной теологии лежит идея единства Первого Начала. Традиционалистская иудейская критика теологического рационализма в XIII–XV вв. обосновывала тезис о непознаваемости Бога и универсума тем, что противоположная ей точка зрения ведет к антропоморфному представлению о Первоначале. При этом идея о полной (иудаизм) или частичной (христианская схоластика) непознаваемости Бога через его сущностные

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

атрибуты, существовала как в еврейском традиционализме, так отчасти и в рационализме. Важная для всей средневековой метафизики и естественной теологии тема соотношения божественного Провидения и свободной воли, а также способ ее решения в традиционализме, показывает, что позиция традиционализма вела к отрицанию свободы.

Ключевые слова: еврейская философия, схоластика, еврейский рационализм, традиционализм, Первоначало, божественные атрибуты, Провидение, Свобода воли

Последователи Маймонида по большей части мыслили в русле тех направлений, что были заданы их учителем, и не создали своих оригинальных концепций. Однако заложенная Рамбамом рационалистическая традиция представляет большой интерес с точки зрения разработки богословско-теологических проблем, общих как для традиционных течений иудаизма, так и для христианства. Речь идет о возможности истолкования сущности Первоединого с рефлексивно-философской позиции, корнями уходящей в философию Аристотеля и платонизм. Поэтому, как и позже в христианстве, одним из первых рассматривался вопрос о соотношении веры и знания для установления значимости каждой из этих сторон в познании Бога. Исаак Альбалаг продолжает следовать за Маймонидом, писавшем в «Путеводителе растерянных», о наличии истинных идей разума, и вводит дистинкцию между двумя истинами — философской и теологической. Здесь видно влияние еврейской мысли на христианскую *philosophia naturalis* XIII века и очевидна общность обсуждаемых проблем. Авторитетные представители схоластики утверждали (Фома Аквинский, Альберт Великий, Генрих Гентский), что между разумом и верой нет конфликта, а просто каждой из этих познавательных способностей отводится определенный перечень теоретических вопросов. И если христианская схоластика признавала гармонию и единство между истинами разума и истинами веры, то для такого представителя традиционализма, как Альбалаг, подобное признание не было необходимым: истинное для философии может быть ложным с точки зрения теологии. Бог философов и Бог теологов выполняют

различные функции в познании, требующиеся для достижения пусть и не окончательной, но относительной полноты истины. В подобном подходе удовлетворяются притязания на истину не только рационализма, но и традиционализма: познание про рока, вещающее символами и глубоко значимое, соединяется с рациональным доказательством в сознании мудреца.

В ходе исследования установлено, что в основании рационалистических учений средневековой еврейской и христианской естественной теологии лежит идея единства Первого Начала. Разработанная Маймоидом и продолженная в работах его последователей, она позволяет свести центральные идеи метафизики к следующим тезисам.

1. Теоретический фундамент — это аристотелевский гилеморфизм. Во всем сущем сознание выделяет два соотнесенных онтологических принципа — материю и форму. Материя есть потенциальное начало сущего, форма служит началом актуальным. Попытка же обнаружить их в природе Бога ведет к невозможности мыслить бесконечное через понятие потенциального. Последнее должно быть исключено из понимания Бога. Такого вида элиминация проводится через негацию пассивной силы, потенции в Боге (Маймоид, Аквинат, Герсонид (и его размышления о материи)).

2. Единство понятий. Из отрицания потенциальности в Высшем Сущем вытекает: его нематериальность; бестелесность; единство; актуальность; абсолютная простота; несоставленность; бесконечность; вечность; беспричинность; отношение причинной зависимости творения от Творца, понятого как первая и Высшая действующая причина (то есть причина космологическая); понимание бытия как следствия Высшей Причины, распространяющегося на конечное сущее. Но все перечисленное сходится в центральном понятии абсолютного единства Творца.

3. Различия в понимании божественных атрибутов в рассматриваемых течениях продиктованы различием в исходных позициях их представителей.

Реакция Хасдая Крескаса (1340–1410) на рационализм фактически положила начало разрушению рационализма. Антирационализм Крескаса основывался на том, что сущее непо-

стижимо: Бог и универсум непознаваемы; Бог как действующая причина не способен стать предметом человеческого познания, ибо Ему свойственны формы движения, не способные быть постигнутыми человеческим разумом; поэтому претензия рационалистов различить на основе способностей конечного интеллекта божественные атрибуты ведет к антропоморфизму и неадекватному представлению Творца. Из положений рационализма, согласно Крескасу и традиционалистам, мы имеем право оставить только абсолютное единство Бога и Его нематериальность. Далее же двигаться в рассуждениях мы не можем. Бог познается не через сущностные атрибуты, а через сотворенный им мир. Здесь прослеживается связь с западной христианской традицией XIII–XIV вв., представители которой (Аквинат, Альберт Великий, Дунс Скот и др.), отрицая онтологическое доказательство бытия Бога Ансельма Кентерберийского, обращались к доказательству его бытия через факт наличия сотворенного мира как следствия божественной Причинности. По Крескасу же, совершенство познания Всевышнего заключено не в рассудке, а во все более глубоком чувстве любви к Богу.

Следующим аргументом традиционализма против рационализма служит отрицание первым возможности познать волю Бога разумом. Поэтому объяснения последователями Маймонида противоречия между божественным провидением и свободной волей человека и ее признания ими признавались ошибочными. С одной стороны, как считали традиционалисты, существует непреложная необходимость природных законов, исходящих от Бога, а с другой, свободный выбор достаточен с точки зрения обоснования морали, но не входит в конфликт с законом причинности, этот выбор определивший. Такая точка зрения, безусловно, ведет к отрицанию свободы воли в том виде, как она понималась в рационализме.

Важная для иудаизма тема пророческого дара толкуется традиционалистами иначе, чем Маймонидом и его учениками. Если, согласно рационализму, дар пророчества дается тем, кто развил свои познавательные способности через занятия философией, то, по мнению Йосефа Альбо, пророческий дар — это чудо явления Божественной милости в отношении того, кто

через смирение продемонстрировал готовность полного подчинения Божественной воле, а не упражнялся в метафизике.

Обширный анализ литературы по спору между средневековыми еврейскими рационалистами и традиционалистами позволил прийти к выводу, что, в целом, отказ от рассудочного аристотелианского гилеморфизма стал причиной угасания рационализма и упрочения позиций религиозного традиционализма платонического толка, рассматривающего Бога в первую очередь как Высшую Действующую причину.

DMITRY FEDCHUK, DSc in Philosophy, Associate Professor;
Institute of the philosophy of a human, Herzen University
(Saint Petersburg, Russia), Professor; Saint Petersburg State
University (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

**THE BASIC RESULTS OF THE CONTROVERSY
BETWEEN RATIONALISTS, TRADITIONALISTS
IN JEWISH PHILOSOPHY OF THE 13TH–14TH
CENTURIES AND CHRISTIAN SCHOLASTICISM***

As a result of the comparison of scholastic and Jewish philosophy of the thirteenth and fourteenth centuries it becomes obvious that there is a difference in the two views on the meaning of the relationship between the knowledge of God and the knowledge of the world. In many of its aspects this kind of distinction is based on Neoplatonism. From the point of view of Christian scholasticism, there is no contradiction between these two ways of knowing God and the world, while the Jewish rationalists put forward the thesis of a dual concept of truth: what is true for philosophy can be false from the point of view of theology. At the origin of the rationalist and traditionalist teachings of medieval Jewish and Christian natural theology lies the idea of the unity of the First Principle. Traditionalist Jewish criticism of theological rationalism in the thirteenth and fifteenth centuries substantiated the thesis of the unknowability of God and the universe by the fact

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

that the opposite point of view leads to an anthropomorphic understanding of the First Principle. At the same time, the idea of complete (Judaism) or partial (Christian scholasticism) unknowability of God through his essential attributes existed both in Jewish traditionalism and, in part, in rationalism. Important in general for medieval metaphysics and natural theology the theme of the relationship between divine Providence and free will, as well as the way it is solved in traditionalism, shows that the position of traditionalism led to the denial of freedom.

Keywords: Jewish philosophy, scholasticism, Jewish rationalism, traditionalism, First Principle, divine attributes, Providence, free will

КУЗЮТИН ДЕНИС ВЯЧЕСЛАВОВОВИЧ, кандидат физико-математических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ФЕДЧУК ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ, доктор философских наук, доцент; Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СМИРНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), старший преподаватель; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

О ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ФИЛОСОФОВ-РАЦИОНАЛИСТОВ И ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ В XIII–XIV ВВ.*

Доклад посвящен идеологическому противостоянию внутри еврейского мира Средневековья, возникшему вокруг произведений Маймонида. Предпринята попытка реконструкции произошедших событий, структурированному описанию основных характеристик противостояния (участники, их стратегии и предпочтения, возможные исходы, динамика

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда 22-28-01221 «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и средневековье», <https://rscf.ru/project/22-28-01221/>

развития конфликта и пр.), а также построению теоретико-игровой и сетевой моделей данного идеологического противостояния и их исследованию математическими методами. Отметим, что большинство совершенных участниками противостояния действий укладываются в принятые в теории игр концепции оптимального поведения (различные арбитражные схемы, оптимальность по Парето, равновесие по Нэшу). Однако, отдельные действия сторон очевидно противоречат концепции «рационального поведения» (одно из базовых предположений математической теории игр), и именно эти действия во многом способствовали обострению идеологического противостояния.

Ключевые слова: Маймонид, идеологическое противостояние, философия, иудаизм, теория игр

Доклад посвящен идеологическому противостоянию внутри еврейского мира Средневековья, возникшему вокруг произведений Маймонида. Предпринята попытка реконструкции произошедших событий, структурированному описанию основных характеристик противостояния (участники, их стратегии и предпочтения, возможные исходы, динамика развития конфликта и пр.), а также построению теоретико-игровой и сетевой моделей данного идеологического противостояния и их исследованию математическими методами.

Отметим, что большинство совершенных участниками противостояния действий укладываются в принятые в теории игр концепции оптимального поведения (в частности, различные арбитражные схемы — арбитражная схема Нэша, относительно-эгалитарная и др., оптимальность по Парето, равновесие по Нэшу, равновесие по Бержу). Однако, отдельные действия сторон очевидно противоречат концепции «рационального поведения» (одно из базовых предположений математической теории игр), и именно эти действия во многом способствовали обострению идеологического противостояния.

По результатам сопоставления найденных решений модели с фактическим (исторически известным) поведением сторон можно сделать следующие наблюдения:

1) в большинстве промежуточных позиций многошаговой модели участники принимали решения в соответствии

с принятыми в математической теории игр концепциями оптимального (рационального) поведения.

2) как основная оптимальная траектория, так и «условно-оптимальные» (полученные после однократного нерационального решения, совершенного некоторым игроком, с последующим возвращением к рациональной схеме поведения) приводят к исходам, которые оптимальны по Парето, соответствуют абсолютному равновесию по Нэшу.

3) нерациональные выборы сторон отчасти можно объяснить отсутствием у игроков достоверной информации. Фактическое развитие конфликта, вызванное несколькими «нерациональными» шагами сторон, к сожалению, сопровождалось весьма трагическими событиями, оставившими глубокий след в исторической памяти еврейского народа.

DENIS KUZYUTIN, CSc in Physics and Mathematics,
Associate Professor; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

DMITRY FEDCHUK, DSc in Philosophy, Associate Professor;
Institute of the philosophy of a human, Herzen University
(Saint Petersburg, Russia), Professor; Saint Petersburg State
University (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

NADEZHDA SMIRNOVA, National Research University
Higher School of Economics (Moscow, Russia),
Senior Lecturer; Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Research Fellow

ON FORMAL MODELS OF IDEOLOGICAL CONFRONTATION BETWEEN RATIONALISTS AND TRADITIONALISTS IN THE 13TH–14TH CENTURIES*

The report is devoted to the ideological confrontation within the Jewish world of the Middle Ages, which arose around the works of Maimonides. An attempt is made to reconstruct the

* The research was carried out at Saint-Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-01221 “Dialogue of Ideologies: Models of Worldview Discussions on the Examples within Jewish Culture in Antiquity and the Middle Ages,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-01221/>

events that took place, to provide a structured description of the main characteristics of the confrontation (participants, their strategies and preferences, possible outcomes, dynamics of the conflict, etc.), as well as to construct game-theoretic and network models of this ideological confrontation and to study them using mathematical methods. It should be noted that most of the actions taken by the participants of the confrontation fit into the concepts of optimal behavior accepted in game theory (various arbitration schemes, Pareto optimality, Nash equilibrium). However, some actions of the parties obviously contradict the concept of “rational behavior” (one of the basic assumptions of mathematical game theory), and it is these actions that largely contributed to the aggravation of the ideological confrontation.

Keywords: Maimonides, ideological confrontation, philosophy, Judaism, game theory

Оглавление

Пленарное заседание	5
Секция 1: «Диалектика Платона в оценке современной историко-философской методологии» (часть 1)	16
Секция 2: «Диалектика, логика и язык у Платона»	27
Секция 3: «Новые подходы в платоноведении»	48
Секция 4: «Платон и русская философия»	63
Круглый стол «Проблемы субъекта в античности и их рецепция в культуре Ренессанса и Нового времени» ..	96
Секция 1: «Диалектика Платона в оценке современной историко-философской методологии» (часть 2)	114
Секция 5: «Диалектика Платона в философии Поздней Античности и Средних веков»	125
Секция 6: «Диалектика Платона в философии Возрождения и Нового времени»	143
Секция 7: «Платон и новейшая философия»	166
Секция 8: «Платон в истории культуры»	188
Секция 9: «Платоновский след: новые подходы и идеи»	212
Секция 10: «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в поздней античности и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.»	233
Секция 11: «Диалог идеологий: формальные модели мировоззренческих дискуссий в рамках еврейской общности в античности и Средневековье»	260

Научное издание

**Тезисы докладов участников
XXXI научной конференции
«Универсум Платоновской мысли»:
«Диалектика Платона: метод,
норма, самопознание»**

Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023

*Художник О. Курта
Верстка Д. Курдыбайло*

Подписано в печать 28.10.2023
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бум. офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,5
Заказ № 1008

МОО Платоновское философское общество
Тел.: (812) 310–79–29; +7(981) 699-6595;
e-mail: 9450922@gmail.com